

СЧАСТЬЕ
КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Ж. Ледлофф

КАК ВЫРАСТИТЬ РЕБЕНКА СЧАСТЛИВЫМ

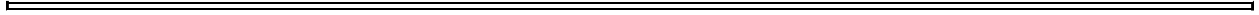
принцип
преемственности

Annotation

Книга американского психотерапевта Ж. Ледлофф будет полезна психологам, воспитателям, родителям — всем кто задается вопросом: как вырастить ребенка счастливым. Ж. Ледлофф провела два с половиной года в племенах южноамериканских индейцев, где в отношениях между взрослыми и детьми царит полная гармония, которой так не хватает в цивилизованном обществе. Ж. Ледлофф пришла к выводу, что если мы будем обращаться с детьми так, как это делали наши предки на протяжении тысячелетий, наши малыши будут спокойными и счастливыми. Эта книга о том, как важно, воспитывая ребенка, прислушиваться к собственной интуиции, а не к советам «экспертов» в области ухода за детьми.

- [Как вырастить ребенка счастливым](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая. О том, как мои взгляды на жизнь круто изменились](#)
 - [Глава вторая. Принцип преемственности](#)
 - [Глава третья. Начало жизни](#)
 - [Глава четвертая. Ребенок растет](#)
 - [Глава пятая. Недостаток впечатлений и опыта](#)
 - [Глава шестая. Общество](#)
 - [Глава седьмая. Как заставить принцип преемственности снова работать](#)
 - [Послесловие. Некоторые мысли для нового издания](#)
 - [О родителях](#)
 - [Почему не стоит винить себя в том, что вы, как и все представители европейской цивилизации, неправильно обращались со своим ребенком?](#)
 - [О нашем странном неумении видеть](#)
 - [О заикленности на ребенке и об уступчивых родителях](#)
 - [Новые мысли о психотерапии](#)
 - [Ассоциация Континуума Ледлофф](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

Как вырастить ребенка счастливым

Книга американского психотерапевта Ж. Ледлофф будет полезна психологам, воспитателям, родителям — всем кто задается вопросом: как вырастить ребенка счастливым.

Ж. Ледлофф провела два с половиной года в племенах южноамериканских индейцев, где в отношениях между взрослыми и детьми царит полная гармония, которой так не хватает в цивилизованном обществе. Ж. Ледлофф пришла к выводу, что если мы будем обращаться с детьми так, как это делали наши предки на протяжении тысячелетий, наши малыши будут спокойными и счастливыми.

Эта книга о том, как важно, воспитывая ребенка, прислушиваться к собственной интуиции, а не к советам «экспертов» в области ухода за детьми.

Жан Ледлофф

Перевод с английского Леонида и Ирины Шарашкиных

*Серия «Психология для жизни»
Генезис, 2003*

**Classics in Child Development
THE CONTINUUM CONCEPT
In Search of Lost Happiness
Jean Liedloff**

**A Merloyd Lawrence Book
Addison-Wesley Publishing Company
1994**

Если есть книга, которая могла бы спасти мир, то эта книга перед вами.

Предисловие

Как вырастить ребенка счастливым? Каждый любящий родитель задается этим вопросом. Ответ приходится искать самим, ведь ни в семье, ни в школе, ни в институте нас не учат тому, как это делать. Однако, как ни странно, книги о том, как вырастить ребенка *счастливым*, — огромная редкость. Большинство авторов книг по уходу за ребенком не только не знают ответа на этот вопрос, но даже не понимают его сути. Они считают (и заставляют верить в это родителей), что счастье ребенка целиком складывается из сухих подгузников, детского питания и плюшевых зверьков.

В нашем стремлении дать ребенку «все, что ему нужно», мы часто проходим мимо самого главного — того, в чем он нуждается не просто для того, чтобы выжить, но для того, чтобы вырасти счастливым. Привычным является мнение о том, что ребенок для молодой семьи — большое испытание: он плачет, будит родителей по ночам, а когда начинает ползать и ходить, все норовит сломать и опрокинуть. Мы списываем это на то, что «все дети такие», и даже не замечаем, что у кошки, которая никогда не читала умных книг по уходу за котятками, котята плачут куда реже, чем у нас — человеческие детеныши.

Мы не только не знаем и не понимаем истинных потребностей наших детей, но еще и привыкли перекладывать ответственность за их здоровье, воспитание и безопасность на кого-то еще: мы рожаем детей в роддомах, если они заболеют — отводим к врачу, отдаем их воспитывать в детские сады, а потом в школу. Но те, кому мы доверяем наших детей, тоже не всегда знают, что нужно ребенку для счастья; они тоже узнавали об этом из книжек, авторы которых имеют о счастье неизвестно какое представление.

Получается порочный круг: каждый думает, что знает, как вырастить детей счастливыми. Некоторые даже пишут об этом книги. Но на самом деле мало кто об этом знает, отчасти потому, что редко встречаются люди, которые умеют — без всяких книг, просто следуя внутреннему инстинкту — быть счастливыми и растить счастливыми своих детей.

Жан Ледлофф — автор книги, которую вы держите в руках, встретила именно таких людей. Более того, прожив с ними два с половиной года, она поняла, чем их воспитание детей отличается от нашего, поняла, почему их дети вырастают счастливыми, а наши на всю жизнь остаются «трудными подростками». Поняв это, она написала об этом книгу — книгу о том, как

вырастить детей счастливыми. Известный психолог Джон Холт сказал о ней: «Если есть книга, которая могла бы спасти мир, то эта книга перед вами». Эти слова — не преувеличение, ведь все многообразие самых страшных проблем человечества — войны, преступность, самоубийства; нищета, голод, болезни; депрессии, наркомания и алкоголизм; загрязнение и разрушение природы — только проявление внутреннего неблагополучия современного человека. А так как счастье или несчастье начинаются там же, где и новая жизнь — с рождения и воспитания ребенка, то, правильно относясь к детям, мы не только обеспечиваем им психическое благополучие на всю жизнь, но и делаем первый и самый важный шаг к более радостному и человечному устройству общества, к миру без насилия и страдания.

Сегодня мы почти забыли о том, что умение правильно растить детей заложено в каждом из нас природой. Жан Ледлофф напоминает нам об этом. Мы можем прислушаться к своим собственным материнским и отцовским инстинктам, услышать их и следовать им. Только так мы можем понять, чего наши дети ожидают от нас, только так мы можем вырастить их счастливыми.

Леонид Шарашкин

Глава первая. О том, как мои взгляды на жизнь круто изменились

Знакомство с индейцами Латинской Америки. Открытие принципа преемственности

Хотя эта книга не развлекательная повесть, а приглашение к размышлению, мне хотелось бы рассказать немного о своей жизни и дать читателю представление о том, как я пришла к осознанию принципа преемственности или непрерывности. Возможно, эта история поможет объяснить причины, по которым мое мировоззрение стало столь отличным от представлений американцев, среди которых я выросла.

Отправляясь в джунгли Южной Америки, я понятия не имела о Принципе преемственности; индейцы интересовали меня постольку, поскольку, а в душе было лишь смутное ощущение того, что возможно, там меня ждет важное открытие. Во время моего первого путешествия по Европе, во Флоренции, двое итальянцев пригласили меня в экспедицию за алмазами в Венесуэлу, в район одного из притоков Ориноко — реки Карони. Приглашение было таким неожиданным, что у меня оставалось лишь двадцать минут на размышление, приготовления и сборы. Я бросилась в гостиницу, потом на вокзал и заскочила в уже отходящий поезд.

Когда суматоха в вагоне улеглась, я оглядела наше купе, заваленное чемоданами; пыльные окна уныло отражали наши многочисленные пожитки, и здесь я с ужасом осознала, что действительно еду в джунгли.

Я не могла дать себе отчет о причинах столь скоропалительного решения, однако оно казалось мне совершенно верным. Пожалуй, даже не алмазы так зачаровали меня своим блеском, хотя возможность нажать состояние, роясь в иле тропических рек, привлекала меня куда больше, чем любая другая работа. Слово «джунгли» — вот что вскружило мне голову. Наверное, это можно объяснить одним случаем, произошедшим со мной в детстве.

Это случилось, когда мне было восемь лет, и произвело на меня неизгладимое впечатление. И по сей день я придаю этому происшествию огромное значение, хотя тот момент просветления открыл лишь проблеск истины, так и оставив в тени ее суть. Но что самое печальное, эта искорка истины так и не продвинула меня в понимании ее значения в рутине

повседневной жизни. Видение было слишком мимолетным и смутным, чтобы применить его на практике. Но, несмотря на это, оно вступило в противоречие со всеми моими желаниями и привычками. Эта книга как раз о моих попытках вновь обрести то ощущение вселенского порядка и высшей истины.

Итак, вот этот случай. Как-то нас вывели на прогулку из летнего детского лагеря в лес. В строю ребят я шла последней. Немного отстав, я торопилась нагнать всю группу, как вдруг сквозь стволы деревьев заметила поляну. На дальней от меня стороне прогалины росла пушистая ель, а прямо по центру возвышалась кочка, поросшая ярким изумрудным мхом. Лучи полуденного солнца скользили по темной зелени соснового леса. А полоска неба, виднеющаяся сквозь кроны деревьев, сияла ослепительным ультрамарином. Вся эта природная картина настолько поражала своей завершенностью и исходящей от нее силой и энергией, что я остановилась как вкопанная. В благоговении, словно очутившись в волшебном и священном храме, я подошла к краю полянки, а потом и к середине, где легла, прижавшись щекой к освежающему мху. Все заботы и волнения, наполнявшие мою жизнь, унеслись прочь. Вот оно, то место, где все было так, как должно быть. И ель, и земля подо мной, камень и мох — все пребывало в полной гармонии. Казалось, так будет всегда: и осенью, и зимой. А потом придет весна, и это чудесное место снова пробудится и расцветет; что-то здесь уже отживет свое, а что-то лишь только вступит в жизнь, но все будет именно так, как должно быть.

Я чувствовала, что нашла утерянную суть вещей, ключ к истине, и ни в коем случае не должна утратить столь явственную в этом месте мудрость. Я чуть было не сорвала кусочек мха, который служил бы напоминанием об этом месте, но вдруг меня остановила мысль, которая не всегда приходит в голову и взрослому. Я неожиданно осознала, что, дорожа этим амулетом из мха; я могу забыть свои ощущения в этот момент просветления и однажды обнаружить, что храню всего лишь кусочек мертвой растительности.

Поэтому я ничего не взяла, но пообещала себе, что каждый день перед тем, как ложиться спать, в мыслях буду посещать Свою Поляну и таким образом снова испытывать ее успокаивающее влияние. Даже в свои восемь лет я осознавала, что огромное количество понятий и ценностей, исходивших от моих родителей, учителей, других детей, нянек, вожатых и прочих, вовсе не продвинет меня в понимании жизни, а лишь усугубит мое замешательство. С течением времени я окончательно запутаюсь в дебрях «правильного и неправильного», «желательного и нежелательного». Но если я сохраню в памяти Поляну, то, как мне казалось, я никогда не

потеряю себя в этом мире.

В тот же вечер, перед сном, я с благоговением вспомнила Поляну и утвердилась в своем намерении никогда ее не забывать, за годом ее немеркнувший образ всплывал в моей памяти: Кочка, ель, свет солнца — в неразрывном единстве.

Но шли годы, и я замечала, что порой не вспоминаю о Поляне днями, неделями, а то и месяцами. Я пыталась вновь обрести то чувство свободы, которое раньше дарила Поляна. Но моя жизнь изменилась. На смену детсадовским понятиям о том, «что такое хорошо и что такое плохо», постепенно пришли часто противоречивые ценности моей семьи и нашего окружения: смесь викторианских добродетелей и приличий с индивидуализмом, либеральными взглядами, любовью к живописи и преклонением перед ярким самобытным умом, каким обладала моя мать.

К тому времени, как мне исполнилось пятнадцать, я поняла, что Поляна утратила для меня былое значение, чему я почти не огорчилась. Память в деталях сохранила всю картину, однако, как я и боялась, когда хотела взять на память кусочек мха, смысл ее исчез. Образ Поляны в моей голове превратился в потерявший силу амулет.

Я жила с бабушкой, а после ее смерти решила бросить учебу и отправиться в Европу. Я толком не могла разобраться в своих желаниях, но поскольку общение с матерью всегда заканчивалось ссорами, мне оставалось полагаться лишь на свои собственные силы. К всеобщему удивлению, ни карьера фотомодели или автора статей для журналов мод, ни дальнейшее образование меня не привлекали.

В каюте отплывающего во Францию корабля я плакала от страха неизвестности. Казалось, я променяла все, что у меня было, на иллюзорную мечту. Но отступать мне не хотелось.

Я бродила по Парижу, делая наброски и сочиняя стихи. От предложения поработать моделью у Кристиан Диор я отказалась. Несмотря на связи во французском журнале «Вог», я лишь изредка подрабатывала моделью и не соглашалась на постоянную работу. Тем не менее, в этой чужой стране было уютнее, чем в родном Нью-Йорке. Я чувствовала, что стою на правильном пути, но все еще не понимала, чего ищу. Летом я поехала в Италию: сначала в Венецию, потом в Ломбардию и, наконец, во Флоренцию. Там я и встретила двух молодых итальянцев, пригласивших меня поехать в Южную Америку за алмазами. Как и при отъезде из Америки, я в страхе дрожала от безрассудности своих поступков, но и не думала отступать.

Наконец мы добрались до Венесуэлы и после долгих приготовлений и

задержек отправились вверх по реке Каркупи, маленькому неизведанному притоку Карони. Несмотря на многочисленные препятствия, за месяц мы проделали большой путь вверх по течению. Нередко приходилось браться за топоры и мачете, чтобы проложить путь для каноэ сквозь ветви деревьев, поваленных поперек реки, и с помощью двух индейцев переносить на себе почти тонну снаряжения в обход водопадов и стремнин. Когда река превратилась в узкую речушку, мы разбили лагерь, чтобы исследовать несколько мелких притоков.

Это был первый «выходной» с тех пор, как мы отправились вверх по Каркупи. После завтрака один итальянец в сопровождении обоих индейцев пошел обследовать местность, в то время как второй блаженно качался в гамаке.

Мне же хотелось почитать, и я устроилась между корнями огромного дерева, стоявшего у самой воды. Я вытащила одну из двух книг, выуженных мной из скромного ассортимента английской литературы в магазинчике аэропорта Сиудад Боливар.

Чтение полностью поглотило меня, однако не успела я осилить и первую главу, как вдруг одна мысль поразила мое воображение: «Так вот же она, Поляна!» Ожившая во мне восьмилетняя девочка с восторгом упивалась своим открытием. Теперь, Правда, Поляна была уже не маленькой прогалиной в лесу, а огромным тропическим лесом, и в этом самом большом в мире лесу я вновь обрела когда-то утерянное счастье. Таинственные Джунгли с их обитателями, проливные дожди и потрясающие своими красками закаты, экзотические орхидеи, грациозные змеи, хрупкая девственность реки и леса, трудности нашего путешествия — все вдруг обрело глубокий смысл, стало воплощением вечной и значительной истины. Когда мы пролетали над джунглями, они казались безбрежным колышущимся зеленым, простиравшимся во все стороны до самого горизонта, перехваченным лентами рек, взбиравшимся на склоны упрямых гор и подставленным небу на плоских ладонях плато. Жизнь бурлила в каждой клеточке леса, и он был самым олицетворением правоты — постоянно меняющийся, но в то же время неизменный и всегда совершенный.

Наконец я достигла цели своих исканий: передо мной раскрылась реальность в самом ее лучшем виде. Это была та истина, маленький осколок которой я подобрала еще в детстве и которую в свои юные годы пыталась найти в дискуссиях и спорах с пеной у рта, порой затягивавшихся до самого утра. Мне казалось, что я навсегда обрела свою забытую Поляну. Все окружающее меня находилось в нерушимой гармонии, кипело жизнью,

бесконечно и непрерывно рождалось, жило, умирало и возрождалось вновь.

Я с любовью обняла огромные корни, переплетавшиеся за моей спиной, словно спинка удобного кресла, и стала подумывать о том, чтобы остаться в джунглях, теперь уже навсегда.

После того как мы прочесали всю Каркупи вдоль и поперек и раздобыли-таки несколько алмазов, было самое время пополнить наши запасы продовольствия. Для этого мы возвратились в крошечное поселение Лос-Карибес, где мне впервые за время нашего путешествия удалось посмотреть в зеркало. Что удивительно, я прибавила в весе, но выглядела стройной, подтянутой. Никогда я еще не ощущала себя такой сильной, уверенной в себе и бесстрашной. Одним словом, я цвела в своем любимом лесу, словно дикая орхидея. Впереди у меня было целых полгода, чтобы подумать о том, как остаться в райских джунглях после экспедиции, поэтому практические трудности такого шага меня пока не волновали.

Но вот эти полгода прошли, и я уже рвалась из джунглей домой. Малярия подорвала мое отменное здоровье и хорошее настроение, и мне страстно хотелось мяса и зелени. Я бы с радостью променяла один из добытых потом и кровью алмазов на стакан апельсинового сока. Я походила на скелет, обтянутый кожей.

Однако ж после этих семи с половиной месяцев джунгли все-таки не утратили для меня своей притягательной «правильности». Я наблюдала целые семьи и кланы индейцев таурипан, управляющихся по дому, вместе охотящихся и живущих в полной гармонии с их средой обитания без всяких там диковинок техники, за исключением мачете и топоров из стали, заменивших каменные топоры. Таурипан были счастливейшими людьми, что мне где-либо попадались, но тогда я едва ли обратила на это внимание. Их внешность сильно отличалась от европейской: они были ниже ростом, с менее развитой мускулатурой, но при этом могли нести более тяжелую поклажу и на куда более дальние расстояния, чем самый выносливый из нас. Они обладали своеобразным мышлением: если мы спрашивали, как легче добраться до какого-нибудь места, пешком или на каноэ, — индеец отвечал «да». Я редко отдавала себе отчет а том, что они такие же *Homo sapiens*, как и мы, хотя, если бы меня об этом спросили, я бы без колебаний это подтвердила. Все без исключения дети вели себя самым примерным образом: никогда не дрались, всегда с готовностью и беспрекословно подчинялись взрослым; взрослые никогда их не наказывали; определение «проказник» не подходило ни к одному ребенку. Но вопрос, почему все именно так, а не иначе, никогда не приходил мне в голову. Я несколько не

сомневалась ни в «правильности» джунглей, ни в том, что выбрала верное Место для своих поисков. Однако найденная мной истина, наполняющая собой этот лес, растения и животных, индейцев и их окружающее, не означала, как мне думалось вначале, что я автоматически нашла ответ, решение для себя лично.

Все было совсем не просто. К тому же мне все больше хотелось шпината, апельсинового сока и просто отдыха, и я немного стыдилась своей слабости. Я испытывала благоговение перед огромным справедливым лесом. Мои чувства не изменились и теперь. Когда пришло время расставаться с джунглями, я уже Подумывала о своем возвращении. По правде говоря, здесь в лесу я не нашла ничего такого, что сколько-нибудь серьезно изменило мои убеждения. Однако я заметила эту истину вне себя и лишь поверхностно могла познакомиться с ней. Мне так и не удалось осознать очевидное: индейцы — такие же люди, как и я, и одновременно часть «правильности» джунглей — были ключом к пониманию гармонии вокруг и внутри меня.

Но несмотря ни на что, мой испорченный цивилизацией ум все же смог сделать несколько маленьких открытий. Так, к примеру, мне удалось заметить, насколько различно восприятие труда у европейца и индейца. Мы выменяли нашу не очень вместительную алюминиевую лодку на огромное каноэ, выдолбленное из цельного ствола дерева. Однажды в этой посудине помимо нас путешествовало семнадцать индейцев со всей своей поклажей, и я уверена, она могла бы вместить еще столько же. Когда же дело доходило до перетаскивания этой пироги с помощью только четырех или пяти индейцев через почти километровую полосу валунов и булыжников в обход водопада, мы представляли собой печальное зрелище. Приходилось подкладывать бревна и катить каноэ сантиметр за сантиметром под палящими лучами солнца. Лодка постоянно выходила из равновесия, сталкивала нас в расщелины между валунами, и мы раздирали в кровь голени и лодыжки. Нам и раньше приходилось перетаскивать нашу прежнюю алюминиевую лодку, и всякий раз, зная, что нас ожидает, мы заранее портили себе нервы предвкушением тяжелой работы и избитых в кровь ног. И вот, добравшись до водопада Арепучи, мы настроились на страдания и с траурными лицами принялись перетаскивать чертову посудину по камням.

Лодка часто опрокидывалась на бок, заодно придавливая и одного из нас. Бедняга оказывался между раскаленными на солнце камнями и тяжелой махиной пироги, с нетерпением ожидая помощи остальных, более удачливых спутников. Не проделали мы еще и четверти пути, а у всех

щиколотки уже были разодраны до крови. Под предлогом того, что мне нужно отлучиться на минутку, я забралась на скалу, чтобы заснять эту сцену на пленку. Взглянув непредвзято на происходящее внизу, я увидела интереснейшую картину. Несколько человек вроде бы занимались общим делом — волокли лодку. Но двое из них, итальянцы, были напряжены, угрюмы, раздражительны; они постоянно ругались, как и подобает настоящим тосканцам. Остальные, индейцы, похоже, неплохо проводили время и даже находили в этом развлечение. Они были расслаблены, подтрунивали над неуклюжим каноэ и своими ссадинами, но особую радость вызвала пирога, упавшая на одного из соплеменников. Что удивительно, последний, прижатый голой спиной к раскаленному граниту, неизменно с облегчением хохотал громче всех, конечно, после того как его вытаскивали из-под лодки и он мог свободно вздохнуть.

Все выполняли одинаковую работу, всем было тяжело и больно. Раны индейцев саднили никак не меньше наших. Однако, с точки зрения нашей культуры, такая работа считается безусловно неприятной, и нам даже не придет в голову относиться к ней как-либо иначе.

С другой стороны, индейцы тоже не знали, что к тяжелой работе можно относиться по-иному: они были дружелюбны и в хорошем расположении духа; в них не было ни страха, ни плохого настроения, накопившегося за предшествующие дни. Каждый шаг вперед был для них маленькой победой. Закончив фотографировать и вернувшись к остальным, я попыталась отбросить Ивой цивилизованный взгляд на происходящее и совершенно искренне радовалась всю оставшуюся часть перехода. Даже ушибы и царапины уже не причиняли особой боли и стали тем, чем они были на самом деле: быстро заживающими небольшими повреждениями кожи. Оказалось, что можно вовсе и не переживать по поводу каких-то ссадин, а тем более злиться, жалеть себя и считать ушибы до конца переноски лодки. Напротив, я порадовалась тому, что тело способно лечить свои болячки без всякой моей помощи.

Но очень скоро я снова вернулась к своему привычному восприятию. Лишь постоянные сознательные усилия со стороны человека могут победить привычки и привитые нашей культурой предрассудки. Я же не утруждала себя подобными усилиями, поэтому особой пользы из своих маленьких открытий так и не извлекла.

Позднее я сделала еще одно наблюдение о природе человека и труде.

Две индейские семьи жили в общей хижине с великолепным видом на широкую лагуну с белым пляжем, окаймленную рядом скал, реку Карони и водопад Арепучи вдалеке. Глав семейств звали Пепе и Цезарь. Так вот Пепе

рассказал мне такую историю.

Одна венесуэльская семья подобрала Цезаря совсем еще крохой и увезла с собой в маленький городок. В школе он научился читать и писать, и был воспитан венесуэльцем. Когда Цезарь вырос, он, как и множество других мужчин из гвианских городов, решил попытать счастья в поисках алмазов в верховьях реки Карони. Там-то его и узнал среди группы венесуэльцев вождь индейцев племени таурипан по имени Мундо.

- Ты ведь живешь с Хосе Гранде? — спросил Мундо.

- Да, Хосе Гранде вырастил меня, — ответил Цезарь.

- Тогда ты вернулся в свое племя. Ты таурипан, — сказал Мундо.

Хорошенько поразмыслив, Цезарь решил, что ему лучше жить с родным племенем, чем с венесуэльцами, и перебрался к тому месту у Арепучи, где жил Пеле.

Пять лет Цезарь жил с семьей Пепе. Он женился на красивой женщине таурипан и стал отцом малышки-девочки. Так получилось, что Цезарь предпочитал не работать, поэтому все его семейство питалось тем, что вырастит Пепе. Цезарь с восторгом заметил, что Пепе не требует от него даже помощи в своем огороде, не то что обзаведения собственным. А так как Цезарю нравилось бить баклуши, а Пепе — работать, то все были довольны.

Часто жена Цезаря в обществе других женщин и девушек готовила маниоку, но Цезарю нравилась лишь охота на тапира и иногда на другую дичь. Через два года он вошел во вкус рыбалки и делился уловом с Пепе, который со своими двумя сыновьями любил рыбачить и в свое время щедро снабжал Цезаря и его семью рыбой.

Незадолго до нашего приезда Цезарь все же решил разбить свой огород, и Пепе помогал ему во всем — от выбора подходящего места до расчистки его от деревьев. Пепе получил истинное удовольствие, тем более что работа перемежалась шутками и болтовней с другом.

За пять лет Цезарь уверился в том, что никто не понуждает его работать, и теперь был готов приступить к работе с такой же радостью, как Пепе или любой другой индеец.

По словам Пепе, все обрадовались такому событию, так как Цезарь стал было впадать в уныние и недовольство. «Ему хотелось иметь свой огород, — смеялся Пепе, — но он сам этого не подозревал!» Пепе казалось ужасно забавным, что человек может не знать, что хочет работать.

Тогда эти странные свидетельства того, что характер труда в «цивилизованных странах совсем не отвечает требованиям человеческой природы, не привели меня к каким-либо общим выводам. Я не понимала,

до чего мне хотелось докопаться, и даже не осознавала, что вообще чего-то ищущу. Между тем я почувствовала, что нащупала путь, по которому стоит пойти. Это решете удерживало меня в правильном направлении в течение последующих нескольких лет.

Позднее была устроена еще одна экспедиция, на этот раз в район настолько удаленный, что за полтора месяца пути мы ни разу не слышали испанской речи. Возглавлял предприятие один принципиальный профессор из Италии. Он, среди прочего, считал, что женщины в джунглях — тяжелая обуза. Однако один из моих партнеров по первой экспедиции, проявив чудеса красноречия, сумел переубедить старика, и тот, ворча, согласился взять Меня с собой. Так я попала в каменный век, к индейцам племен екуана и санема, затерянным в джунглях верховьев реки, неподалеку от границы с Бразилией.

Сюда, в глубину непролазного тропического леса, вряд ли ступала нога цивилизованного европейца и тем более туриста. Наверное, поэтому индейцам екуана не нужно было носить защитную маску равнодушия от чужаков, как индейцам таурипан, что и позволило нам увидеть неповторимую индивидуальность мужчин, женщин и детей. Но пока я не могла дать себе отчет в том, что уникальные и в то же время необычные качества этих людей во многом объясняются отсутствием несчастья, столь обыденного в любом знакомом мне обществе. Порой мне смутно казалось, что где-то неподалеку идут съемки классического голливудского фильма о дикарях. К ним с трудом можно было применить какие-либо привычные «правила» поведения в обществе.

Однажды мои спутники потерялись в джунглях и попали в плен к большой группе пигмеев, которые держали их для развлечения как декоративных собачек, поэтому три недели я жила с племенем екуана одна. За это короткое время я отбросила больше навязанных мне воспитанием предрассудков, чем за всю первую экспедицию. И мне стало нравиться забывать то, чему меня учили в детстве. Несколько новых открытий пробились сквозь стену моих предубеждений и еще больше изменили мои взгляды на труд.

Бросалось в глаза отсутствие слова «работа» в языке екуана. У них было слово *тарабахо*, означающее отношения с не-индейцами, о которых, если не брать нас, они знали почти что понаслышке. *Тарабахо* — это исковерканное испанское слово *трабахо* («работа»), и значит оно абсолютно то же, что понимали под ним конкистадоры и их последователи. Меня поразило, что это было единственное слово испанского происхождения, которое я слышала в их языке. Казалось, что

представление екуана о работе было совершенно отлично от нашего. У них были слова, обозначающие любые занятия, но не было общего термина.

Они не делали различия между работой и другими занятиями. Этим можно объяснить их нерациональное, как мне тогда казалось, обеспечение себя водой. Несколько раз в день женщины покидали свои хижины и, прихватив два-три небольших сосуда из тыквы, спускались по склону горы, затем сворачивали на очень крутой спуск, чрезвычайно скользкий после дождя, наполняли сосуды в ручье и карабкались той же дорогой в деревню. На все это уходило примерно двадцать минут. Многие женщины к тому же носили с собой маленьких детей.

Спускаясь к ручью в первый раз, я недоумевала, почему они ходят так далеко за предметом первой необходимости и почему бы не выбрать место для деревни с лучшим доступом к воде. На последнем участке спуска, у самого ручья, я прикладывала все силы к тому, чтобы не упасть. Надо сказать, что у екуана отменное чувство равновесия и, как все индейцы Северной Америки, они не испытывают головокружения. В результате никто из нас не упал, но лишь одна я переживала, что мне приходится следить за своим шагом. Они ступали так же осторожно, как и я, но при этом не хмурились от «труда» аккуратной ходьбы. На самом крутом участке спуска они все продолжали мило болтать и шутить: обычно женщины ходили по двое-трое, а то и большей группой, и приподнятое настроение всегда царило среди них.

Раз в день каждая женщина оставляла на берегу сосуды и одежду (маленькую, свисающую спереди набедренную повязку и бисерные украшения, носимые на щиколотке, колене, запястье, предплечье, шее и в ушах) и купалась вместе с ребенком. Сколько бы женщин и детей ни купалось вместе, все неизменно проходило с римским изяществом. В каждом движении сквозило чувственное наслаждение, а матери обращались со своими детьми как с воистину волшебными созданиями и скрывали свои гордость и довольство за шутливо-скромным выражением лиц. Спускались с горы они той же уверенной и изящной походкой, а их последним шагом к ручью по скользким камням могла бы позавидовать сама «Мисс Мира», выходящая на подиум навстречу; заслуженной короне. Все женщины и девушки екуана, которых я знала, отличались особой спокойной грацией, но в то же время в каждой из них эта уверенность в себе и изящество проявлялись очень индивидуально.

Размышляя над этим, я так и не смогла придумать «лучшего» использования времени, проводимого в походах за водой, по крайней мере «лучшего» с точки зрения душевного равновесия екуана. С другой стороны,

если бы критериями оценки были технический прогресс, скорость, эффективность или новизна, то, конечно, эти многочисленные прогулки за водой выглядели бы просто по-идиотски. Но я видела, насколько индейцы изобретательны, и знала, что стоит мне только попросить их устроить так, чтобы я могла не ходить за водой, как они проложат водопровод из бамбука, соорудят поручни вдоль скользкого участка спуска или, в конце концов, построят мне хижину прямо на берегу ручья. Сами они не имели нужды в прогрессе, так как не было необходимости менять свой образ жизни.

Что ж, если называть вещи своими именами, то мне было неловко прилагать разумные усилия для поддержания равновесия при ходьбе или казалось абсурдным тратить время для удовлетворения этой потребности. Неудивительно, что индейцы, в свою очередь, также считали такой взгляд предрассудком, чуждым их культуре.

Еще более глубокое понимание сути работы пришло ко мне скорее через опыт, чем через наблюдение. Анчу, вождь деревни екуана, взял за правило при каждой возможности показывать мне способы достижения внутреннего равновесия. Однажды я выменяла у жены вождя свое стеклянное украшение на семь стеблей сахарного тростника. Позже я расскажу о ходе обмена и о вынесенном мной уроке, который вкратце можно сформулировать так: в торговле между людьми важнее не доходность сделки, а хорошие отношения и взаимное доверие. Итак, жена Анчу, срубив мне семь тростниковых стеблей на поле, пошла обратно к своей уединенной хижине. Анчу же, его слуге — индейцу племени санема, и мне нужно было вернуться в деревню, расположенную на третьем от нас холме. Стебли тростника лежали на земле, где их и оставила жена Анчу. Вождь приказал индейцу санема взять три стебля, сам взвалил еще три на свое плечо и оставил один на земле. Я ожидала, что мужчины понесут весь груз, и когда Анчу, указав на оставшийся стебель, сказал: «Амаадех» («Ты»), — я обиделась на этот приказ тащить поклажу по крутой тропе, в то время как на то было двое крепких и выносливых мужчин. Но я вспомнила, что рано или поздно всегда убеждалась в правоте Анчу.

Анчу хотел, чтобы я пошла первой, и я, взвалив тростник на плечо, начала карабкаться по склону. Всю дорогу за тростником меня угнетала неприятная мысль о длинном и тяжелом пути обратно. Теперь же мне еще любезно предложили тащить тяжелый стебель тростника. Первые несколько шагов были омрачены напряжением, которое я всегда испытывала в походах через джунгли, особенно вверх по склону и с занятыми руками.

Но постепенно весь груз беспокойства куда-то исчез. Анчу никак не

давал мне понять, что я передвигаюсь не быстрее улитки, что если так будет продолжаться, то он начнет презирать меня, что он как-то оценивает мою физическую выносливость или что время, проведенное в пути со мной, менее занимательно, чем в деревне.

Путешествуя со своими белыми спутниками, я всегда торопилась, старалась не отстать от мужчин и защитить честь слабого пола. Я переживала и, конечно же, относилась к походам как к пренеприятным событиям, ибо они испытывали мою физическую выносливость и силу духа. В этот раз столь непривычное поведение Анчу и его слуги освободило меня от напряжения, и вот я просто шла по лесу со стеблем сахарного тростника на плече. Чувство конкуренции исчезло, и физическая нагрузка превратилась из телесного наказания в приносящую удовлетворение проверку силы моего тела; при этом я перестала терзаться, и с моего лица спала маска мученицы.

Затем к моей свободе добавилось новое приятное ощущение: я почувствовала, что не просто несу стебель тростника, но делю часть ноши, общей для нас троих. В школе и летних лагерях я слышала о «чувстве локтя» так часто, что это выражение превратилось в пустой звук. Все равно никто не мог быть спокоен за себя. Каждый чувствовал, что другие следят за его действиями и оценивают их. Такое простое дело, как выполнение работы вместе с товарищем, было заменено соперничеством, и ни о каком чувстве удовольствия от совместного приложения сил не могло быть и речи.

Я была удивлена скорости и легкости своей ходьбы. Обычно я обливалась потом, выбивалась из сил и шла намного медленнее. Теперь, пожалуй, я стала понимать, почему индейцы, несмотря на свою сравнительно небольшую физическую силу, выносливее наших откормленных силачей. Они пользовались своей силой только для выполнения работы, а не тратили ее на напряжение.

Я вспомнила, как во время первой экспедиции меня поразили один случай: индейцы таурипан, каждый из которых тащил на спине поклажу в тридцать пять килограммов, осторожно переходили «мост», что на самом деле был одним-единственным узким бревном, поваленным через речку. И вот посередине этого шаткого бревна один из индейцев придумал шутку, показавшуюся ему забавной. Он остановился, повернулся к идущему за ним товарищу, рассказал свою смешную историю, после чего они и все остальные, громко хохоча, продолжили переходить ручей. Тогда я не поняла, что они переносят трудности куда легче нас, и поэтому их веселость казалась странной и почти сумасшедшей. К тому же они любили

делиться придуманной шуткой посреди ночи, когда все спали. Даже тот, кто громко храпел, мгновенно просыпался, смеялся от души и через несколько секунд уже спал вновь, храпя и посвистывая. Им не казалось, что бодрствовать среди ночи менее приятно, чем спать. Они просыпались мгновенно и полностью. Стоило им, спящим, услышать вдалеке шаги кабана, как все, словно по команде, одновременно открывали глаза. При этом я, бодрствуя и вслушиваясь в звуки леса, ничего не замечала. Как и большинство путешественников, я наблюдала их необычное поведение, ничего в нем не понимая и не утруждаясь тем, чтобы осмыслить их образ жизни.

Но во время второй экспедиции мне все больше нравилось подвергать сомнению «очевидные» истины типа: «Прогресс — это хорошо», «Человек должен жить по придуманным им законам», «Ребенок принадлежит своим родителям», «Отдых приятнее, чем работа».

Третью и четвертую экспедиции я организовала уже сама и на четыре, а затем на девять месяцев вернулась в те же места, и процесс забывания того, чему меня учили, продолжился. Ставить под сомнение все наши убеждения стало моей второй натурой, но, даже несмотря на это, прошло немало времени, прежде чем я начала разбирать обычно не подлежащие сомнению взгляды нашего общества на природу человека. Например, я усомнилась в таких постулатах, как «на смену счастью всегда придет несчастье», «необходимо познать несчастье, чтобы ценить радость» или «молодость — лучшая пора жизни».

После четвертого путешествия я вернулась в Нью-Йорк, переполненная впечатлениями. Моя система ценностей оказалась настолько освобожденной от предрассудков, что, казалось, не осталось и следа. До сего момента мои наблюдения породили на фрагменты картинку-головоломки, которую я никак смогла собрать. Я давно привыкла разбирать по частям все, что подозрительно напоминало поведение, выражающее суть человеческой природы.

Только после того, как один редактор попросил меня написать что-нибудь в пояснение моего высказывания в газете «Нью-Йорк таймс»^[1], я перестала разбирать свою головоломку на все более мелкие кусочки, и медленно начала складывать картинку, в которой проступили закономерности, объяснявшие не только мои южноамериканские наблюдения, но и разобранный на части опыт моей жизни в цивилизованном обществе.

На этом этапе у меня еще не было стройной теории, но, беспристрастно наблюдая за окружающими, я впервые увидела, насколько

исковерканы их личности, а также начала понимать некоторые причины этого. Через год я осознала, что человеческие ожидания и тенденции имеют эволюционные корни (о чем будет рассказано в следующей главе), и смогла объяснить, почему мои друзья-дикари намного благополучнее цивилизованных людей.

Прежде чем изложить свои мысли в книге, я решила, что лучше всего будет совершить пятое путешествие, из которого я недавно и вернулась. Мне хотелось снова взглянуть на екуана, на этот раз с позиций моего нового мировоззрения, и попытаться подкрепить мои ретроспективные заключения новыми фактами.

И вот пятое путешествие. На взлетно-посадочной полосе, которую мы расчистили во время второй и использовали для третьей и четвертой экспедиций, возвышались заброшенный домик миссионера и метеорологическая станция. Некоторые екуана обновили гардероб и обзавелись рубашками и штанами, но в целом индейцы не изменились, а соседнее племя санема, почти вымершее от эпидемии, по-прежнему твердо придерживалось старого образа жизни.

Оба племени с готовностью работали за привозные безделушки или выменивали их, но ни за что не поступались своими взглядами, традициями или образом жизни. Немногочисленные владельцы ружей и электрических фонариков периодически нуждались в порохе, дробе, капсюлях и батарейках, но ради обладания этими предметами они не соглашались на неинтересную для них работу и не работали, если им становилось скучно.

Я расспросила екуана о некоторых подробностях их жизни, которые были скрыты от посторонних глаз, — например, о том, видят ли дети, как их родители занимаются сексом. Я также узнала их представления о вселенной, мифологию, шаманские ритуалы и прочие детали культуры, которая столь полно отвечает потребностям человеческой природы.

Но самое главное, в пятой экспедиции я проверила, соответствует ли реальности моя интерпретация поведения индейцев. Ведь к своим выводам я пришла, основываясь на воспоминаниях. И в самом деле, в свете принципа непрерывности ранее необъяснимые действия индейцев обоих племен стали не только понятными, но и зачастую предсказуемыми.

И даже исключения, которые я искала, чтобы обнаружить изъяны в своих выводах, неизбежно подтверждали правило. Например, я увидела у екуана ребенка, что сосал палец, напрягался всем телом и истошно кричал, ну совсем как его цивилизованный сверстник. Но выяснилось, что вскоре после рождения миссионер возил его в больницу в Каракас, где ребенок

пробыл восемь месяцев до тех пор, пока его не вылечили и не возвратили семье.

Один американский фонд пригласил доктора Роберта Коулза, детского психиатра и автора нескольких книг, оценить изложенные мной мысли. Он сказал мне, что его пригласили как «специалиста в этой области», но что «области, к сожалению, еще не существует» и ни он, ни кто-либо другой не может считаться в ней авторитетом. Поэтому вам придется составить собственное мнение о принципе преемственности и проверить, затронет ли он те полузабытые инстинкты и способности, которые кроются в каждом человеке и о которых я хочу вам напомнить.

Глава вторая. Принцип преемственности

Ожидания, свойственные природе человека. Врожденные тенденции человека. Непрерывность развития индивида и общества

За два миллиона лет успешного развития обезьяна превратилась в человека. Просто удивительно, что, имея такую замечательную родословную, мы творим столько бед. Образ жизни охотников-собирателей был необычайно эффективен. Сохранив его, они, возможно, просуществовали бы еще много миллионов лет. А повседневная деятельность современного человека, с точки зрения экологов, настолько разрушительна, что он может не протянуть и века.

Всего лишь несколько тысяч лет назад человек изменил образ жизни, к которому его приспособила эволюция. За это время он не только успел загрязнить всю планету, но и перестал слушать чрезвычайно развитые инстинкты, которые руководили его поведением в течение миллионов лет. Большая часть инстинктивных знаний была разрушена совсем недавно. Современная наука дробит их на кусочки, препарирует с помощью хитрых теорий и «рассматривает под микроскопом», тогда как эти знания имеют смысл лишь в их неразрывной целостности. Мы все реже доверяем врожденному умению чувствовать, что для нас лучше всего, и, принимая решения, опираемся на интеллект, который никогда особенно не разбирался в наших истинных потребностях.

К примеру, не рассудок должен решать, как обращаться с ребенком. Еще задолго до того, как люди стали в чем-то походить на *Homo sapiens*, они инстинктивно и, что главное, безошибочно знали, как ухаживать за детьми. Но человек старательно искоренял древние знания, и в результате армия исследователей трудится не покладая рук, чтобы выяснить, как мы должны вести себя по отношению к детям, друг к другу и к самим себе. Ни для кого не секрет, что ученые до сих пор не изобрели рецепта счастья, но, полностью полагаясь на рациональное мышление, они упрямо игнорируют все, что не поддается логическому объяснению или эксперименту.

Мы, пленники интеллекта, забыли наше врожденное умение определять то, что нам надо, настолько, что уже не можем понять, где наши истинные потребности, а где — искаженные.

Но хочется верить, что для нас еще не все потеряно. Мы можем найти путь к утерянному счастью или по крайней мере понять, куда идти, и перестать плутать, следуя за разумом, который только сбивает нас с толку.

Ум — это всего лишь советник по технической части, не более того. Когда он видит, что запутался в слишком тонких для него материях, ему следует ретироваться, а не продолжать лезть не в свое дело. У разума достаточно дел, которыми он может успешно заняться, не вмешиваясь в область, миллионы лет находившуюся в ведении куда более утонченных и сведущих отделов психики под названием «инстинкты». Если бы инстинкты были сознательными, мы бы мгновенно сошли с ума, хотя бы потому, что ум по своей природе не может одновременно решать несколько задач, в то время как в бессознательном происходит бесконечное количество наблюдений, расчетов, сравнений и действий — и без всяких ошибок.

«Ошибка» в данном случае весьма хитрое понятие. Ведь «правильность» предполагает, что все люди разделяют единое мнение о желаемых результатах их действий, но на самом деле у каждого свои идеи на этот счет. Поэтому под «правильным» мы будем понимать здесь то, что соответствует континууму — истинным, существовавшим в течение многих поколений, потребностям человека как представителя вида, и тем самым соответствует заложенным в каждом человеке ожиданиям и тенденциям развития. Имеется в виду, что, рождаясь, человек уже содержит в себе некоторые ожидания, свойственные представителям *Homo sapiens*, и готов к развитию в определенных направлениях, соответствующих именно этим ожиданиям. Эти направления развития мы в дальнейшем будем называть *тенденциями*. Ожидания проявляются в самом строении человеческого тела. Можно сказать, что легкие не только ожидают поступления кислорода, но и являются *ожиданием* кислорода. Глаза — это ожидание света определенной длины волны. Уши — это ожидание звуковых волн, исходящих от того, что с наибольшей вероятностью будет иметь отношение к человеку, включая голоса других людей; а голос — ожидание того, что уши других людей действуют так же, как и его собственные. Этот список можно продолжать до бесконечности: водонепроницаемые кожа и волосы — ожидание дождя; волосы в ноздрях — ожидание пыли; пигментация кожи — ожидание солнца; потоотделение — ожидание жары; свертываемость крови — ожидание повреждений кожного покрова; мужское — ожидание женского, и наоборот; рефлексы — ожидание потребности в быстрой реакции в чрезвычайных ситуациях.

Каким образом силы, формирующие человека, заранее знают, что ему понадобится? Через опыт. Цепь существований, подготавливающих человека к жизни на Земле, начинается с первого одноклеточного живого существа. Опыт последнего в отношении температуры, состава окружающей среды, наличия питания для поддержания жизни, погодных

условий и встреч с другими объектами и представителями его же вида передавался потомкам. Передавался способом, еще не изученным наукой. На основе этой информации чрезвычайно медленно происходили изменения, которые по истечении бесчисленных миллионов лет привели к разнообразию живых форм, способных выживать и воспроизводиться, по своему приспособляясь к окружающей среде.

Жизнь утверждалась через возникновение все более разнообразных и сложных форм, хорошо приспособленных к самым разным условиям. Жизни в целом уже меньше грозило исчезновение от природных катаклизмов. Даже если исчезала целая форма жизни, оставшиеся продолжали развиваться, усложняться, принимать и порождать разнообразные формы, адаптироваться и становиться более устойчивыми. (Вполне возможно, примитивные формы жизни на нашей планете не раз полностью погибали от природных катастроф, прежде чем через миллионы лет одной из них удалось выжить и вовремя обрести достаточное количество разнообразных форм, чтобы избежать гибели.)

В то же время стабилизирующая сила действовала в каждой форме и в каждой ее части, закрепляя и перерабатывая данные опыта предков и совершенствуя способности потомков. *Таким образом, строение каждого существа упитывается теми событиями, с которыми это существо ожидает повстречаться.* Это ожидание уже заложено и в человеке, и оно является результатом многократно повторявшегося опыта предков, полученного ими в схожих условиях жизни.

Условия выживания каждого вида определяются обстоятельствами, к которым ранее уже приспособились его предки. Если какой-либо вид сформировался и развился в климате, где температура редко превышала пятьдесят градусов и никогда не падала ниже семи, то представители этого вида комфортно жили в таких условиях; но в условиях слишком высоких или низких температур они могли бы благополучно существовать не дольше, чем их предки. Резервы организма стали бы постепенно истощаться, и если бы не наступило облегчение условий, то последовала бы смерть индивидуума или целого вида. *Чтобы понять, что является правильным для данного вида, нужно определить его врожденные ожидания.*

Что мы знаем о врожденных ожиданиях человека? Можно сказать, что ничего. Мы хорошо осведомлены о том, чего человек обычно хочет от жизни, или *должен* хотеть в соответствии с нашей системой ценностей. Но по иронии, ожидания, заложенные эволюционным развитием в человеке, этом венце творения, почти неизвестны. Рассудок узурпировал принятие

решений о том, что для нас лучше всего, и настаивает на правоте своих домыслов, зачастую совершенно беспочвенных. Получается, что былое незыблемое ожидание человеком надлежащей окружающей среды и надлежащего с ним обращения теперь настолько искажено, что каждый считает себя везунчиком, если он относительно здоров и не живет на улице. Несмотря на то, что на вопрос «Как дела?» мы отвечаем обычно: «Хорошо», «Нормально» или даже «Прекрасно», мы и не представляем себе, что такое состояние счастья на самом деле.

Итак, чтобы понять, чем же все-таки являются врожденные ожидания человека, нет смысла изучать сравнительно новое направление развития — цивилизацию. Обращение к другим биологическим видам может в чем-то помочь, а может и совсем сбить с толку. Допустимо сравнивать человека с высшими млекопитающими в отношении наиболее древних, глубоких, основных потребностей, предшествовавших появлению человека в его современном виде, как, например, потребности в кислороде, возникшей сотни миллионов лет назад и присутствующей у многих животных. Но изучение человека, и сейчас живущего по законам «правильного» поведения, безусловно, может дать нам много больше. Правда, если бы мы стремились путем наблюдения за человеком распознать ожидания менее очевидные, чем кислород, то даже с помощью компьютера смогли бы составить список лишь ничтожно малой части того, что есть на самом деле, ибо более тонкие ожидания ускользали бы от нашего наблюдения. Поэтому остается полагаться на нашу *врожденную* способность выбирать то, что нам действительно нужно. И тогда неповоротливый рассудок, с помощью которого мы сейчас пытаемся это делать, сможет заняться выполнением задач, более для него подходящих.

Ожидания, с которыми мы приходим в этот мир, неразрывно связаны с заложенными в нас линиями развития (например, такими, как сосание, самосохранение, подражание). Как только мы получаем толчок в виде ожидаемого нами обращения или ожидаемых нами определенных обстоятельств, мы начинаем развиваться в заданном направлении, как нас к тому и подготовил опыт предков. Когда ожидаемое отсутствует, у человека начинает формироваться поведение, удовлетворяющее эти потребности, но искаженным, не присущим его естеству образом.

Континуум человека можно также определить как цепь последовательных событий, отвечающих заложенным в нем ожиданиям и тенденциям и происходящих в условиях, в которых эти ожидания и тенденции были сформированы ранее у его предков. К этим условиям относится и «правильное», то есть удовлетворяющее истинные

потребности человека, отношение других людей.

Безусловно, у каждого человека есть свой индивидуальный континуум, то есть совокупность врожденных потребностей и соответствующих им тенденций (линий развития). Однако континуум человека является частью более общего континуума — например, континуума семьи, который, в свою очередь, является частью континуумов более высокого порядка — клана, общины и т.д. Континуум же человека как вида является частью континуума всей жизни. Всем им свойственны определенные ожидания и тенденции, проистекающие из неоднократного повторения опыта в прошлом. Даже континуум всего живого ожидает на основе своего опыта определенных условий в неорганической окружающей среде

Каждая жизненная форма развивается не случайно, но преследует свои интересы. Развитие идет в направлении большей устойчивости, то есть большего разнообразия, сложности, а значит, большей способности к адаптации.

Однако такое развитие — совсем не то, что мы понимаем под «прогрессом». Более того, для стабильности любой системы необходима сила, дополняющая тенденцию развития и препятствующая нежелательным изменениям в системе, а именно сила *сопротивления*.

Остается лишь гадать, что подорвало наше внутреннее сопротивление изменению несколько тысяч лет назад. Важно понять значимость различия между эволюцией и прогрессом (неэволюционным изменением). Они диаметрально противоположны, так как то, что эволюция кропотливо создает, внося разнообразие форм и все точнее адаптируя их к нашим требованиям, прогресс разрушает путем введения норм и обстоятельств, не удовлетворяющих истинные потребности людей. Все, что может сделать прогресс, это заменить «правильное» поведение менее подходящим. Он заменяет сложное простым и более приспособленным — менее приспособленным. В результате прогресс нарушает равновесие сложно взаимосвязанных факторов как внутри, так и вне системы.

Итак, эволюция приносит стабильность, а прогресс — уязвимость.

Это относится и к структуре общества. Внешние проявления высокоразвитых культур, дошедших до своего уровня развития эволюционным путем, могут быть бесконечно разнообразны, в то время как их основы сходны, а первоосновы идентичны. Такие культуры будут сопротивляться прогрессу, так как они эволюционировали в течение долгого времени, как любая устойчивая система в природе. Также получается, что чем меньше интеллект мешает инстинкту формировать нормы поведения, тем менее жесткой будет структура общества на

поверхности (это касается деталей поведения, ритуалов и этикета) и более жесткой в основании (в отношении к себе и правам других; к здоровью и способам получения удовольствий, к балансу занятий разного рода и к сохранению вида и так далее). Одним словом, чем больше культура полагается на интеллект, тем больше запретов нужно наложить на членов общества для ее поддержания.

Ожидания человека касаются не только его физических потребностей, например в пище, воде, кислороде, тепле. У человека есть и ожидание соответствующей социальной среды (отношения со стороны окружающих, возможности применить свои силы именно в том виде деятельности, который подходит именно ему и т.п.). В раннем детстве ожидания более жесткие — ребенок ожидает конкретных, определенных вещей, с развитием ожидания смягчаются, для человека становятся приемлемыми более разнообразные варианты отношений, поведения окружающих. Тем не менее, все эти варианты не должны выходить за рамки континуума.

Кроме того, в человеке заложено ожидание найти в окружающей социальной среде язык как средство общения, соответственно ему присуща склонность развивать вербальные способности. Социальное поведение ребенка развивается под влиянием ожидаемых примеров, подаваемых ему обществом. Врожденные тенденции также заставляют его делать то, что, как ему кажется, другие люди от него ожидают; люди же действительно дают ему понять, чего они ждут в соответствии с принятой в конкретном обществе культурой. Обучение — это процесс удовлетворения ожиданий определенной информации, постоянно усложняющейся — так же, как и структура речи.

В жизнеспособной культуре определение того, что правильно, а что нет, может строиться только на соответствии истинным ожиданиям людей. При этом индивиды и племена могут быть бесконечно различны, но при этом оставаться в рамках континуума.

Глава третья. Начало жизни

Естественные и неестественные роды. Ожидания и тенденции младенца. Опыт на руках у матери и его значение для всей жизни Человека. Опыт младенца в континууме и вне континуума

В чреве матери маленький человечек беспрепятственно повторяет путь, проделанный жизнью на нашей планете. Одноклеточное существо становится амфибией и затем, после бесконечного числа превращений, *Homo sapiens*. Опыт предков подготовил плод ко всему, что с ним может произойти. Материнское чрево его кормит, согревает и качает точно так же, как когда-то, десятки тысяч лет назад, кормило, согревало и качало зародышей охотников-собирателей. Неродившийся ребенок сегодня слышит почти то же, что и миллион лет назад, если только его мать не живет рядом с крупным аэропортом, не посещает оглушительно грохочущие дискотеки или не водит грузовик. Он слышит сердцебиение матери, урчание кишечника, сопение во сне, смех, пение, кашель и так далее, слышит ее голос и голоса других людей и животных. Все это совершенно не беспокоит дитя, так как в течение миллионов лет его предки слышали эти громкие и внезапные звуки и привыкли к ним. Так как в неродившемся человеке уже заложен опыт предков, он *ожидает* этих звуков, толчков и резких движений, которые составляют часть опыта, необходимого для нормального внутриутробного развития ребенка.

К моменту рождения ребенок уже готов оставить безопасное материнское чрево и продолжить жизнь в нашем гораздо более непредсказуемом и опасном мире. Природа позаботилась о том, чтобы травма рождения не была слишком сильной. Высокий уровень гамма-глобулина в крови защищает ребенка от инфекции и постепенно снижается по мере развития иммунной системы. Зрение обретает свою остроту только после того, как шок рождения остался далеко в прошлом. Еще до рождения у ребенка заработали рефлекс, система кровообращения, слух. Теперь же запускается программа, по которой ребенок будет развиваться в течение первых дней, недель и месяцев после рождения и которая поэтапно «включит» отделы головного мозга.

Непосредственно в момент рождения окружающая ребенка среда вдруг превращается из влажной в сухую; падает температура; раздаются неприглушенные звуки; новорожденный начинает дышать и самостоятельно снабжать себя кислородом, изменяет привычное положение

вниз головой. Между тем младенец удивительно спокойно переносит эти и многие другие ощущения естественных родов.

Хотя ребенок никогда раньше не слышал своего голоса, первый крик его совсем не пугает, пусть даже он очень громкий и раздается внутри головы. Этот крик слышали его предки, они научили его отличать страшное от естественного и не бояться без причины. Вместе с голосом у предшественников человека появился ряд способностей, позволивших плавно включить голос в континуум вида. Под голос подстроились слух и рефлекс, а ожидания новорожденного включили в себя звук голоса как один из «сюрпризов» первых мгновений жизни.

Сразу после рождения младенец необычайно восприимчив. Он не способен рационально мыслить, сознательно запоминать, размышлять или рассуждать. Можно сказать, что он не столько сознателен, сколько чувствителен. Во сне он чувствует свое состояние и происходящее вокруг примерно так же, как взрослые, спящие в одной постели, ощущают присутствие или отсутствие друг друга. Наяву он еще тоньше воспринимает свое состояние, но, как бы это сказали о взрослом, подсознательно. В любом случае ребенок куда более раним, чем взрослый, ибо не может соотнести свои впечатления с прошлым опытом.

Младенец не ощущает течения времени. Когда он находится в матке, а после рождения — на руках у матери, отсутствие времени его совсем не волнует; он чувствует, что все в порядке. Если же ребенок не на руках у матери, то он страдает и, что самое страшное, не может облегчить свое страдание надеждой, ведь чувство надежды зависит от ощущения времени. Поэтому вначале, хотя малыш своим плачем подает сигнал о помощи, он не вкладывает в этот плач никакой надежды. По мере роста сознательности, уже через недели и месяцы у ребенка возникнет смутное чувство надежды, и плач будет связан с положительным или отрицательным результатом. Но едва ли зарождающееся чувство времени облегчает ребенку многочасовые ожидания. Из-за отсутствия прошлого опыта для ребенка, испытывающего потребность, время тянется бесконечно долго.

Обещание, данное пятилетнему ребенку в августе, подарить велосипед «на Новый год» будет для него равносильно категорическому отказу. К десяти годам, благодаря опыту, время ускорилося настолько, что одни вещи ребенок может ждать более-менее спокойно день, другие — неделю, а что-то совсем особенное — целый месяц; но год ожидания для него по-прежнему непостижим, особенно если ему чего-то хочется по-настоящему. Для ребенка существует только «сейчас», и лишь через много лет он сможет соотносить события с ощущением времени и своей системой

ценностей. Большинство людей только в сорок — пятьдесят лет понимают, что такое день или месяц по сравнению с отпущенной им жизнью. И только некоторые гуру и мудрецы сознают отношение между мгновениями или веками и вечностью (то есть полностью сознают абсурдность выдуманного понятия времени).

Младенец, как и мудрец, живет в вечном *сейчас*. Если ребенка держат на руках, то он бесконечно счастлив, если нет, то он переживает состояние тоски, бесконечной пустоты и уныния.

Ожидания ребенка смешиваются с реальностью, на древние врожденные ожидания накладываются (но не изменяют и не вытесняют их) ожидания, основанные на его собственном опыте. Степень несоответствия приобретенных ожиданий врожденным определяет, насколько человек отклонится от заложенного в нем потенциала быть счастливым.

Эти два вида ожиданий совсем не схожи. Врожденные ожидания безусловны до тех пор, пока их исправно удовлетворяют, в то время как приобретенные ожидания, которые не соответствуют врожденным, имеют неприятный привкус разочарования и проявляются как сомнение, подозрение, страх того, что будущие события принесут новые беды. Самое ужасное проявление этого несоответствия — необратимое смирение с условиями жизни, не подходящими человеческой природе.

Все эти реакции защищают континуум, но смирение вследствие полной безнадежности притупляет основное ожидание того, что будут созданы условия, в которых новые ожидания могут быть успешно удовлетворены.

Линии развития прерываются в том месте, где отсутствует необходимый опыт. Некоторые линии прерываются еще в младенческом возрасте, другие — в детстве, а третьи всю жизнь успешно развиваются в соответствии с континуумом. У человека, недобравшего необходимый для развития опыт, различные эмоциональные, интеллектуальные и физические способности могут находиться на самых разных ступенях развития и вместе с тем сочетаться друг с другом. Все линии развития, прерванные или достигшие зрелости, работают вместе, но каждая ждет опыта, отвечающего ее потребностям, и не может развиваться дальше без этого опыта. Благополучие во многом зависит от того, *каким образом* произошел сбой и в каких областях развития.

Итак, события при рождении не всегда травмируют человека либо потому, что ребенок к ним готов (и их отсутствие было бы для него потерей), либо потому, что они не происходят одновременно. Неправильно думать о рождении как о моменте завершения формирования ребенка, как о

сходе с конвейера готового продукта, ведь некоторые способности «родились» еще в чреве, а некоторые начнут работать намного позже. В матке все ожидания ребенка удовлетворялись, и теперь новорожденный ожидает, или, лучше сказать, знает, что и будущие его требования также будут удовлетворены.

Что же происходит потом? На протяжении жизни десятков миллионов поколений происходил мгновенный переход от полностью живой среды тела матери к частично живому окружению вне ее. Тело матери согревает младенца, и (с тех пор как человек стал ходить на ногах и освободил руки) ее руки обнимают его, но все же большая часть тела ребенка соприкасается с мертвым, чуждым ему воздухом. Однако и к этому он тоже готов: он ожидает, что окажется на руках у матери, и всем своим «нутром» чувствует, что это его место. Ощущения ребенка на руках соответствуют его континууму, удовлетворяют его потребности и вносят вклад в его правильное развитие.

Повторимся, что сознание младенца в корне отличается от сознания взрослого. Ребенок не может разобраться, какие впечатления правильные, а какие — нет. Если он чувствует дискомфорт сейчас, он не может надеяться на то, что потом ему станет комфортнее. Когда мать оставляет его в одиночестве, малыш не может чувствовать, что «она скоро вернется», и все в мире становится невыносимо неправильным. Он слышит и принимает свой плач, и хотя мать, а также любой ребенок или взрослый, знает этот звук и его значение с незапамятных времен, для ребенка его собственный плач ничего не выражает. Он лишь чувствует, что этим плачем может каким-то образом исправить положение. Но и это чувство исчезает, если ребенка оставляют плакать слишком надолго, если за этим плачем не следует никакой реакции. Тогда ребенок погружается в безнадежное, безвременное отчаяние. Но вот наконец мать возвращается, и малыш снова в порядке: он не знает, что мать уходила, и не помнит своего плача. Он возвращается в свой континуум, и среда отвечает его ожиданиям. Когда его оставляют, лишают правильного опыта, он безутешен, он лишь чувствует нехватку чего-то. В такой ситуации ребенок не может расти, развиваться и удовлетворять свои потребности в опыте. Для развития необходим ожидаемый опыт, но ничто в истории развития предков человека не подготовило его к тому, что его будут оставлять одного, бодрствует он или спит, и тем более оставлять одного плакать.

На руках у матери ребенок чувствует, что все так, как должно быть. О себе он ничего не знает, кроме ощущения своей правильности, привлекательности и желанности. Без этого убеждения человек любого

возраста ущербен: он не верит в свои силы, чувствует себя обделенным, ему не хватает спонтанности и грации. Все дети правильные, но сами они могут это знать только через отражение, через то, как с ними обращаются. Чувство собственной правильности — это единственное чувство человека по отношению к себе, на основе которого индивид может построить свое благополучное существование. *Правильность — это основное чувство по отношению к себе, присущее представителям нашего вида.* Эволюция не подготовила человека к обращению с ним, не основанному на чувстве правильности его природы. Такое обращение не только пренебрегает миллионами лет совершенствования, но и совершенно не подходит для отношений с собой и с другими. Без чувства своей правильности человек не может определить, сколько ему требуется комфорта, безопасности, помощи, общения, любви, дружбы, удовольствия, радости. Человек без этого чувства обычно считает, что «счастье там, где нас нет».

Сколько людей тратят всю жизнь в поиске доказательств своего существования! Гонщики, альпинисты, герои батальи и прочие сорвиголовы, обожающие играть со смертью, часто просто пытаются подойти как можно ближе к грани между жизнью и смертью, чтобы ощутить, что они действительно живы. Но встряски и игра с инстинктом самосохранения лишь ненадолго создают смутную иллюзию теплого ощущения самости.

Малыши вынуждены быть чрезвычайно привлекательными. Ведь они маленькие, слабые, медлительные, незащитные, неопытные, зависимые от старших, но привлекательность компенсирует все эти недостатки. Малышам не приходится конкурировать со взрослыми, которые оказывают им всю необходимую помощь.

Все, кто общается с младенцем — мужчины, женщины, дети, — инстинктивно играют роль матери, ибо это единственная роль, подходящая для ухода за ребенком в первые месяцы жизни. Ребенок не различает пол или возраст того, кто выполняет функцию матери.

Не имеет значения, кто играет роль отца или матери — мужчина или женщина. Это было подтверждено экспериментом в одной французской клинике для душевнобольных. Врачи-женщины выступали «отцами» по отношению к своим пациентам, в то время как медбратья-мужчины ежедневно ухаживали за больными и воспринимались ими как «матери». (Вот так интеллект вдруг открывает что-то, что человек инстинктивно знал миллионы лет.)

Итак, для младенца существует только одно взаимоотношение — отношение с матерью, и в каждом из нас заложено умение безошибочно

распознавать бессловесный язык новорожденного и действовать в соответствии с ним. Каждый из нас — будь он мужчина, женщина, девочка или мальчик — обладает доскональными знаниями по уходу за ребенком, несмотря на то, что недавно, то есть не более чем несколько тысяч лет назад, мы пошли на поводу у бредовых фантазий интеллекта в этом чрезвычайно важном деле. Мы так далеко ушли от своих же врожденных способностей, что теперь уже почти забыли об их существовании.

В «развитых» странах накануне рождения ребенка принято покупать книгу об уходе за малышом. Сейчас в моде оставлять ребенка плакать до исступления, пока он не устанет и, заглушив криком свои страдания, не станет «хорошим мальчиком» (или «хорошей девочкой»). Матери берут малышей на руки когда им вздумается, от нечего делать. Некоторые эксперты по уходу за детьми даже советуют держать ребенка в эмоциональном вакууме, касаться его только при крайней необходимости, не выказывать ему ни удовольствия, ни восхищения, а если уж необходимо на него посмотреть, то делать это холодно и без улыбки. Все это читают молодые матери и, не доверяя своим врожденным способностям, принимают на веру. Тогда они подозрительно изучают «мотивы» плача или других действий ребенка, по-прежнему ясно дающего понять о своих нуждах. Поистине дети стали врагами, которых непременно должны победить их матери. На плач не следует обращать никакого внимания, дабы показать младенцу, кто здесь главный, а отношения с ним следует строить так, чтобы любыми способами заставить малыша подчиниться желаниям матери. Если поведение ребенка вынуждает мать «работать», «тратить время» или доставляет иные неудобства, необходимо выказать свое неудовольствие, неодобрение или как-то еще показать, что его больше не любят. Всем известно, что, потакая желаниям ребенка, мы «портим» его, а идя против них, укрощаем и подготавливаем его к жизни в обществе. На самом деле в каждом из этих случаев мы добиваемся противоположного результата.

События, происходящие непосредственно после рождения, производят на человека большее впечатление, чем вся оставшаяся жизнь. То, что встречает младенец, определяет его отношение к жизни. Последующие впечатления могут только в большей или меньшей степени дополнить это первое впечатление, полученное ребенком тогда, когда он еще ничего не знал об этом мире. В этот момент его ожидания самые незыблемые из всех, что у него когда-либо будут. Разница между уютом чрева и незнакомым безразличным внешним миром огромна, но, как мы уже обсудили, человек рождается готовым к огромному шагу — переходу из чрева на руки матери.

Между тем ребенок не готов совершить больший, чем этот, шаг, не говоря уже о переходе из чрева в неживое ничто, в корзину, выложенную тканью, или в безжизненную пластмассовую коробку без движения, звука и запаха. Установившаяся за время беременности прочная, неразрывная связь между матерью и ребенком резко рвется. Неудивительно, что при этом мать попадает в депрессию, а младенец испытывает нестерпимые муки.

Каждая клеточка его внезапно обнаженной нежной кожи требует ожидаемого объятия, все его существо предполагает, что его возьмут на руки. Миллионы лет матери сразу же после рождения прижимали к себе своих детей. Некоторые дети последних нескольких сотен поколений были лишены этого важнейшего опыта, что не изменило ожиданий новорожденных оказаться на месте, принадлежащем им по праву. Когда наши предшественники ходили на четвереньках и носили густую шерсть, за которую можно было держаться, связь между ребенком и матерью поддерживали дети. От этого зависела их жизнь. Когда мы потеряли шерсть, встали на две ноги и освободили руки, мать пришла ответственность за поддержание связи с младенцем. С недавних пор в некоторых странах она стала легкомысленно вноситься к поддержанию контакта со своим ребенком, но это ни в коей мере не устраняет настоящей потребности ребенка оказаться на руках.

Она также лишает себя ценнейшей части своего ожидаемого жизненного опыта, радость которого помогла бы ей продолжать действовать в лучших интересах для себя и своего ребенка.

Сознание младенца за время «ручного периода», когда ребенок в основном находится на руках у родителей, продолжается с рождения и до момента, когда ребенок начинает ползать, претерпевает серьезные изменения. Вначале малыш больше похож на животное, чем на человека. Постепенно, по мере развития центральной нервной системы, он приобретает черты, присущие именно *Homo sapiens*. По мере умножения и углубления его способностей опыт не только производит на него большее или меньшее впечатление, но и влияет на него совершенно по-разному. Ранний опыт формирует психобиологическое строение человека на всю будущую жизнь, при этом, чем раньше произошел опыт, тем сильнее его влияние. То, что человек чувствует до того, как становится способным к мышлению, во многом определяет его образ мыслей в более позднем возрасте.

Если до развития мышления он чувствует себя защищенным и желанным, если он вовлечен в повседневную жизнь и при этом ему комфортно, то последующие события его жизни будут восприниматься им

совсем не так, как ребенком, чувствующим себя лишним, лишенным необходимого для развития опыта и привыкшим жить в состоянии нужды. При этом последующий жизненный опыт обоих детей может быть совершенно одинаковым.

Сначала младенец только наблюдает, он не может думать. Он знакомится с окружающим его миром посредством ассоциаций. В самом начале жизни первые после рождения сигналы, приходящие через органы чувств, создают абсолютное и безоговорочное впечатление о состоянии вещей, имеющее отношение только к врожденным ожиданиям младенца и, конечно, никак не связанное с течением времени. Если бы принцип непрерывности действовал иначе, потрясение новорожденного от новизны событий было бы просто невыносимым. Важно отметить, что, когда младенец только начинает воспринимать происходящее вне его, существует огромная разница между ощущениями ребенка и тем, что они ему напоминают из его предыдущего опыта. Познание мира через ассоциации означает, что сначала ребенок воспринимает весь новый для него мир целиком, не делая никаких различий или выводов. Затем он уже начинает отмечать некоторые различия в схожих событиях. Таким образом, сначала мир познается в целом, а затем во все более мелких подробностях.

В этом отношении *Homo sapiens* не похож ни на одно другое животное. Он ожидает найти подходящую среду, изучить ее во всех деталях и действовать в ней со все возрастающей эффективностью. Другие приматы в разной степени приспосабливаются к некоторым обстоятельствам по мере столкновения с ними, но в основном поведение животных строится на врожденных схемах, заложенных эволюцией.

У меня жил муравьед, которого я купила, когда ему было четыре дня. Он благополучно вырос среди людей и был совершенно уверен, что мы все муравьеды, поэтому ожидал от нас соответствующего поведения: чтобы мы бегали, как муравьеды, и дрались, как муравьеды. Он ожидал от меня, как от своей матери, что я постоянно буду рядом с ним, постепенно отдаляясь по мере взросления; что сначала все время я буду носить его с собой, а потом позволять от души целовать меня и часто лизать мои ноги, что я буду есть с ним и что приду на его зов, если он потеряет мой запах. Но к собакам и лошадям он относился враждебно, они не были существами его вида.

С другой стороны, обезьянка, которую я тоже вырастила с младенчества, считала себя человеком. Она снисходительно относилась даже к очень большим собакам и имела обыкновение в компании людей садиться на стул, в то время как собаки, приведенные в замешательство ее

поведением (они бы бросились за кошкой в два раза большей, чем обезьянка), верно лежали у ее ног. Она научилась вежливо вести себя за столом и после года наблюдения приспособилась открывать дверь: взбиралась по косяку и затем одновременно поворачивала дверную ручку против часовой стрелки и тянула на себя.

Таким образом, ее поведение демонстрировало врожденную способность учиться на своем опыте и лучшую приспособляемость, чем у муравьеда, чье поведение полностью следовало врожденной программе.

Человек же может гораздо эффективнее приспосабливаться к обстоятельствам и справляться с таким разнообразием условий среды, что менее изобретательный вид в них бы попросту вымер. Человек находит поставленной задаче самые разные решения. Обезьянка реагирует на стимул в определенных, довольно узких рамках, а муравьед вообще не имеет выбора и поэтому, с позиции муравьедов, не может ошибиться. С точки зрения континуума обезьянка может только изредка ошибаться, но человек с его огромными возможностями выбора куда более уязвим.

Вместе с расширением для человека возможностей выбора поведения возникала и опасность допуска большего количества ошибок. Но вместе с тем развивалось и чувство континуума, позволяющее делать правильный выбор. Таким образом, при наличии опыта, необходимого для формирования способности выбирать, и соответствующих условий среды делаемый человеком выбор может быть почти таким же безошибочным, как и поведение муравьеда.

Пример человеческих детей, выращенных животными, наглядно демонстрирует важность надлежащей среды для достижения индивидом присущего его виду уровня развития.

Из всех известных случаев, пожалуй, лучше всего задокументирована история Амалы и ее сестры Камалы, которых с детства воспитывали волки в джунглях Индии. После того как девочек обнаружили в джунглях, их поместили в сиротский приют. Священник Синх с женой попытались научить их жизни в человеческом обществе. Но все старания были напрасны. Несчастные девочки так и продолжали ютиться обнаженными по углам своих комнат в положении, присущем волкам. Ночью они проявляли активность и выли, чтобы привлечь внимание своей стаи. После продолжительных тренировок Камала научилась ходить на двух ногах, но бегать могла по-прежнему только на четвереньках. Долгое время они отказывались носить одежду или есть приготовленную пищу и предпочитали сырое мясо или падаль. К моменту смерти в возрасте семнадцати лет Камала знала пятьдесят слов. Уровень ее умственного

развития в это время примерно соответствовал уровню ребенка трех с половиной лет.

Способность человеческого ребенка, который по каким-то обстоятельствам вырос среди зверей, приспосабливаться к неподходящим его виду условиям намного превышает способность любого животного перенимать повадки человека. Но большинство таких детей в неволе были обречены на раннюю смерть и страдания. Они оказывались не в состоянии наложить человеческую культуру на свою уже устоявшуюся и развитую культуру животного. Все это говорит о том, что усвоенная культура становится неотъемлемой частью природы человеческого существа. *Эволюция заложила в нас ожидание участия в культуре. Нравы, усвоенные из культуры посредством этого ожидания, интегрировавшись, становятся столь же неотъемлемой частью личности, сколь и врожденные повадки у других животных.* Таким образом, дикие дети — представители нашего вида — гораздо больше, чем любое животное, были подвержены влиянию собственного опыта. Они так глубоко вжились в поведение животных, что смена окружающих условий оказалась для них куда более болезненной, чем для любого животного (чье поведение всецело предопределено врожденными, а значит, неизменными механизмами).

Низкий уровень умственного развития Камалы сам по себе ни о чем не говорит. Однако если рассмотреть его как часть континуума существа, рожденного человеком, а воспитанного волком, то станет понятно, что это было оптимальным использованием умственных способностей в подобных обстоятельствах. Другие ее способности были феноменальны: она необыкновенно ловко перемещалась на четырех конечностях, имела острейшее обоняние (чуяла мясо за семьдесят метров), прекрасно видела в темноте, быстро бегала и легко переносила резкие перепады температур. Раз она выжила среди волков, она, скорее всего, великолепно охотилась и отлично ориентировалась в джунглях. Получается, что континуум ее не подвел. Она успешно развила способности, нужные для ее образа жизни. То, что она не смогла изменить свое развитие и заменить его совершенно новым, не имеет значения. Нет причины, по которой любое существо должно быть способно выполнить столь невероятное требование. Точно так же взрослый человек, чье поведение уже запрограммировано для жизни среди людей, не сможет успешно приспособиться к жизни в качестве другого животного.

Изначально индивид усваивает только то, что относится к образу жизни, который, как следует из обстоятельств, потом станет его собственным. Процесс ассоциаций отвечает за то, чтобы обучение

происходило именно так. Так же как и радио настроено на принятие волн только определенной длины, хотя приемник может работать на самых разных волнах, психофизиологическое восприятие изначально имеет огромный потенциал, но вскоре сужается до необходимого для жизни диапазона. Оптимальный для образа жизни большинства людей диапазон зрения ограничен дневным видением и частичным видением в темноте, а также спектром цветов от красного до фиолетового. Чересчур маленькие или слишком удаленные предметы не поддаются нашему восприятию, и даже в поле зрения отчетливо можно видеть лишь несколько предметов. Зрение остро на среднем расстоянии, на котором обычно нужно увидеть происходящее вокруг. Когда представляющий интерес объект начинает приближаться, то по мере его приближения зрение на периферии размывается. Наше внимание и фокус зрения перемещаются со среднего расстояния на близлежащий объект, и поэтому мы можем изучать его не отвлекаясь. Если бы все вокруг объекта было по-прежнему видно столь же четко, то органы чувств испытывали бы постоянные перегрузки. Для мозга обработка информации стала бы делом проблематичным, так как для наиболее эффективного функционирования ему необходимо сосредоточить свои усилия на отдельном предмете или его свойстве. Диапазон зрения индивида задается в соответствии с культурой, конечно, в границах врожденных возможностей.

Воспитанные волками дети имели феноменальное ночное зрение. Екуана могут заметить силуэт маленькой птички среди теней стоящих стеной джунглей, в то время как мы видим только листья, даже если нам укажут место. Они видят рыбу среди пены горных потоков, а мы, опять же, даже при всем своем желании ничего не замечаем.

Слух также действует избирательно — он ограничен тем, что в нашей культуре считается необходимым слышать. Остальное отбрасывается. Сами по себе уши могут слышать намного больше звуков, чем те, которые мы обычно воспринимаем. Все знакомые мне южноамериканские индейцы, привыкшие прислушиваться в джунглях к опасностям и движениям дичи, возможно, скрывающейся в нескольких шагах, также слышат звук двигателя приближающегося самолета задолго до нас.

Их диапазон слуха подходит для их нужд. Наш подходит нам лучше, ибо спасает от звуков, которые для нас были бы лишь бессмысленным шумом. В нашей культуре было бы неприятно, например, просыпаться среди ночи из-за того, что кто-то выругался в двухстах метрах от дома.

Чтобы не дать мозгу захлебнуться в море ощущений, нервная система играет роль фильтра. Восприимчивость к звукам может быть усилена или

ослаблена без всякого волевого усилия в соответствии с установками нервной системы. Хотя слух никогда не перестает работать, некоторые слышимые звуки так и не доходят до сознания и остаются в подсознании с младенчества до смерти. Один из классических номеров, исполняемых гипнотизерами на сцене, заключается в том, что человеку приказывают услышать слова, сказанные шепотом в другом конце зала. Гипнотизер заменяет обычный диапазон слуха индивида на свой, расширенный. Возникает иллюзия, что он усиливает остроту слуха, в то время как на самом деле он временно приостанавливает отсеивание звуков в неиспользуемой части слухового диапазона.

То, что принято называть сверхъестественными или магическими способностями, часто всего лишь способности, исключаемые нервной системой (по требованию континуума) из используемого нами набора возможностей. Их можно развить практикой, направленной на отключение нормального процесса отсеивания. Иногда они могут возникать при чрезвычайных обстоятельствах, как, например, в случае с десятилетним мальчиком, брата которого придавило упавшее дерево. Он в ужасе приподнял дерево и освободил тело брата прежде, чем бежать за помощью. Позднее обнаружилось, что дерево могли сдвинуть только десяток мужчин. А мальчик в своем необыкновенном эмоциональном состоянии смог это сделать один. Это одна из многочисленных историй подобного рода. Сверхъестественные силы высвобождаются только в особых случаях.

Любопытным исключением из этого правила являются люди, чьи отсеивающие механизмы были тем или иным способом временно или перманентно испорчены. Такие люди становятся ясновидящими. Я не знаю, каким образом это работает, но некоторые видят воду или металл под землей. Другие видят ауру вокруг тела человека. Петер Хуркос стал ясновидящим после падения с лестницы и ушиба головы. Две мои подруги по секрету рассказали мне о том, что на грани нервного срыва они могли видеть будущее. Эти девушки не знакомы и рассказали мне об этих случаях независимо друг от друга. Обе попали в больницу через несколько дней после проблесков ясновидения, и последние больше не повторялись. Обычно нормальные границы человеческого восприятия нарушаются в условиях чрезвычайного эмоционального напряжения. Когда жертвы несчастных случаев внезапно видят неотвратимость своей смерти, к которой их не смог заблаговременно подготовить континуум, они отчаянно взывают к своей матери или к тому, кто занимает место матери в их чувствах. Этот зов часто доходит до матери или человека, олицетворяющего мать, через любые расстояния. Подобные случаи

происходят достаточно часто, и большинство из нас слышали о них или встречались с ними на своем опыте.

Предчувствие возникает иначе: неизвестное событие, угрожающее ужасными последствиями, может пробиться в сознание совершенно спокойного человека, во сне или наяву. На большинство предчувствий не обращают внимания и из-за запретов верить в «подобную чушь» даже не осознают. Расплывчатое заявление типа: «Я вдруг почувствовал, что мне лучше не приходить», обычно является единственным намеком на предчувствие, забитое другими силами.

Я понятия не имею, как можно чувствовать события, которые вроде бы еще не произошли, и как они могут обгонять свое существование. Но от этого возможность знать о прошлых и настоящих событиях, не воспринимаемых нашими органами чувств, не становится менее загадочной. Для нас непостижимы и многие другие способы связи, как, например, недавно открытые химические соединения, вызывающие определенное поведение у животных и обеспечивающие работу невероятно точных навигационных систем перелетных птиц.

Сознательный ум — это совсем не то, что он о себе думает; он не имеет доступа к секретным программам континуума, для службы которому его и создала эволюция. *Интеллект должен стать из невежественного хозяина знающим слугой — вот что является основной задачей философии континуума.* Правильное использование интеллекта может сделать его невероятно полезным. Благодаря интеллекту люди могут приобретать, хранить и передавать друг другу огромные объемы информации. Интеллект замечает, классифицирует и понимает взаимосвязь и свойства животных, растений, минералов, и событий. С этими знаниями человек может использовать окружающую среду полнее и разнообразнее, чем любое другое животное; человек становится менее уязвим перед неблагоприятными условиями среды. Он может выбирать, как вести себя с природой, и, следовательно, занимает в ней прочное место.

Пока не нарушено природное равновесие, интеллект может служить защитой континуума, осознавая требования чувства непрерывности и действуя в соответствии с ним. Способность мыслить, приходить к заключениям на основании собственного и чужого опыта и индукцией или дедукцией соединять мысли и воспоминания в миллионы полезных комбинаций делает интеллект еще более полезным в удовлетворении нужд индивида и вида в целом.

Например, если перед человеком стоит задача как можно подробнее ознакомиться с ботаникой, то интеллект, гармонично сочетающийся с

развитым и надежно функционирующим континуумом, может вобрать в себя невероятное количество информации. Европейцы, знакомые с разными примитивными культурами, сходятся на том, что любой мужчина, женщина и ребенок в каждом из этих обществ держит в голове необычайно подробный перечень названий и свойств сотен или даже тысяч растений.

Один из наблюдателей, говоря об африканском племени и огромных знаниях ботаники, которыми обладали все его члены, отметил: «Они бы ни за что не поверили, что даже при всем своем желании я не смог бы запомнить столько же»^[2].

Я не говорю, что дикари от природы умнее нас, но мне кажется очевидным, что исковерканная личность может снизить естественный потенциал умственных способностей.

Если общество ожидает этого, то интеллект любого зрелого человека может запомнить и использовать невероятное количество информации. Даже в цивилизованном мире неграмотные, не имеющие возможности переложить основную ответственность за хранение информации на книги, обладают более развитой памятью, которая могла быть даже лучше, если бы они были полностью в ладу с собой и своим миром.

Установки, получаемые умом младенца, определяют диапазоны восприятия, которые он будет использовать в жизни. Ребенок ожидает в этом от своего опыта большого количества разнообразных подсказок. Кроме того, он ожидает, что специфика опыта, из которого он извлекает подсказки, окажется полезной и будет иметь прямое отношение к тому, что он повстречает в жизни.

Когда последующие события не отвечают характеру опыта, обусловившего его поведение, человек склонен влиять на события так, чтобы они стали похожи на первоначальный опыт, даже если это не в его интересах. Если он привык к одиночеству, то бессознательно устроит свои дела так, чтобы чувствовать схожее одиночество. Все попытки с его стороны или со стороны обстоятельств сделать его более или менее одиноким будут сталкиваться с сопротивлением человека, склонного к сохранению своей стабильности.

Человек имеет тенденцию поддерживать даже обычный уровень беспокойства. Если вдруг окажется, что беспокоиться не о чем, то это может вызвать куда более глубокое и острое волнение. Для кого-то, кто привык жить «на краю пропасти», полная защищенность и спокойствие становятся столь же невыносимыми, как и падение на самое дно пропасти. Во всех этих случаях действует тенденция поддерживать то, что должно было быть полным благополучием, заложенным в младенчестве.

Попытки радикально изменить устоявшийся круг общения или взгляд на успех и неудачу, счастье и несчастье встречают сопротивление встроенных в нас стабилизаторов, и наши намерения отлетают от них как от стенки горох. Волевые усилия редко способны сломить крепость привычки. Но иногда изменения в индивиде все же происходят под давлением внешних обстоятельств. Тогда стабилизирующие тенденции создают противовесы ситуациям, которые нельзя ассимилировать, как они есть. Если успех или неудача слишком велики для ожиданий индивида, то он может отвлечься, занявшись решением сложных, но знакомых проблем.

Если происходит необратимое изменение и все попытки восстановить статус-кво потерпели неудачу, то для адаптации к такому изменению необходимо прекратить борьбу, непредвзято посмотреть на вещи и подстроиться к новым жизненным обстоятельствам. Иногда для этого требуется болезнь или несчастный случай, который бы вывел жертву из игры на достаточно долгий период, чтобы она могла отдохнуть и направить силы в новое русло в соответствии с новыми требованиями. Для восстановления равновесия склонность к стабилизации может также позволить телу заболеть, если существует эмоциональная потребность побыть маленьким беспомощным ребенком и если присутствует человек, готовый играть роль матери. Простуда как короткая передышка — обычная реакция для восстановления баланса человеком, слишком далеко отошедшим от уютной для него степени благополучия или слишком изменившим своему обычному поведению.

Чтобы, жизнь была сносной, одним людям необходимо часто впадать в плохое физическое состояние (склонность к несчастным случаям), а другим нужно стать на всю жизнь калеками, чтобы выжить в условиях огромной потребности в материнской заботе, в развлечении или в наказании (см. ниже описанный мной случай). Третьим приходится делать себя хрупкими, чтобы поддержать нужное им отношение семьи; такие люди по-настоящему заболевают, только когда другие относятся к ним слишком плохо или слишком хорошо.

Одна моя знакомая была обременена чувством невыносимой вины; она может служить примером крайнего случая использования болезни для поддержания душевного равновесия.

Ни мне, ни даже, может быть, ей не известно, как относились к ней в детстве и из-за чего ее детский ум твердо усвоил, что она «плохая». Но остается фактом, что ее брат-близнец, которого, по всей видимости, терзало схожее чувство, покончил жизнь самоубийством в возрасте двадцати одного года. Ее совершенно иррациональное чувство вины, которое

усугубилось чрезвычайной близостью к брату, возросло еще больше с его смертью. Она принялась, искать наказания, которые могли бы компенсировать чувство вины и сделать жизнь более-менее сносной; Стабилизирующий механизм ее исковерканного чувства непрерывности, принимая во внимание условия культуры, в которой она жила, должен был оградить ее от возможности быть счастливой после смерти брата. Установка на вину, берущая начало еще в детстве и теперь обнаружившаяся в самоубийстве ее брата, не допускала удачи в ее жизни.

За несколько лет она родила вне брака двоих детей, одного от мужчины иной расы, а другого от неизвестного мужчины. Она сменила несколько работ, которые были просто унижительны для ее положения в обществе; заболела полиомиелитом и на всю оставшуюся жизнь осталась привязанной к инвалидной коляске; подхватила туберкулез в больнице, где ее лечили от полиомиелита, та, лишилась одного легкого и серьезно повредила другое; красила волосы в совершенно не идущий ей красно-пурпурный цвет и смогла-таки испортить свою миловидную наружность; и стала жить с художником-неудачником, который был много старше ее.

Во время последней нашей встречи она сказала мне с присущей ей веселостью, что она убирала дом после вечеринки, упала с коляски и сломала одну из парализованных ног.

Она никогда не унывала и никогда не жаловалась. С каждым новым потрясением, все больше облегчавшим ее внутреннее бремя, она становилась все более радостной. Однажды я заметила, что, по моему мнению, потеряв здоровье, она стала заметно счастливее. Она без раздумий ответила, что никогда в жизни не была так счастлива.

Приходит на ум полдюжины подобных случаев. Несколько знакомых мужчин за длинными бородами или шрамами пытались скрыть привлекательную внешность, делавшую их жизнь неуютно легкой, а женщин — слишком доступными, что шло вразрез с их внутренним чувством непривлекательности.

Троих других мужчин и женщин привлекали только люди, которые не обращали на них никакого внимания.

Всякого рода неудачи обычно имеют причиной не посредственные способности, невезение или конкуренцию, но тенденцию человека поддерживать состояние, в котором он привык чувствовать себя комфортно.

Итак, создавая впечатление о своем отношении ко всему окружающему миру, ребенок задает нормы, которые станут эталоном его поведения на всю жизнь, с которыми он будет сравнивать все остальное, которыми будет все измерять и уравнивать. Его стабилизирующие

механизмы будут работать на поддержание этих норм. Ребенок, обделенный чувством, необходимым для формирования основы для полной реализации его внутреннего потенциала, вероятно, никогда не узнает чувства безусловной правильности, что было присуще его виду на протяжении практически всей его истории. Неудобства и ограничения, сопутствующие нехватке правильного опыта в детстве, неизбежно останутся частью его развития. Инстинкт не рассуждает. Он под воздействием огромного опыта природных законов предполагает, что в интересах индивида будет закрепляться в жизни в соответствии с его первоначальным опытом.

То, что подобный полезный механизм стал жестокой ловушкой, своеобразным пожизненным заключением в переносной тюрьме, настолько далеко от эволюционного процесса и настолько ново в истории жизни, что мы не находим в нашей природе почти никаких способов облегчить нашу боль. Правда, есть несколько способов. Есть неврозы и сумасшествия, защищающие обделенного человека от удара невыносимой реальности. Есть притупление чувств, устраняющее невыносимую боль. Смерть становится выходом для третьих, чаще всего для тех, кто дожил с сильной инфантильной потребностью в матери до зрелых или преклонных лет и теперь потерял человека, игравшего для него эту роль. Что бы ни случилось — партнер умер, убежал с секретаршей или что-то еще, — зависимый человек оставлен без всякой надежды найти новую опору и не способен жить с пустотой внутри и вне себя, пустотой, которую заполнял пропавший теперь человек.

Для человека с полноценным детством и, следовательно, живущего полноценной жизнью, потеря постоянного партнера в любом возрасте не является потерей «всего на свете». Его или ее самость — это не пустой сосуд, чье содержание или мотивация зависит от другого. Полностью зрелый взрослый человек будет скорбеть, возможно, на время уйдет от дел и переориентирует силы, с тем чтобы приспособиться к новым обстоятельствам.

В культурах, развившихся эволюционным путем, а также во многих цивилизованных обществах существуют ритуалы, помогающие в период скорби (совместное оплакивание, церемонии, собрания). Особенно если в культуре не заложено четких предписаний для новой жизни пережившего партнера человека и если на нем не лежит забота о детях или других иждивенцах, ему часто отводится время для переориентации, поддерживаемой обществом. Ношение черного или белого платья или другой знак того, что он не у дел, вне красок жизни, защищают его от

вмешательства извне и просят уважения и понимания со стороны общества.

Цивилизованный интеллект вторгся в эту сферу и превратил трауры из сложного развитого ритуала в гротеск, никак не связанный с истинной потребностью, или устранил его полностью. Однако это никак не изменяет целостность и здравость истоков этого ритуала. Стабилизирующие механизмы континуума по-прежнему удовлетворяют потребность культур с недостаточными или отсутствующими обычаями траура. Как и в случае со всеми сходными требованиями, если нет лучшей возможности устроить период отдыха, континуум создает укрытие в форме болезни или несчастного случая.

Резкое изменение в окружающих условиях травмирует человека, только если он не смог в полной мере развить врожденную способность стойко переносить беды. Чем сильнее обделен индивид, тем более серьезное «лечение» ему требуется, чтобы оправиться от жизненных потрясений.

Как же возможно различить детей континуума и детей вне континуума? Давайте понаблюдаем и сравним поведение индейцев екуана и представителей нашей культуры. Жизни ребенка, которого постоянно держат на руках (эта традиция уходит корнями во времена каменного века), и младенца из современного общества отличаются как небо и земля.

С рождения дети континуума постоянно присутствуют при любой деятельности своих родителей. С того момента, как пуповина отделена от ребенка, его жизнь уже полна событий. Пока ребенок в основном спит, но и во сне он привыкает к голосам людей своего племени, звукам их деятельности, толчкам, резким и неожиданным движениям и остановкам, к давлению на различные участки его тела, когда родитель меняет положение ребенка, совмещая текущую деятельность или отдых с уходом за своим чадом. Младенец также познает ритмы дня и ночи, изменения температуры своего тела и приятное ощущение безопасности и тепла от прикосновения к живой плоти родителя. Ребенок осознает эту настоятельную потребность лишь тогда, когда его вдруг отнимают от уютного тела. Его безоговорочное ожидание именно таких событий и уверенность в том, что ему нужен именно такой опыт, поддерживают континуум человека. Малыш ощущает эту «правильность» и поэтому лишь изредка извещает родителей о своих потребностях плачем. Деятельность ребенка в основном ограничивается сосанием груди матери и опорожнением кишечника. Когда возникает такое желание, его реализация доставляет маленькому человечку глубокое удовлетворение. Если он не занят этим, то просто изучает мир и привыкает к ощущению, что значит быть на этом свете.

Во время этого, назовем его «ручным», периода (периода, когда ребенок в основном находится на руках у родителей — примерно с рождения до момента, когда он начинает ползать) малыш получает опыт, отвечающий его врожденным ожиданиям, которые потом сменяются новыми, также требующими соответствующего опыта. Двигается малыш очень немного и в основном пребывает в расслабленном, пассивном состоянии. Он, конечно, не похож на тряпичную куклу: мышцы, безусловно, имеют тонус, — но ребенок пользуется лишь минимумом своей мышечной силы для наблюдения за происходящим, принятия пищи и опорожнения кишечника. У него есть еще одна нелегкая задача: удержание в равновесии головы и тела (для того чтобы наблюдать, принимать пищу и облегчаться) во множестве различных положений, что зависит от действий и поз человека, который держит ребенка.

Малыш может лежать на чьих-то коленях и лишь иногда соприкасаться с руками, которые делают что-либо над ним, например, шьют, гребут веслами в каноэ или готовят пищу. Ребенок чувствует, как колено вдруг наклоняется, и рука берет его за запястье. Колено исчезло, а рука стала сжимать еще сильнее, затем она поднимает малыша в воздух, и вскоре он находится в новом положении, соприкасаясь с телом взрослого. Теперь уже руки исчезли, а локоть прижимает тело ребенка к бедру, чтобы наклониться и подобрать что-то свободной рукой, при этом на мгновение ребенок оказывается в положении вниз головой. Потом мать двинулась в путь, побежала, снова пошла, ребенок при этом чувствует разные ритмы движения и множество толчков. Затем, возможно, его передали другому человеку, и у ребенка появились новые ощущения: новая температура тела, гладкость и запах кожи, тембр голоса, телосложение; может быть, это костлявая старушка, может, ребенок с пронзительным голосом, а может, и мужчина, говорящий басом. Или же ребенка снова подняли за одну руку и погрузили в прохладную воду, обрызгали и обмыли, затем стряхнули струйки воды ладонью. Его водружают обратно на влажное бедро взрослого, которое греет ребенка, тогда как все остальное тело постепенно охлаждается на воздухе. Он чувствует тепло солнца или же пронизывающую прохладу ветра, или же и то и другое одновременно, когда с солнечной поляны он вдруг попадает в тень леса. Малыш уже почти высох, но неожиданно хлынул дождь и облил его с ног до головы. Но вот наконец он дома, холод и влага сменились на тепло пламени в домашнем очаге, которое согревает его гораздо быстрее, чем тело матери.

Иногда в деревне бывают вечеринки, и малыш, уже спящий, чувствует довольно резкие толчки и встряски, пока его мать подпрыгивает и танцует

в ритме музыки. Во время дневного сна его ожидают похожие приключения. Ночью мать спит рядом с ребенком, как обычно, касаясь его своим телом, и он ощущает движения, слышит ее дыхание и иногда тихое посапывание. Она часто просыпается, встает со своего гамака и, сжимая дитя между бедром и туловищем, подкладывает дрова и ворошит угли, поддерживая огонь в очаге. Если ночью ребенок просыпается голодным и не может сам найти грудь матери, то он извещает ее о своей потребности. Она дает ему желаемое, и спокойствие безо всяких усилий снова восстановлено. Его полная событиями жизнь мало чем отличается от жизни миллионов предков и отвечает его внутренним ожиданиям.

Деятельность ребенка во время «ручного периода» очень ограничена, но все же он получает разнообразный опыт, находясь на руках занятого делом человека. По мере того как ожидания ребенка удовлетворяются и он становится психологически развитым и готовым к получению нового опыта, он подает сигнал, означающий изменение ожиданий в соответствии с его внутренними импульсами. Эти сигналы правильно истолковываются врожденным инстинктом его родителей. Когда ребенок улыбается и агукает, это вызывает у родителей удовольствие и желание провоцировать эти замечательные звуки как можно чаще и слышать их как можно дольше. Быстро избирается подходящий для этого способ, который, поощряемый реакцией ребенка, повторяется вновь и вновь. Позже, по мере повторения, этот способ уже не вызывает у ребенка такого восторга, и его реакция дает понять взрослому, чтобы тот изменил свое поведение.

Вот пример такого поведения. Все начинается с горячего поцелуя лица или тела ребенка. Он улыбается и агукает. Еще один поцелуй. Ребенок выражает еще больше восторга, таким образом поощряя родителей. Восторженные возгласы и блеск глаз малыша — это не потребность в тишине и покое, ласке, еде или перемене обстановки, а явный признак эмоционального возбуждения. Интуитивно взрослый трет носом о грудь ребенка, что также им приветствуется. Тогда мать еще больше возбуждает малыша, издавая звук «б-б-б-б-б-б» и щекоча губами его тело.

Ребенок, заранее предчувствуя свою реакцию, начинает радостно вскрикивать и агукать, когда этот дарящий удовольствие рот еще только приближается к телу. Мать, отец или ребенок, принимающие участие в игре, понимают, что можно привести малыша в еще больший восторг, если его немножко поддразнить. Просто нужно подносить губы к его телу не сразу, а выдержать паузу, но не слишком долгую, иначе ребенок потеряет интерес к игре, и не очень короткую, чтобы он имел возможность получить максимум удовольствия.

Может быть другой вариант игры. Взрослый держит ребенка на вытянутых руках, а затем прижимает его к своему телу, где дитя чувствует себя в полной безопасности. Контраст между пугающим одиночеством вдали от взрослого и его уютным телом, между движением от безопасного тепла и возвращением невредимым, радость от успешно пройденного испытания на расставание с безопасной зоной и возвращением обратно — это начало психологического развития, перехода от «ручного периода» к другим этапам жизни с максимальным багажом опыта и желания.

Когда положение на вытянутых руках испытано в различных вариациях и из него выжато все возможное удовольствие, на смену ему приходит легкое покачивание вверх-вниз с ослаблением силы хватки рук в самой верхней точке. Привыкнув и к этому, ребенок захочет чего-нибудь более захватывающего; тогда его подбрасывают вверх и ловят. По мере того как его уверенность в себе все крепнет, а страх отступает назад, ему позволяют лететь выше и выше и ловят все ниже.

Точно так же взрослые учатся у младенцев играм, развивающим волю и уверенность в себе через разные органы чувств. В игре в прятки мама или родственник прячется, а потом снова появляется в поле зрения ребенка. Игра сопровождается неожиданными и громкими звуками, к примеру: «Бу!» — ребенок встревожен, но видит, что это всего лишь мама и нет причины для беспокойства. Игрушки типа фигурки, выпрыгивающей на пружине из коробочки в момент ее открытия, помогают побороть испуг и его последствия, делают ребенка более уравновешенным. Иногда подобные игры затевают сами взрослые. Например, индейцы екуана, зная слабость детей к таким развлечениям, купают их в разных водоемах, при этом наблюдая за реакцией и сигналами ребенка. С рождения ежедневная ванна — обязательная процедура для малыша, но помимо этого его купают в быстрых реках, сначала опуская в воду лишь ступни, потом ножки и, наконец, все тело. По мере того как уверенность малыша растет, выбирают реки со все более бурным течением, со стремнинами и водопадами, увеличивается также и время купания. Прежде чем он начнет ходить и даже мыслить, ребенок екуана уже неплохой специалист в определении на глаз глубины реки, силы и направления течения. Индейцы екуана считаются одними из лучших в мире гребцов на каноэ по горным рекам.

Органы чувств ребенка получают огромный и разнообразный материал в виде событий и предметов, с тем чтобы тренировать и совершенствовать свою деятельность и взаимодействие с головным мозгом.

Первый свой опыт ребенок в основном получает от тела занятой

матери. Ее постоянное движение и деятельность дают младенцу представление об активной жизни. Постепенно он усваивает, что движение — это одно из свойств этого мира, которое будет всегда ассоциироваться с уютным чувством самости, открытым в «ручном периоде».

Противоположное происходит, если ребенок в основном находится на руках у человека, который предпочитает сидеть без движения. Конечно, это избавит малыша от муки одиночества, чувства ненужности и оторванности, однако не даст ему прочувствовать темп жизни и действия. Если ребенок активно поощряет взрослых к стимуляции его органов чувств, то это первый признак, что ему необходимо движение для своего дальнейшего развития. Мало двигающаяся мама дает малышу представление о жизни как о чем-то скучном и тягучем, что вызывает в нем непоседливость и суетливость — признаки недостатка стимуляции со стороны матери. Он будет ерзать и подпрыгивать на ее коленях, демонстрируя свои желания, или же махать руками, предлагая маме двигаться побыстрее. Аналогично, если мать относится к ребенку, словно к хрупкой хрустальной вазе, то ему будет казаться, что он таков и есть. И наоборот, грубоватое и бесцеремонное обращение позволит ему ощущать себя сильным, выносливым, умеющим приспособиться к любым условиям и ситуациям. Ребенку не просто неприятно это чувство хрупкости, слабости и уязвимости, оно мешает дальнейшему развитию и создает проблемы в старшем возрасте.

Сначала малыш получает опыт от тела взрослого, держащего его на руках, в виде звуков, запахов, вкуса, тактильных ощущений и зрительных образов, а затем по мере развития познавательных способностей его опыт расширяется до восприятия различных событий и предметов. Ребенок начинает строить ассоциации. В хижине всегда темно, когда пахнет пищей, и почти всегда темно, когда пахнет костром. Светло во время купания и большинства походов пешком. В основном температура воздуха комфортнее в темноте, чем на ярком свете, когда часто невыносимо жарко или холодно из-за дождя и ветра. Но любые изменения встречаются спокойно, а разнообразие событий даже приветствуется. Основная потребность быть на руках удовлетворена, поэтому ребенок беспрепятственно развивается на основе того, что он видит, слышит, чувствует, ощущает. Событие, которое испугало бы неподготовленного взрослого человека, вряд ли будет даже замечено ребенком на руках. Перед его глазами появляются и исчезают человеческие фигуры, над головой шумят кроны деревьев. Без всякого предупреждения темнота сменяется светом, день — ночью. Гром и молнии, лай собак, оглушительный рев

водопадов, треск деревьев, пламя огня, проливные дожди, внезапное погружение в реку — ничто не беспокоит этого малыша. Вспомните о том, в каких условиях жили и развивались его предки, и станет ясно, что его бы скорее испугала тишина и продолжительное *отсутствие* всяческих внешних стимулов.

Если ребенок по какой-то причине все же плачет во время беседы взрослых, его мать тихонько шепчет «тсс-с» на ухо малышу, чтобы отвлечь его от плача. Если это не помогло, она покидает группу беседующих и успокаивает его в сторонке. Она не навязывает свое желание ребенку и прерывает свое дело (беседу с людьми), не выказывая и тени осуждения и недовольства поведением ребенка и тем, что ее оторвали от беседы. Мать екуана редко замечает то, что чадо обслюнявило ее одежду. Если же она и вытирает ему рот тыльной стороной ладони, то это делается как бы по ходу дела, не уделяя повышенного внимания, то есть так, как если бы она ухаживала за собой. Если ребенок мочится или опорожняется, она и ее подруги могут рассмеяться. Она быстро отставит ребенка от себя и будет держать до тех пор, пока он не закончит. Для нее это вроде игры, проверка своей реакции, но если произошло непоправимое и дитя сделало свои дела прямо на нее, то мать и женщины вокруг будут смеяться еще громче. Волноваться нечего: влага с легкостью просачивается сквозь грунтовый пол, а экскременты незамедлительно убираются листьями. Рвота или отрыжка части содержимого желудка, нормальное явление для наших детей, происходит настолько редко, что на моей памяти это было лишь однажды и то у ребенка с высокой температурой.

Неужели наши специалисты верят, что природа не позаботилась о том, чтобы человеческий детеныш не страдал от несварения всякий раз, как он попил молока своей матери? Они предлагают похлопать по спине лежащего на плече ребенка якобы для того, чтобы помочь ему отрыгнуть воздух, проглоченный во время кормления. Часто ребенка рвет именно в процессе похлопывания. Неудивительно, что от таких стрессов наши дети постоянно болеют. Напряженное тело, выгнутая спина, ходящие ходуном ноги и руки, вскрикивания — верные признаки постоянного, глубоко укоренившегося дискомфорта. Детям екуана особые процедуры после кормления требуются не более чем детенышам животных. Отчасти это можно объяснить тем, что екуана кормят своих детей днем и ночью гораздо чаще, чем цивилизованные родители. Но скорее всего ответ кроется в постоянно напряженной среде, в которой находится наш ребенок, так как даже когда малыш екуана оставляют днем на попечение старших детей и у первых нет возможности прикладываться к груди матери по своему желанию, все

равно они никогда не страдают коликами.

Позже приходит время приучать малыша следить за домашним порядком, и его непременно выставят за дверь, если он пописал или покакал в хижине. Но к тому времени ребенок уже настолько привык к ощущению своей правильности и к тому, что таковым его считают соплеменники, что вся его общественная жизнь естественным образом протекает в гармонии с жизнью его племени. Если же действия малыша встречаются неодобрением, то он знает, что взрослые недовольны лишь его отдельным поступком, а не им самим в целом, поэтому малыш склонен подчиняться требованиям. У него нет причины защищаться от взрослых, его верных и мудрых друзей, или даже иметь свое, отличное от взрослых, мнение.

Вот так живут люди, которые следуют своей природе коллективных животных. Мы же, как это ни удивительно, совершенно забыли правильный образ жизни.

Через что проходит ребенок вне континуума, ребенок из нашего западного общества?

Западный малыш ничем не отличается от своего дикого собрата: те же руки, ноги, голова. Несмотря на то, что в последние тысячелетия мы пошли другим путем, миллионы лет эволюции, в результате чего появился современный человек, являются общими как для индейцев екуана, так и для нас. Несколько тысяч лет, за которые уход от континуума привел к возникновению цивилизации, необыкновенно коротки по сравнению с миллионами лет эволюции. За такой короткий период природа человека никак не могла сколь-нибудь значимо измениться. Поэтому человеческие ожидания одинаковы как для малышей в рамках континуума, не имеющих обделенных предков, так и для детей, чье рождение медикаментозным путем преждевременно вызвал акушер, спешащий на встречу с друзьями в гольф-клубе.

Как мы уже уяснили, человеческие дети приспособлены к рождению никак не меньше, чем дети других видов животных. В нас заложена способность легко перенести опыт рождения. Эта способность возникла из повторяющегося опыта наших предков, которые со времен возвышения млекопитающих все до одного рождались, а до этого — вылуплялись (к чему они были точно так же подготовлены опытом *их* предков). События, которые постоянно повторяются, становятся ожидаемыми. Однако у человека не выработан механизм приспособления к неожиданным событиям. Также существует опасность, что при рождении ребенка неожиданные события не просто происходят, а заменяют ожидаемые

события, необходимые для правильного развития. В природе нет ничего лишнего. Основа эволюции — в экономической причинно-следственной связи всех элементов процесса развития.

Это означает, что если человек недополучил чего-то из ожидаемых событий и остался обделенным необходимым опытом, он лишится какой-то части благополучия. Возможно, эта часть будет крохотной и поэтому незаметной для нас, а может быть, она отсутствует у такого большого числа людей, что мы вовсе и не подозреваем о нашей ущербности. Некоторые исследования доказали, что отсутствие в младенчестве опыта ползания на четвереньках в дальнейшем оказывает негативное влияние на речь и развитие речевых способностей. Кто знает, может быть, обнаружатся связи между тем, что ребенка мало держали на руках в различных положениях и его ловкостью при ходьбе, что малыш не находился под дождем определенный минимум времени и его плохой переносимостью перепадов температур или что ребенку не приходилось наблюдать естественную смену дня и ночи и присутствием у него морской болезни. Что касается ловкости при ходьбе, то исследователь мог бы попытаться выделить какие-либо события в жизни детей индейцев племени могавк, отсутствующие у наших детей, которые объясняют, почему индейцы не подвержены головокружению, а также почему разные люди в нашем обществе в разной степени подвержены ему. (У индейцев екуана, санема и, пожалуй, у всех племен Южной Америки также нет головокружения, однако в образе жизни племени могавк гораздо больше позаимствованного от нас, поэтому исследователю легче выявить различия и найти среди них искомое объяснение.)

Если применить принцип непрерывности к травме рождения, происходящей при «цивилизованных» родах, то основными ее причинами могут быть использование металлических инструментов, резиновых перчаток, яркий свет, запахи антисептиков и анестетиков, громкие голоса или шум оборудования. Чтобы избавить ребенка от травмы, нужно максимально приблизить опыт рождения к его ожиданиям, сформировавшимся еще издревле. В одних здоровых и устойчивых культурах женщине принято рожать самой, без всякой помощи, тогда как в других, не менее устойчивых культурах считается, что ей нужна поддержка и помощь. Но в обоих случаях ребенок с самого момента своего появления на свет находится в тесном контакте с телом матери. Ребенка сразу кладут на ее живот, она гладит его, успокаивает. Как только новорожденный самостоятельно задышал, а пуповина полностью перестала пульсировать и была безболезненно отрезана, ему тут же, без всяких задержек на

взвешивание, омовение, осмотр и прочее, дают грудь матери. Именно в эти минуты, когда роды позади, а мать и дитя впервые встретились как два независимых человека, должен произойти импринтинг (запечатлевание в психике ребенка первого увиденного предмета). Известно, что у многих животных мать запечатлевается в подсознании детеныша сразу после рождения. Например, только что вылупившиеся гусята запечатлевают в качестве своей матери первый попавшийся им на глаза движущийся предмет; и даже если это механическая заводная игрушка, они будут следовать за ней повсюду. Таков их механизм адаптации. Жизнь этих птенцов зависит от запечатлевания своей матери, так как без нее малыши беспомощны, а гусыня никак не может следовать за всеми своими отпрысками. У людей же в отличие от других животных необходимо, чтобы мать запечатлела своего ребенка, ведь человеческий детеныш чересчур слаб и беспомощен, чтобы следовать за кем-либо, и единственный контакт, который он способен поддерживать со своей матерью, это крик, в случае если его ожидания не удовлетворены.

Этот важнейший механизм импринтинга настолько мощен и так глубоко укоренился в природе женщины, что главенствует над всеми остальными ее импульсами и соображениями. Какой бы уставшей и голодной ни была мать, какие бы другие проблемы ее ни занимали, она неизменно сначала накормит и приласкает неказистого человечка, которого она видит впервые. Если бы это было не так, человек бы не прошел через все эти сотни тысяч поколений. Импринтинг, неотъемлемая часть гормонально обусловленных событий родов, должен произойти сразу же после рождения, иначе будет слишком поздно; доисторическая мать не могла позволить себе даже на несколько минут оставаться равнодушной к своему новорожденному ребенку, ибо столь сильному импульсу следуют незамедлительно. Наличие импринтинга в цепи событий — необходимое условие нормального развития отношений между матерью и ребенком.

Что же происходит, если процессу импринтинга помешали и ребенка забрали у матери именно в тот момент, когда она была готова приласкать дитя, дать ему грудь, взять на руки, прижать к своему сердцу, или если в мать накачали столько обезболивающих, что она уже не способна полностью ощущать установление связи со своим ребенком? В этом случае потребность в запечатлевании младенца переходит в ощущение горя и утраты. Во время бесчисленных предыдущих рождений единственным случаем, когда матери было некого приласкать после родов, был случай рождения мертвого ребенка. Реакция на это была одна — скорбь. Когда время упущено, а потребность осталась неудовлетворенной, то в рамках

континуума предполагается, что ребенок умер и необходимость в запечатлевании уже отпала.

В роддомах врачи отдают ребенка матери не сразу, а через несколько минут или даже часов, когда она уже в состоянии траура и скорби. В результате женщина часто чувствует вину за то, что не смогла «стать хорошей матерью», полюбить свое дитя, а также страдает от пресловутой послеродовой депрессии, классической трагедии западного общества, тогда как природа готовила ее к самому глубокому и волнующему событию в жизни — рождению ребенка.

Даже волчица, живущая по своему континууму, на этой стадии стала бы лучшей матерью человеческому детенышу, так как была бы осязаемой, реальной. А биологическая мать, лежащая на кровати в изоляции от ребенка, могла бы с тем же успехом находиться на Луне.

Но детишкам, родившимся в наших роддомах, ожидать ласки от волчицы не приходится. Новорожденного ребенка, снедаемого древним желанием прикосновения к гладкой, излучающей тепло, живой плоти, заворачивают в сухую безжизненную материю. Его кладут в ящик, служащий кроваткой, и оставляют одного, задыхающегося в слезах и рыданиях, в совершенно неподвижном заточении (впервые за время своего беззаботного существования в чреве матери и за миллионы лет эволюции его тело испытывает эту пугающую неподвижность). Все, что он слышит, — вопли других жертв этой невыразимой пытки. Звуки для него ничего не значат. Малыш плачет и плачет; его легкие полыхают обжигающим воздухом, а сердце распирает отчаяние. Но никто не приходит. Не теряя веры в «правильность» своей жизни, как и заложено в него природой, он делает единственное, что у него пока получается, — продолжает плакать. Проходит целая вечность, и ребенок забывается сном.

Вдруг он просыпается в этой безумной и пугающей гробовой тишине и неподвижности, вскрикивает. С ног до головы его тело охватывает огонь жажды, желания и невыносимого нетерпения. Хватая ртом воздух для дыхания, дитя кричит и надрывается; пронзительный звук его воплей наполняет голову пульсирующей лавиной. Он кричит до хрипов в горле, до боли в груди. Наконец боль становится невыносимой, и вопли постепенно слабеют, затихают. Ребенок слушает. Открывает ладони, сжимает кулаки. Поворачивает голову в одну сторону, в другую. Ничего не помогает. Это просто невыносимо. Он снова взрывается рыданиями, но натруженное горло снова дает о себе знать болью и хрипами, и вскоре ребенок затихает. Он напрягает свое измученное желанием тело и находит в этом какое-то облегчение. Тогда он машет руками и ногами. Останавливается. Это

существо не способно думать, не умеет надеяться, но уже умеет страдать. Прислушивается. Затем снова засыпает.

Проснувшись, малыш мочится в пеленку, что хоть как-то отвлекает от мучения. Но удовольствие от процесса и приятное струящееся ощущение теплоты, влажности в районе нижней части тела вскоре исчезают. Теплота становится неподвижной и постепенно сменяется пробирающим холодом. Он машет ногами. Напрягает тело. Всхлипывает. Охваченный отчаянием, желанием, безжизненной неподвижностью, мокрый и неустроенный, ребенок плачет в своем убогом одиночестве, пока не забывается в одиноком сне.

Вдруг, что за чудо, его подняли! Желания и ожидания маленького существа, похоже, начали находить свое удовлетворение. Мокрую пеленку убрали. Какое облегчение! Живые, теплые руки прикоснулись к его коже. Подняли ноги и обернули их новой сухой, безжизненной тканью. Вот и все. Прошел лишь миг, и ему кажется, что не было вовсе и этих теплых рук, и мокрой пеленки. Нет осознанной памяти — нет и надежды, даже искры. И снова невыносимая пустота, безвременье, неподвижность, тишина и желание, жажда. Континуум ребенка пускает в ход крайние меры, но все они предназначены для заполнения пустот в потоке правильного обращения или для сигнала о помощи к тому, кто хочет и может ее оказать. У континуума нет способности разрешения таких экстремальных ситуаций. Это находится за пределами его широких возможностей. Новорожденный, проживший от силы несколько часов, уже вышел за пределы спасительных сил могучего континуума и находится в полной растерянности. Его пребывание в чреве матери стало первым и последним периодом его жизни, который можно было бы назвать состоянием непрерывного благополучия. Природа же заложила в человеке ожидание, что в таком состоянии он проведет всю свою жизнь. Однако это могло произойти лишь при том условии, что мать правильно обращается со своим ребенком и вступает с ним во взаимодополняющие и взаимообогащающие отношения.

Кто-то пришел и поднял его в воздух. Здорово! Его снова вернули к жизни. Конечно, на вкус малыша, держат его чересчур осторожно, но зато есть движение. Наконец он чувствует себя в своей тарелке. Всех мучений, которые ему пришлось испытать, как будто не было и в помине. Теперь он уже на руках, правда, кожа его все еще жаждет прикосновений живого тела, а не ткани, но лицо и руки ребенка свидетельствуют об удовлетворении. Приятное впечатление о жизни, свойственное континууму, практически восстановлено. Дитя наслаждается вкусом и гладкостью материнской груди, пьет жадными губами теплое молоко, слышит знакомое

сердцебиение, напоминающее ему о безоблачном существовании в матке, воспринимает своим пока затуманенным взором движение и жизнь. Здесь же звуки материнского голоса. Все хорошо и правильно, кроме, пожалуй, одежды и запаха (мать пользуется туалетной водой). Он довольно сосет грудь, а когда насыщается, то впадает в дремоту.

Пробуждается он снова в аду. Ни сладкие воспоминания, ни надежда, ни мысли не могут принести успокоение и напоминание о встрече со своей мамой. Проходят часы, дни, ночи. Он плачет, а когда устает, засыпает. Просыпается и мочится в пеленки. Теперь это уже не доставляет ему никакого удовольствия. Не успевает малыш почувствовать облегчение от опустошения своих внутренностей, как на смену ему спешит обжигающая боль от соприкосновения уже раздраженной кожи с горячей, кислой мочой. Он вскрикивает. Его изможденные легкие должны кричать, чтобы заглушить эту боль, яростную и жгучую. Он вопит, пока плач и боль не утомят его и не придет сон.

Это обычное явление в больницах, и загруженные медсестры меняют пеленки всем детям одновременно по расписанию. Их не волнует, сухая ли пеленка, мокрая или уже обмоченная неоднократно. В результате ребенка с сильным раздражением и пролежнями отправляют домой, где их будет лечить тот, у кого есть на это время.

К тому времени, когда младенец оказывается в доме своей матери (безусловно, это никак не *его* дом), он уже сведущ в этой жизни. На уровне подсознания первый жизненный опыт будет накладывать отпечаток на все последующие впечатления этого человека. Поэтому для него жизнь будет казаться очень одинокой, черствой и нечувствительной к его сигналам, полной боли и страдания.

Но человек не сдался. Его жизненные силы — отныне и пока он жив — будут пытаться восстановить баланс.

Дом для ребенка мало чем отличается от палаты роддома, за исключением того, что раздражение и сыпь на попке регулярно смазывают кремом. Часы бодрствования ребенка проходят в зевоте, жажде и нескончаемом ожидании того, что «правильные» события наконец заменят тишину и пустоту. Иногда, лишь на несколько минут в день, его непреодолимое желание прикосновения, жажда рук и движения утоляются. Его мать — одна из тех женщин, что после долгих раздумий решила кормить ребенка грудью. Она любит его со всей неведомой ранее нежностью. Сначала ей бывает тяжело класть ребенка после кормления обратно в кровать, и особенно потому, что он так отчаянно кричит. Но она убеждена, что это делать необходимо, так как ее мать объяснила (а уж *она-*

то знает), что если поддаться ребенку сейчас, то потом он вырастет испорченным и избалованным. Она же хочет делать все правильно; в какой-то миг к ней приходит ощущение, что это маленькое существо на руках ей важнее и дороже всего на свете.

Она вздыхает и кладет ребенка в кроватку, украшенную желтыми утятами и вписывающуюся в дизайн всей детской комнаты. Она приложила немало стараний, чтобы украсить ее мягкими легкими шторами, ковром в виде огромной панды, обставить мебелью: белым шкафом, ванночкой и пеленальным столиком со всякими присыпками, маслами, мылом, шампунем, расческой, которые сделаны в особой детской цветовой гамме. На стене висят картинки детенышей разных животных, одетых по-человечески. Ящики шкафа заполнены крошечными кофточками, пижамками, ботиночками, шапочками, рукавичками и пеленками. На шкафу плюшевый мохнатый ягненок неестественно стоит на задних лапах рядом с вазой с цветами: их лишили корней в угоду матери ребенка, которая «любит» цветы.

Женщина расправляет рубашечку на ребенке и укрывает его вышитой простыней и одеяльцем с его инициалами. Она с удовольствием отмечает все эти мелочи. Еще бы, она не поскупилась для того, чтобы превратить эту комнату в идеальную детскую, хотя ее молодая семья пока не может позволить себе обставить мебелью остальные комнаты. Мать склоняется поцеловать гладкую, как шелк, щечку ребенка и покидает комнату. Тело младенца сотрясает первый душераздирающий крик.

Она тихонько прикрывает дверь. Да, она объявила ему войну. Ее воля должна победить. За дверью раздаются звуки, похожие на крики человека под пыткой. Ее континуум говорит ей, что ребенку плохо. Если природа дает понять, что кого-то пытаются, то так оно и есть. *Истошные вопли ребенка — не преувеличение, они отражают его внутреннее состояние.*

Мать колеблется, ее сердце разрывается на части, но она не поддается порыву и уходит. Его ведь только что покормили и сменили пеленку. Она уверена, что *на самом деле* он ни в чем не нуждается, а поэтому пусть плачет, пока не устанет.

Ребенок просыпается и снова плачет. Его мать приоткрывает дверь, заглядывает в комнату, чтобы убедиться, что он на месте. Затем тихонько, словно боясь разбудить в нем ложную надежду на внимание, она снова прикрывает дверь и торопится на кухню, где она работает. Кухонную дверь она оставляет открытой на тот случай, если «с ребенком что-нибудь случится».

Плач малыша постепенно перешел в дрожащие стенания. Так как на

плач не следует никакой реакции (хотя ребенок ожидает, что помощь должна была давным-давно подоспеть), желание что-то просить и сигнализировать о своих потребностях уже ослабло и затерялось в пустыне равнодушия. Он оглядывает пространство вокруг. За поручнями кровати есть стена. Свет приглушен. Но он не может перевернуться. И видит лишь неподвижные поручни и стену. Слышны бессмысленные звуки где-то в отдаленном мире. Но рядом с ним нет звуков, тишина. Он смотрит на стену, пока его глаза не смыкаются. Открыв их снова, он обнаруживает, что поручни и стена все на том же месте, но свет стал еще более приглушенным.

Вечное разглядывание поручней и стены перемежается вечным разглядыванием поручней и потолка. Там далеко, с другой стороны, есть какие-то неподвижные формы, они всегда там.

Но иногда, бывает, происходит движение. Что-то закрывает его уши, свет приглушен, огромные кучи тканей навалены поверх его тела. Тогда он может видеть белый пластиковый угол внутри коляски и иногда, если его положат на спину, небо, внутреннюю часть крыши коляски и время от времени высотные дома, проплывающие мимо него на расстоянии. Там высоко колышутся кроны деревьев, которым также нет до него дела, иногда люди смотрят на него и разговаривают, в основном между собой и изредка с ним.

Они частенько трясут перед лицом ребенка гремящим предметом, и близость этого движения и звука создает впечатление, что жизнь совсем рядом. Он протягивает руки и ударяет по погремушке, ожидая, что вот-вот почувствует «правильность» своего существования. Дотягиваясь до погремушки, дитя хватается ее и тащит в рот. Нет, совсем не то. Он взмахивает рукой, и погремушка летит прочь. Но тут же человек возвращает игрушку ему в руки. Со временем ребенок понимает, что вслед за тем, как бросишь вещь, появляется человек. Ему хочется, чтобы эта спасительная фигура появлялась вновь и вновь, поэтому он бросает погремушку или любой другой предмет до тех пор, пока трюк с появлением человека работает. Когда погремушка перестала возвращаться в его руки, осталось лишь пустое небо и внутренняя часть крыши коляски.

Но часто его награждают частицами жизни, когда он начинает плакать в коляске. Мать сразу начинает покачивать коляску, поняв, что это вроде успокаивает малыша. Его невыносимое желание движения, опыта, который получали его предки в первые месяцы жизни, сводится лишь к потряхиванию коляски, дающему пусть убогий, но все же какой-то опыт и ощущения. Голоса неподалеку никак не относятся к нему самому, а

поэтому не имеют никакой ценности с точки зрения удовлетворения его ожиданий. Но все же эти голоса нечто большее, чем безмолвие детской. Объем получаемого ребенком опыта, необходимого для развития, практически равен нулю, а его основные ощущения — жажда и желание (чего-либо).

Его мать регулярно взвешивает ребенка, с удовлетворением отмечая его успехи.

Единственный приемлемый для ребенка опыт — это отпущенные ему несколько минут в день на руках у матери да крупницы ощущений, которые не полностью бесполезны и добавляются к квотам, необходимым для его развития. Когда ребенок вдруг оказывается на коленях своей матери, он кричит от возбуждения и радости, что с ним что-то происходит, но он в то же время в безопасности. Ему также нравятся давящее ощущение падения и неожиданные подъемы в движущемся лифте. Ребенок блаженно лежит на коленях у матери, внимательно слушает ворчание автомобиля и вбирает в себя массу ощущений, когда машина трогается с места или тормозит. Он слышит лай собак и другие неожиданные звуки. Некоторые из них ребенок может воспринимать и в коляске, другие же, если он не сидит на руках у взрослого, пугают малыша.

Предметы, которые взрослые помещают в пределы его досягаемости, предназначены для приблизительной подмены недополученных впечатлений и опыта. Все знают, что игрушки служат для успокоения маленького горемыки. Но почему-то никто не задумывается, из-за чего же он так неутешно плачет.

Пальму первенства здесь держит плюшевый мишка или подобная мягкая игрушка, с которой можно «спать в обнимку» ночью. Другими словами, мишка нужен для того, чтобы обеспечить ребенку постоянное присутствие близкого существа. Постепенно формирующуюся крепкую привязанность к игрушке взрослые склонны рассматривать скорее как наивную детскую причуду, а не признак обделенности вниманием ребенка, который вынужден липнуть к неодушевленному куску материи, заменяющему ему верного и постоянного друга. Укачивание в коляске и кроватке — тоже лишь суррогат нужного ребенку движения. Но оно настолько убогое и однообразное по сравнению с тем, которое испытывает ребенок на руках, что вряд ли приносит облегчение изголодавшемуся по движению одинокому и заброшенному существу. Мало того, что такое движение — лишь жалкое подобие настоящего ощущения жизни, оно еще и происходит совсем редко. На коляску и кроватку также вешают гремящие, бряцающие и звякающие при прикосновении игрушки. Обычно

они окрашены в яркие, броские цвета, надеты на веревочку, чтобы было на что посмотреть, кроме стены и потолка. И действительно, они привлекают внимание ребенка. Но меняют их очень редко, если вообще меняют, поэтому эти игрушки ничего не дают малышу с точки зрения разнообразия зрительных форм и звуков.

Но, несмотря на то, что игрушек совсем немного, их покачивание, бряцание, треск, звон и яркий цвет не пропадают даром. Как только ребенок получает пусть даже ничтожную крупицу опыта, предусмотренного континуумом, какая-то часть ожиданий в этом опыте все же удовлетворяется. Ребенок накапливает эти нужные ему для развития впечатления, даже если приходится собирать их по крупице, если они бедны и односторонни (их не сравнить с впечатлениями, которые получает ребенок континуума на руках: зрительные формы, звуки, движения, запахи и вкусы — весь этот опыт малыш континуума получает в той же последовательности, что и его предки), если некоторые впечатления повторяются слишком часто, а некоторые полностью отсутствуют. Непрерывность нашего опыта во времени (смена одних ощущений другими, а также связь между схожими ощущениями, испытанными нами в разное время) создает у нас впечатление, что все происходит последовательно и закономерно. Между тем каждое наше впечатление независимо от других впечатлений необходимо для развития какого-либо аспекта личности. Без необходимых ему впечатлений человек не может правильно развиваться; когда же требуемый опыт накоплен, становится возможным дальнейшее развитие. Действия, казалось бы, связанные как причина и следствие могут проистекать из независимых стремлений получить требуемый опыт.

Наиболее отчетливо это можно проследить на примере животных, у которых также есть насущные потребности в определенном поведении, тем более животные не скрывают свои действия за всякими логическими объяснениями.

Из своей первой экспедиции я привезла обезьянку капуцина. Кормила я ее бананами, очищенными от кожуры и поданными ей в тарелке. Обезьянка наедалась вдоволь, а оставшиеся фрукты с отсутствующим видом заворачивала в бумажную салфетку, поглядывая вокруг, как будто не осознавая, что делают ее руки. Затем, словно праздный гуляка, она начинала неторопливо прохаживаться и «вдруг» обнаруживала загадочный сверток. Со все нарастающим нетерпением и возбуждением она сдирала бумажную обертку, и о чудо — недоеденный банан! Вот это да! На этом пантомима обычно заканчивалась. Обезьянка была сыта и не могла

заставить себя наброситься на добычу. Тогда она снова заворачивала огрызок банана в клочки салфетки и повторяла свое шоу. Я убедилась, что ее потребность поискать и очистить что-нибудь съедобное, типа фрукта в кожуре или ореха в скорлупе, и потребность в утолении голода — совершенно разные и независимые импульсы. С добрыми намерениями я устранила из ее жизни охоту и очистку пищи, которые природа заложила в ее предках и которые удовлетворили бы ее ожидания в опыте. Мне казалось, что я избавляла ее от лишних хлопот. Но тогда я еще не знала, что такое континуум. Сначала обезьяна утоляла свою наиболее насущную потребность в пище и съедала фрукты. Затем на очереди встала потребность менее насущная: охота. Но окружение не располагало к охоте, так как банан был уже очищен и находился в ее распоряжении. Тогда обезьяна решила инсценировать охоту. И она вовсе не притворялась, когда в возбуждении срывала салфетку с банана. Я уверена, что ее сердце билось чаще, и она выказывала истинное возбуждение и предвкушение добычи, несмотря на то, что кажущаяся причина возбуждения — скорое поедание банана — уже была в прошлом. Настоящей целью ее охоты было удовлетворение потребности в опыте. Так же и с опытом в рамках континуума: каждый компонент есть одновременно и причина, и следствие, и цель.

Смысл жизни в том, чтобы жить; смысл удовольствия — в стремлении к тому, что приятно. Воспроизведение — это рождение тех, кто в свою очередь станет родителем. Цикличность не только не бессмысленна, но и является лучшим (и единственным) из всех возможных устройств существования. Именно соответствие нашей природе, предполагающей полную целостность человека, делает цикличность «хорошей». «Хорошее» — относительный термин, а в отношении человеческого потенциала цикличность — лучшая из возможных альтернатив.

Существует множество примеров человеческого поведения, вызванного потребностью в таком поведении и происходящего в последовательности, не позволяющей этому поведению служить какой-либо еще цели. Чаще всего это потребности в надлежащем опыте, которые в свое время не были удовлетворены либо из-за культурных установок, либо по приказу интеллекта (на таких основаниях, как пустая трата времени, неэффективность или странность). Позднее мы более подробно рассмотрим некоторые проявления нарушения континуума, а сейчас в качестве примера, тесно связанного с поведением обезьянки, упомянем о феномене охоты ради развлечения, а не ради добычи пищи. Остатки склонности к ручному труду приводят состоятельных людей на площадки

для игры в гольф, в подвальные мастерские или в яхт-клубы. Менее состоятельные обделенцы довольствуются копанием в огороде, поделками «сделай сам», склеиванием моделей и стряпней. Для женщин, обычно лишенных возможности даже работать по дому, есть ткачество, вышивание, икебана, сервировка стола к чаю и уйма мелких дел на добровольной основе в благотворительных организациях, больницах с нехваткой медсестер, магазинах поношенной одежды или столовых для бедняков.

Ребенок по крупицам собирает необходимый для развития опыт. Не важно, что он не полон и события происходят в неправильной последовательности. К концу такого накопления ребенок должен получить необходимый минимум опыта каждого вида, который используется как фундамент для новой стадии восприятия опыта. Если же необходимый минимум не достигнут, то события новой стадии, происходи они хоть тысячу раз, не будут восприниматься ребенком и способствовать формированию его личности.

Ребенок, которого не держат на руках, не только копит опыт, но и своим поведением пытается как-то заменить недополученный опыт и смягчить страдания. Он яростно пинает ногами, пытаясь забить мучительное желание прикосновений теплой плоти, он машет руками, вертит головой из стороны в сторону, чтобы отключить свои органы чувств, напрягает тело, выгибая дугой спину. Ребенок находит какое-то утешение в своем большом пальце: он немного успокаивает непрекращающееся зудящее желание во рту. Сосет он палец довольно редко, лишь только тогда, когда хочет есть до положенного расписанием кормления. Обычно же ребенок просто держит палец во рту, измученном невыносимой пустотой, вечным одиночеством, чувством того, что он находится на окраине жизни.

Его мать консультируется со своей матерью, и та пересказывает пресловутую историю о вреде сосания пальца и что «потом у ребенка зубы будут кривые». Мать, обеспокоенная благополучием ребенка, начинает поспешно выискивать способ, чтобы отвадить свое чадо от такой вредной привычки. Его пальцы покрывают вонючей и горькой мазью, и когда он, переборов отвращение в своем ненасытном желании, все равно обсасывает большой палец от мази, она привязывает его руки к перекладинам кровати. Но вскоре она обнаруживает, что ребенок так яростно пытается вырваться из своего заточения, что веревки врезаются в запястья и уже мешают кровообращению в руках. Борьба между ними продолжается, пока мать при случае не упоминает об этом своему зубному врачу. Тот уверяет, что ее мать ошиблась, и тогда малышу снова дозволяют это убогое самоутешение.

Еще немного — и малыш начнет улыбаться и агукать, чтобы дать знать находящимся рядом взрослым о своих потребностях. Если его не взяли на руки, но все же уделили внимание, он улыбается и вскрикивает, требуя еще. Если же его взяли, то задача выполнена и ребенок перестает улыбаться, вспоминая о своих маневрах, лишь когда нужно поощрить какое-либо действие взрослого: чтобы с малышом поговорили, пощекотали его животик, покачали на коленке или в шутку пощипали за носик.

Так как ребенок поощрительно улыбается всякий раз, когда видит мать, та постепенно убеждается, что ее дитя просто счастливо и, наверное, очень любит и ценит свою маму. То, что большую часть бодрствования он ужасно мучается, никак не портит отношения ребенка к матери; напротив, тем более отчаянно его желание быть с ней.

По мере взросления и развития познавательных способностей ребенок замечает, насколько отличается от обычного поведение матери в ситуации, когда необходимо сменить ему пеленку. Она издает звуки явного отторжения. Она отворачивается в сторону, тем самым демонстрируя, что ей не нравится убирать за ним и поддерживать его комфорт. Ее руки движутся очень быстро, стараясь как можно меньше прикасаться к загрязненной пеленке. Ее взгляд холоден, она уже не улыбается.

Чем больше ребенок осознает такое отношение матери, тем больше к его радости, что за ним ухаживают, к нему прикасаются, лечат застарелое раздражение от мокрых пеленок, примешивается смущение, предвестник страха и вины.

Страх огорчить свою мать растет вместе с сознанием, к тому же случаи ее недовольства учащаются, так как ребенок может совершать больше различных действий, как-то: хватать мать за волосы, опрокидывать тарелку с едой, слюнявить ее одежду, тыкать пальцем ей в рот, тянуть за ожерелье, бросать свою погремушку, пытаться выбраться из коляски или нечаянно сбить ногой чашку с чаем.

Ребенку трудно связать свои действия с ее реакцией. Он не замечает, что чашка с чаем упала, он не может понять, что плохого в хватании за ожерелье и почему после этого мать так злится; ему совершенно невдомек, что он обслюнявил какую-то вещь; он лишь смутно понимает, что, сбросив тарелку с овсянкой с целью вызвать интерес к своей персоне, он действительно привлекает внимание, но не то, которого бы ему хотелось. Но все же малыш чувствует, что даже такое внимание лучше, чем ничего, поэтому продолжает сбрасывать на пол посуду со своей едой. Тогда мать принимается кормить его из ложки, а он машет руками и визжит, пытаясь превратить кормежку во что-нибудь более полезное с точки зрения

получения опыта. Он хочет ощущения «правильности», которое спрятано где-то здесь: в матери, в пище, в нем самом. Но как бы он ни старался показать свои потребности, это ощущение так и не приходит. Наоборот, бурная реакция ребенка вызывает у матери отторжение, которое со временем он сможет как-то себе объяснить — в отличие от бесконечного неправильного отношения в первые месяцы жизни, которое он вообще никак не мог понять. Равнодушие, невнимательность и тоска стали для него основными параметрами этой жизни. Он ведь не знал ничего, кроме этого. Получается, что все его существо вопит, просит и ждет. Все остальные же остаются равнодушными, бездействующими, невнимательными. Хотя это проходит с ним через всю жизнь, он может и не замечать этих моментов, по той простой причине, что он не может себе представить других отношений с окружающими.

Отсутствие опыта «ручного периода», постоянная неуверенность в себе и невыразимое чувство одиночества и отчуждения отныне будут оставлять свой автограф на всех поступках этого человека. Но необходимо заметить, что ребенок в раннем возрасте никак не может распознать неадекватную мать, не способную растить свое дитя в русле континуума. Такая мать остается равнодушной к сигналам ребенка и не настроена удовлетворять его ожидания. Позже с развитием интеллекта ребенок начинает понимать, что их интересы совершенно расходятся. Ему приходится бороться с матерью, чтобы спасти себя. И все же в глубине души он лелеет мысль, что мать любит его безусловно, без всяких «но», просто так, за то, что он есть, хотя вслух он может говорить об обратном. Все доказательства враждебности матери, любые логические обоснования, его отторжение и протесты против ее действий не могут освободить ребенка от внутреннего убеждения, что мать все-таки любит его, обязана любить, несмотря ни на что. Ненависть к матери (или к ее образу) как раз и демонстрирует поражение в войне с этим убеждением.

Чувство независимости ребенка и его эмоциональное созревание берут свое начало в многогранном опыте «ручного периода». Ребенок может стать независимым от матери, лишь пройдя стадию абсолютной от нее зависимости. От нее на этой стадии требуется правильное поведение, предоставление ребенку опыта «ручного периода» (то есть ношение на руках) и обеспечение перехода к другим стадиям.

Но освободиться от травмы, нанесенной матерью, не следовавшей континууму, невозможно. Потребность в ее внимании так и останется с человеком на всю жизнь. Человек же, решивший побороть в себе эту потребность, будет походить на безбожника, грозящего кулаком небесам и

кричащего «Бог, я в тебя не верю!» и прочие богохульства лишь для того, чтобы произнести Его имя всуе.

В 1950 году доктору Джону Боулби из Лондона было поручено Всемирной Организацией Здравоохранения сделать доклад о «судьбе бездомных детей» и состоянии их психического здоровья в различных странах^[3]. Его подопечные исчислялись тысячами и были максимально обделены материнской заботой. Информация, которой делились с ним работники детских организаций, представляла собой данные о детях разного возраста и оказавшихся в различных ситуациях: с рождения живущих в детдомах и приютах, обделенных родительским вниманием, месяцами или годами находившихся в больнице в раннем возрасте, эвакуированных с оккупированных территорий, жертв разного рода обстоятельств, недополучивших даже того скудного материнского тепла, которое считается «нормой».

Другие факторы, не попадавшие под «эмоциональную обделенность вследствие недостатка материнского внимания», исключались из исследования лишь после тщательного изучения собранной информации. Выведенная статистика и описание отдельных судеб выявили страшную картину. Здесь личные трагедии десятков, сотен, тысяч детей; жалкое существование, которое влачат обездоленные дети; зачерствевшие души тех, кому досталось больше всех; люди, навсегда утратившие способность ценить и любить, то есть познавать жизнь в ее красоте. Тут же и те, которые все еще борются за свое право быть любимыми, ради этого они готовы лгать, красть, брать силой, залипать, как пиявки, на образ своей матери, деградировать до поведения младенца, который все еще живет внутри и жаждет внимания и опыта. Здесь выявлен порочный круг: отчаявшиеся люди порождают детей, которых они не умеют любить, которые становятся отражением своих родителей, ненавидящие себя и всех вокруг, неспособные отдавать, обреченные на вечные терзания и жажду.

Для сомневающихся эти данные могут стать ясными и неопровержимыми доказательствами, примерами и свидетельствами жизненной и первоочередной важности младенческого опыта для развития человека и его психического здоровья. Экстремальные случаи могли бы послужить увеличительным стеклом, через которое можно изучить в подробностях обделенность вниманием и целый ряд негативных последствий, часть которых считаются у нас нормой. Эти «нормальные» отклонения настолько присущи нашему обществу, что стали практически незаметными, за исключением тех крайних случаев, когда они угрожают или напрямую затрагивают кого-нибудь из нас (например, насилие,

сумасшествие или преступление). И даже тогда люди не могут или могут лишь смутно догадываться о природе этих отклонений.

С тех пор как интеллект стал хозяином в нашей жизни и наплодил множество теорий о воспитании, дети натерпелись немало лишений и жестоких страданий. Доводы, предлагаемые интеллектом для изменения и прогрессивного улучшения воспитания детей, совсем не схожи с «доводами» континуума. Даже когда первые случайно попадали в правильное русло, то, не имея отношения к континууму, все равно оставались разрозненными и бесполезными.

Один такой теоретический осколок был внедрен в практику в детских отделениях роддомов. Кому-то пришло в голову повесить в отделении динамики и давать младенцам, уже испытывающим недостаток опыта и внимания, слушать биение человеческого сердца. Результат этого небольшого мероприятия был ошеломляющим. Дети становились более спокойными и гораздо быстрее шли на поправку. После этого эксперимент получил мировую известность.

Другой, похожий, но независимый от первого, эксперимент был поставлен специалистом по уходу за недоношенными младенцами. Если инкубаторы, где лежали малыши, находились в постоянном движении, дети гораздо быстрее приходили в норму. В обоих случаях дети меньше плакали и быстрее набирали в весе.

Харли Харлоу поставил наглядные эксперименты о важности материнских объятий для психологического развития детенышей обезьян^[4].

Джейн Ван Лоуик-Гудолл, изучая шимпанзе, обнаружила, что по иронии судьбы поведение этих обезьян, хоть они и принадлежат к другому виду, по отношению к своим детенышам даже ближе к человеческому континууму, чем поведение современного человека. Она взяла на вооружение пример обезьян и применила его по отношению к своему ребенку. Вот что она пишет: «Мы никогда не оставляли сына плакать в кровати. Куда бы мы ни собирались, мы всегда брали ребенка с собой. И несмотря на то, что его окружение непрерывно менялось, он неизменно оставался рядом с родителями». Далее она сообщает, что в четыре года ее сын «послушный, очень сознательный и жизнерадостный, быстро находит общий язык с детьми и взрослыми, относительно бесстрашный и чуткий к другим людям». Но самое важное заключается в следующих ее словах: «Ко всему прочему, несмотря на предостережения и предсказания знакомых, наш сын совершенно независим». Но, опять же, она не поняла основных

принципов континуума, и следующая ее фраза низводит всю ценность ее прозрения до нуля: «Конечно, он мог бы стать таким в любом случае, даже если бы мы вырастили его совсем по-другому»^[5].

Английская королева Виктория первая начала пользоваться детской коляской, а затем она распространилась среди народа. Чрезвычайно интересные результаты могло бы дать исследование по воздействию использования коляски на последующие поколения и жизнь западной семьи. Жаль, что коляску не постигла судьба манежа, изобретению которого я была свидетелем в деревне екуана.

Я видела, как индеец Тудуду что-то мастерил. Оказалось, что это был почти законченный детский манеж. Он представлял собой вертикальные колышки, привязанные сверху и снизу лианами к квадратным рамам. Эта конструкция смахивала на доисторический детский манеж из комиксов. Тудуду положил на него немало труда и с довольным видом подгонял по длине последний колышек. Затем он отправился на поиски своего сына Кананасиньювана, который начал ходить лишь неделю назад. Завидев малыша, Тудуду схватил его и триумфально посадил в свое новое изобретение. Кананасиньювана, постояв пару секунд с непонимающим видом посреди манежа, двинулся в одну сторону, потом повернулся и понял, что он в ловушке. В следующее мгновение ребенок в ужасе заливался слезами, что нечасто увидишь в его племени. Все было четко и ясно. Манеж не нужен и бесполезен человеческому ребенку. Сильное, как и у всех екуана, чувство континуума Тудуду немедленно прореагировало на вопли сына. Он вытащил ребенка и отпустил восвояси, чтобы тот нашел утешение у матери перед тем, как снова пойти играть на улицу. Тудуду безоговорочно осознал провал своей затеи; в последний раз окинув взглядом свое творение, он раскрошил манеж в щепки топором. А так как оставшаяся куча древесины была молодой и сырой, то не годилась даже для разведения костра. Я не сомневаюсь, что это не первое и не последнее изобретение екуана подобного рода, однако с их чувством континуума столь явные ошибки будут исправлены незамедлительно. Чувство континуума было стержнем человеческого поведения на протяжении двух миллионов лет и могло с успехом сдерживать опасность, исходящую от высокоразвитого интеллекта. С недавних пор чувство континуума было совсем забыто, человечество утратило равновесие и уже считает «прогресс» своим светлым будущим. Тем не менее континуум по-прежнему является неотъемлемой частью человеческой природы. Любой из нас поступил бы как Тудуду, если бы наше чувство континуума осталось незамутненным.

Глава четвертая. Ребенок растет

Человек как социальное животное. Врожденная способность к самосохранению, растущая независимость и важность уважения ответственности ребенка за себя самого. Аксиома врожденной социальности и ее следствия. Как ребенок учится. Какого рода помощь необходима ребенку от взрослых

Получив сполна весь опыт на руках у матери, ребенок, уверенный в себе и привыкший к благополучию, которое теперь поддерживается всем его существом, уже может идти дальше в мир, что гораздо шире и разнообразнее мира матери. Малыш ожидает нового опыта, подходящего для его дальнейшего развития. И он начинает ползать, часто возвращаясь, чтобы проверить, на месте ли мама. Убедившись, что на месте, он уползает все дальше от нее и возвращается все реже. Ползание сменяется бегом на четвереньках, и подвижность ребенка возрастает вместе с его любопытством, как это и заложено континуумом.

Если необходимость постоянного контакта с матерью была к этому времени полностью удовлетворена, то потребность быть на руках быстро отпадает, и ребенок начинает жить за счет энергии, накопленной во время «ручного периода», которая требует подпитки лишь в экстремальных ситуациях. Тогда он вновь обратится к матери за поддержкой. Эти чрезвычайные ситуации случаются все реже, и независимость ребенка укрепляется так всесторонне и быстро, что немало удивила бы любого наблюдателя, знакомого только с детьми цивилизованного мира, с детьми, лишенными опыта «ручного периода». Неравномерное развитие ребенка (в одном направлении он идет вперед, в другом — отстает и ожидает возможности получить недостающий опыт) ведет к раздвоению его желаний: в любых своих действиях он хочет быть центром внимания; он никак не может полностью сосредоточиться на поставленной задаче, в то время как часть его души все еще жаждет беззаботного существования на руках матери, решающей все проблемы. Он не может вполне применить свои растущие силы и навыки, если часть его хочет быть беспомощной на руках. Любое усилие в какой-то мере вступает в противоречие с постоянно присутствующим, но скрытым желанием получать все безо всяких усилий, как то происходит с любимым матерью младенцем.

Ребенок, получивший в полном объеме опыт, предусмотренный континуумом, обращается за утешением к матери лишь в чрезвычайных

ситуациях. Один знакомый мальчик екуана пришел ко мне, вцепившись в мать и вопя что есть мочи от зубной боли. Ему было около десяти лет, и он всегда был самостоятелен и отзывчив. У меня сложилось впечатление, что он был очень дисциплинированным мальчиком. С моей цивилизованной точки зрения, он мог искусно скрывать свои чувства, и в данной ситуации я ожидала, что он приложит все усилия, чтобы сдержаться и не заплакать, по крайней мере не показывать свои страдания друзьям. Но, очевидно, он и не собирался скрывать свою боль и потребность в ласке и поддержке матери.

Его поведение всем было понятно. Никто не смеялся и не пожимал плечами. Несколько его товарищей стояли и смотрели, как я вырывала зуб. Они совершенно спокойно приняли его внезапное превращение из храбреца в маленького ребенка, которому нужна мама; не было даже и намека на насмешку с их стороны или на чувство стыда за него. Мать просто тихо стояла рядом с ним, пока я делала свое дело. Мальчик вздрогнул и завопил еще громче, когда я дотронулась до зуба, но не стал мотать головой или зло коситься за причиненную ему боль. Когда наконец я выдернула зуб и наложила на его место тампон, лицо мальчика стало бледным как мел, и, обессиленный, он пошел к своему гамаку. Меньше чем через час, он вернулся один, спокойный и румяный. Он ничего не сказал, но улыбнулся и повертелся около моей хижины несколько минут, показывая, что с ним все в порядке, после чего ушел к своим товарищам.

В другой раз ко мне привели двадцатилетнего мужчину, у которого началась гангрена на большом пальце ноги. При свете фонарика я делала попытки остановить ее. Должно быть, боль была чудовищной. Он не сопротивлялся моим действиям (я скоблила рану охотничьим ножом) и безудержно плакал на коленях у своей жены. Как и мать мальчика, она была совершенно расслаблена и совсем не сопереживала мужу. Она просто была вместе с ним, и он мог уткнуться лицом ей в живот, когда боль была особенно невыносимой, или с плачем поворачивать голову из стороны в сторону на ее коленях. При этом присутствовала половина деревни, что, как мне кажется, его совсем не волновало, и он не старался ни драматизировать происходящее, ни скрыть свои чувства.

Женщина екуана живет с матерью, пока та не умрет, но мужчина после женитьбы оставляет свою мать и входит в семью жены, поэтому в кризисных ситуациях жены довольно часто играют роль матери по отношению к мужьям. У жены есть своя мать, к которой можно обратиться за помощью, и инстинктивно жена по-матерински поддерживает мужа, когда он в этом нуждается. Также существует обычай принимать в семью одинокого взрослого. Поскольку взрослый екуана привносит в семью

больше, чем потребляет, нагрузка для принимающей стороны минимальна, а он получает гарантированную поддержку в случае необходимости. Даже если ему никогда не придется прибегнуть к помощи, сама по себе гарантия поддержки помогает сохранить эмоциональное равновесие. Екуана признают потребность человека чувствовать себя защищенным и понимают, что в интересах всего общества не оставлять эту потребность неудовлетворенной. Это еще одна гарантия того, что под действием тяжелых обстоятельств кто-то из племени, несмотря на присущую ему склонность жить в коллективе, не станет замкнутым, необщительным или даже опасным.

Ребенок начал ползать. С этого момента он пускает в дело накопленные в «ручном периоде» опыт и способности, позволяющие ему использовать свои силы. Сначала он редко уползает далеко или надолго. Он очень осторожен, и матери или другому попечителю нет нужды вмешиваться в его занятия. Как и во всех детенышах животных, в человеческом ребенке прекрасно развиты способность к самосохранению и знание пределов собственных возможностей. Если мать дает ему понять, что от него ожидают уступить ей заботу о его безопасности, то, повинаясь своим социальным инстинктам, он пойдет ей в этом навстречу. Если за ребенком постоянно следят и направляют его движение туда, куда матери кажется правильным, а когда он проявляет инициативу, за ним бегают и останавливают, он очень быстро учится не отвечать за себя, как того и требует от него мать.

Один из основных импульсов человека как животного, живущего в коллективе, — это поступать так, как, ему кажется, от него ожидают. В ребенке интеллектуальные способности находятся в зачаточном состоянии, но инстинктивные склонности уже необыкновенно сильны и останутся такими на всю жизнь. Комбинация и взаимодействие этих двух сил — разума, зависящего от обучения, и инстинктов (врожденных знаний, подобных тем, что руководят животными на протяжении всей их жизни) — и является особенностью человека. В человеке заложена уникальная возможность эффективно действовать, следуя инстинктам, облагороженным разумом.

Помимо склонности к экспериментированию и осторожности, у ребенка, как всегда, есть ожидания. Он ожидает, что ему будут открыты столь же широкие возможности, как и его предкам. Ожидает не только пространства и свободы перемещения, но и разнообразия событий. За время «ручного периода» ожидание строго определенного опыта и обращения постепенно сменяется к периоду ползания и бега на

четвереньках более общим ожиданием опыта определенного рода.

Все же ребенок может извлечь пользу из опыта, только если последний соответствует некоторым критериям. Ребенок не может правильно развиваться, если окружающие неправильно к нему относятся или если отсутствуют разнообразные возможности для получения нового опыта. Необходимо, чтобы предметов, ситуаций и людей вокруг ребенка было больше, чем он может использовать в данный момент, чтобы он мог открывать и расширять свои способности. И конечно, окружающее пространство должно в достаточной мере и достаточно часто меняться, но не *слишком* резко и не *слишком* часто. Достаточность, опять же, определяется характером опыта наших предков в детстве.

К примеру, в деревне екуана более чем достаточно подходящих ползающему ребенку диковинок, опасностей и встреч. Во время своих первых вылазок он пробует все, что ему ни попадется. Он проверяет свою силу и ловкость, а также все, что встречается ему на пути, и составляет представление о времени, месте, форме. Изменяются и отношения с матерью: на смену полной от нее зависимости приходит осознание ее надежности; ребенок все реже и реже прибегает к ее помощи. На этом этапе развития, в зависимости от того, насколько готова мать помочь ребенку в сложной ситуации, его уверенность в себе либо укрепитя, либо ослабнет.

У екуана мать или тот, кто ее заменяет, очень спокойно относятся к ребенку и обычно заняты каким-нибудь не связанным с ним делом. Между тем они в любой момент готовы встретить малыша, ползком или на четвереньках возвращающегося после очередного приключения. Мать не перестает готовить или заниматься каким-нибудь другим делом, если только не требуется ее полное внимание. Она не бросается к малышу с распростертыми объятиями, но спокойно и по-деловому позволяет ребенку быть рядом с ней или, если она ходит с места на место, сажает его на бедро и носит с собой, поддерживая рукой.

Она никогда не вступает первая в общение с ребенком и участвует в этом общении только пассивно. Это ребенок находит ее и показывает ей своим поведением, чего он хочет. Она с готовностью сполна исполняет его желания, но и только. Во всех случаях ребенок играет активную, а мать — пассивную роль: он приходит к ней спать, когда устал, и есть, когда проголодался. Изучение огромного мира перемежается со встречами с матерью. Эти встречи придают ему силы, и, когда он отлучается, уверенность в постоянном присутствии матери еще больше ободряет его.

Ребенок не требует и не получает полного внимания матери, ибо его не

обременяет груз нереализованных бессознательных желаний, и положение вещей в настоящем его полностью устраивает. В природе все устроено экономно, и ребенок не требует больше, чем ему нужно на самом деле.

Ребенок может очень быстро бегать на четвереньках. У екуана я с замиранием сердца наблюдала, как один малыш разогнался и останавливался у самого края ямы в полтора метра глубиной, вырытой ради добычи глины, которую используют для строительства стен. Путешествуя по деревне, ребенок проделывал это несколько раз на день. С безразличием животного, пасущегося у края обрыва, он садился то лицом, а то и спиной к яме. Играя с камнем, палкой или с пальцами рук и ног, он катался по земле во всех направлениях, *кроме* ямы, и не обращал на нее никакого внимания. Инстинктивный механизм самосохранения действовал безотказно и четко на любом расстоянии от ямы. Иногда за малышом вообще никто не наблюдал; иногда он был в поле зрения играющих детей, которые также не обращали на яму никакого внимания, и он взял на себя ответственность за все, что с ним может случиться. По всему было видно, что его семья и община ожидали, что он сам может о себе позаботиться. Он еще не умел ходить, но уже почти не нуждался в посторонней помощи (хотя он знал, где можно получить помощь в случае необходимости). Отправляясь на реку или на дальний огород, мать обычно брала его с собой. Она поднимала ребенка за предплечье, сажала себе на бедро и рассчитывала, что он будет сам следить за равновесием или держаться за перевязь, которую она иногда носила, чтобы поддержать его вес. Где бы она ни находилась, опуская его на землю в безопасном месте, она ожидала, что он будет в безопасности безо всякого наблюдения. У ребенка нет суицидальных наклонностей. Кроме того, он обладает высокоразвитыми механизмами самосохранения: от чувств на самом грубом уровне до некоторого подобия бытовой телепатии на более тонких уровнях. Он ведет себя как любой детеныш животного, не способный принимать решения на основании своего опыта: он избегает опасности и даже не сознает, что может быть иначе. Для ребенка естественно поддерживать свое благополучие; от него этого ожидают окружающие, и на то у него имеются врожденные и некоторые приобретенные способности, а также уже и определенный собственный опыт. Но в возрасте шести, восьми или десяти месяцев собственный опыт столь мал, что в любом случае мало чем может помочь даже в знакомых условиях, а в новых ситуациях и вовсе бесполезен. Именно инстинкт ведает самосохранением ребенка. Но при этом он уже не просто примат; он начинает обретать человеческие черты. С каждым днем малыш склонен все больше узнавать культуру своего народа. Он начинает

различать роль матери и отца в своей жизни. Мать так и остается тем, кем по отношению к младенцу до этого были все люди: той, кто обеспечивает ребенка всем необходимым и дает, ничего не ожидая взамен, кроме удовлетворения от «отдавания». Мать ухаживает за ним просто потому, что он есть; его существования достаточно, чтобы гарантировать ее любовь. Ее безусловное принятие ребенка остается постоянным. Отец же становится персоной, заинтересованной в социализации ребенка и в его продвижении к независимости. Отец выражает одобрение, когда ребенок его заработает; материнская же любовь безусловна. Отец так же, как и мать, безусловно любит ребенка, но при этом его одобрение зависит от поведения малыша. Таким образом природа обеспечивает равновесие и поощряет общественное поведение. Позднее отец будет все более отчетливо становиться представителем общества и, показывая своим примером, что ожидается от ребенка, подведет его к выбору поведения, соответствующего определенным традициям, частью которых будет и ребенок.

Братья, сестры и другие люди начинают занимать свои места в мире ребенка. Еще некоторое время во всем его окружении будет присутствовать, хотя и в меньшей степени, элемент материнской заботы. Пока он не станет совсем самостоятельным, ему все еще будут нужны уважение, помощь и защита. Малыш по-прежнему будет показывать, что ему нужно, и эти знаки будут совершенно понятны старшим вплоть до того времени, как они постепенно исчезнут к подростковому возрасту. По мере взросления уже он станет понимать ласковый язык младших детей и обращаться с ними по-матерински, при этом по-прежнему вызывая умиление у старших детей и взрослых, от чьей поддержки он все еще в некоторой степени зависит.

Подражая мужчинам, мальчики узнают о своем месте в культуре и об устройстве своего общества. Чуть повзрослев, девочки станут следовать примеру женщин и активно участвовать в их занятиях.

Ребенку дадут необходимые инструменты, если он еще не может смастерить их сам. Например, малыш может грести в каноэ или играть в греблю задолго до того, как сможет сам вырезать для себя весло. Поэтому когда наступит время, ребенку дадут маленькое весло, сделанное взрослым. Мальчикам делают маленькие луки и стрелы еще до того, как они научатся говорить; и у них появляется возможность тренироваться и совершенствоваться в стрельбе.

Мне довелось присутствовать при первых минутах рабочей жизни одной маленькой девочки. Ей было около двух лет. Я и раньше видела, как

она играла среди женщин и девушек, трущих маниюку. Теперь она брала кусочек из кучи маниюки и терла его о терку сидевшей рядом с ней девочки. Кусок был слишком велик, и она несколько раз роняла его, пытаясь провести им по шершавой доске. Соседка ласково улыбнулась и подала ей кусочек поменьше, а ее мать, готовая к неизбежному проявлению тяги дочери к труду, протянула ей крошечную терку специально для нее. Малышка всю свою жизнь видела, как женщины трут маниюку, и незамедлительно стала тереть свой кусочек о доску, как и все.

Меньше чем через минуту ей надоело, она бросила терку в корыто и убежала. На кусочке маниюки не было и следа от ее трудов. Никто не дал ей понять, что ее поведение было странным или неожиданным. Напротив, женщины ожидали, что рано или поздно ей наскучит тереть маниюку; им было известно, что дети входят в культуру каждый по-своему и в своем темпе. Ни у кого не вызывало сомнения то, что в конечном итоге дети совершенно добровольно станут членами общества и научатся сотрудничать. Роль взрослых и старших детей сводилась только к обеспечению инструментами, которые ребенок никак не может для себя изготовить, и к помощи, без которой он не может обойтись. Еще не умеющий говорить ребенок может совершенно ясно объяснить, что ему нужно, и нет смысла давать ему что-либо сверх того, что он просит. *Занятия ребенка имеют конечной целью развитие независимости. Помогать ребенку больше или меньше, чем ему нужно, значит мешать достижению им этой цели.*

Уход за ребенком, так же как и помощь, осуществляется только по его просьбе. Так заведено, что малыш всегда может поесть, если голоден, и прижаться к матери, если устал или расстроен. Взрослые никогда не отказывают ему в пище для тела и для души, но и не предлагают ее сами. И что самое главное — ребенка глубоко уважают и считают его хорошим во всех отношениях. Не существует таких понятий, как «хорошие» или «плохие» дети. То, что каждый ребенок стремится к гармоничной жизни в коллективе, а не к конфликтам, не ставится под сомнение. Все, что он делает, принимается как действие по своей сути «правильного» существа. Эта аксиома правильности и социальности как врожденной черты человека лежит в основе отношения екуана к людям любого возраста. Тот же принцип лежит в основе отношения к растущему ребенку родителей и всего его окружения.

Первоначальное значение слова «образование» — это «лепить по какому-то образу», и хотя это, может быть, несколько лучше, чем более распространенное представление об образовании как о «зубрежке» и

«вдалбливании», ни один из этих подходов не соответствует врожденным ожиданиям ребенка. Вылепливание ребенка по какому-то образу взрослым является лишь помехой в его развитии, ибо естественный и самый эффективный образ заменяется менее естественным и эффективным. *Аксиома врожденной социальности* совершенно противоположна господствующему в цивилизованном обществе поверью, что ребенок может стать общительным (социальным), только если сдерживать его порывы. Одни считают, что вразумление и «сотрудничество» с ребенком позволяют лучше с ним справиться, чем угрозы, оскорбления или розги, но в основе обоих этих взглядов, а также всех промежуточных подходов, лежит представление о ребенке как об антиобщественном существе, которым необходимо манипулировать, дабы сделать его приемлемым. Если общества, следующие континууму, такие, как екуана, чем-то в корне отличаются от *нашего* общества, так это безоговорочным принятием ребенка как правильного существа. Именно отталкиваясь от этой аксиомы и того, что из нее следует, можно понять то, что изначально кажется необъяснимым: отчего индейцы с их странным поведением столь благополучны, а мы, с нашими изощренными расчетами, столь несчастны.

Как уже было показано, избыток или недостаток помощи мешает развитию ребенка. Получается, что если взрослые по своему усмотрению вмешиваются и делают что-то, о чем их не просят, это не может принести ребенку никакой пользы. Ребенок может развиваться лишь настолько, насколько он сам склонен. Любопытство ребенка и собственное желание определяют, чему и в каком объеме он может научиться безо всякого ущерба своему целостному развитию. Руководство со стороны взрослых может способствовать развитию одних способностей за счет других, но весь спектр способностей никак не может быть развит сверх врожденных границ. Если родители, как им кажется, ведут ребенка в наилучшем для него (или для себя) направлении развития, он платит за это своей целостностью. Напрямую страдает его благополучие, зависящее от полного и гармоничного развития всех способностей. Старшие во многом определяют поведение ребенка собственным примером и тем, чего, как ему кажется, от него ожидают, но они никак не могут улучшить его целостность, заменяя его мотивацию своей собственной или указывая ему, что делать.

В идеале взрослые подают ребенку пример не с тем, чтобы повлиять на него, но просто своим естественным поведением: сосредоточенно занимаясь обыденными делами, не обращая особого внимания на ребенка и замечая его только тогда, когда он того потребует, и только в необходимой

мере. Ребенок, сполна получивший опыт на руках у матери, не будет требовать внимания сверх того, что ему физически необходимо, ибо у него в отличие от детей, известных нам по цивилизованному обществу, не будет потребности в доказательствах своего существования или привлекательности.

Следуя этим принципам с самого начала, мать в нашем обществе занималась бы работой по дому, позволяя дочери-малышке участвовать в уборке настолько, насколько ей хочется: мести пол маленькой метлой, вытирать пыль, пылесосить (если она может справиться с пылесосом, который у них есть) или мыть посуду, стоя на стуле. Она почти ничего не ломает и не разобьет и уж, конечно, не упадет со стула, если только ее мать не сделает ясным свое ожидание катастрофы. В последнем случае склонность ребенка к социальному поведению (делать то, чего, как ей кажется, от нее ожидают) заставит ее подчиниться. Беспокойный взгляд, словесное выражение матерью тревоги («Не урони!») или обещание типа: «Смотри, упадешь!» — хотя и идут вразрез со склонностью девочки к самосохранению и к имитации, могут в конечном итоге заставить ее уронить тарелку и/или упасть со стула.

Одна из отличительных черт человека как вида — способность интеллекта противоречить врожденным наклонностям. Как только человек сходит с пути континуума и полностью выводит из строя его балансирующие механизмы, возникает множество всякого рода извращений, ибо велика вероятность того, что несведущий, благонамеренный, последовательный интеллект наломает дров, ибо он не способен принять во внимание бесчисленное количество факторов, определяющих выбор правильного поведения.

Одно из самых нелепых следствий неверия в континуум — это способность взрослых сделать так, чтобы дети убегали от них. Ничто не может быть ближе сердцу ребенка, чем желание быть рядом с матерью в незнакомом месте. У всех млекопитающих, а также птиц, пресмыкающихся и рыб малыши держатся вблизи своих родителей. Такое поведение совершенно понятно. Ребенку екуана, научившемуся ходить, и в голову не придет оторваться от матери на лесной тропе. Мать не оборачивается, чтобы посмотреть, следует ли он за ней; она дает понять, что у ребенка нет никакого выбора и что это не ее дело — забота о том, чтобы он следовал за ней; она лишь замедляет шаг настолько, чтобы он мог поспевать за ней. Зная обо всем этом, ребенок крикнет, если по той или иной причине отстал. Если он упал и может сам подняться, то он даже не станет звать мать, а всего лишь пробежит немного, чтобы ее догнать. Если ей приходится

ждать, она ведет себя деловито и терпеливо. Она дает понять, что знает: он не станет тратить больше времени, чем ему необходимо, — и они вскоре смогут вместе продолжить свой путь. Мать никак не оценивает ребенка. Она исходит из того, что его врожденная социальность работает вкупе с тенденцией делать то, чего, как ему кажется, от него ожидают. Эта основная предпосылка никак не изменяется и не ставится под сомнение, если матери пришлось подождать ребенка.

Однако несмотря на миллионы лет опыта и однозначное поведение не только похожих на нас животных, но и многих людей, мы умудрились заставить малышей убегать от нас.

После четвертой экспедиции мне бросилось в глаза количество малышей, удирающих от взрослых в Центральном парке Манхэттена. Там и сям сидели на скамейках мамки и няньки и болтали друг с другом. Вдруг то одна, то другая из них неуклюже наклонялась вперед, протягивала руки и, источая неубедительные угрозы, визгливо требовала, чтобы малыш-беглец немедленно остановился. Это душещипательное представление сменялось светскими беседами, которые обычно слышишь на лавочках в парке, и повторялось каждый раз, когда кто-то из детей приближался к границе дозволенного расстояния от матери. Порой женщины срывались с мест и бросались вдогонку за явными беглецами, которые, усвоив правила игры, принимали любое ослабление внимания матери за сигнал к бегству.

Сколько малышей, услышав простой намек типа: «Смотри не потеряйся!» — сказанный с опасением (а значит, ожиданием), оказываются в комнате для потерянных детей в полицейском участке! А сколько детей тонут, ломают руки и ноги или попадают под машины, если мать еще и пообещала им: «Смотри, ушибешься (или утонешь, попадешь под машину)!» Поведение ребенка в очень большой степени определяется тем, чего от него ожидают. Взрослый попечитель силой воли заставляет ребенка подчиниться и тем самым подрывает работу механизма самосохранения. Малыш перестает уверенно себя чувствовать в окружающем мире и вынужден бессознательно следовать абсурдной инструкции причинить себе вред. Если ребенок очнется в больнице и узнает, что его сбила машина, он не очень-то удивится, ведь его няня так часто ему твердила, что именно этим дело и кончится.

Бессознательное не рассуждает. Оно делает из опыта привычку, а из поведения — автоматические действия, чтобы не отвлекать внимание разума на часто повторяющиеся действия и на поддержание равновесия психики, ибо интеграция и усвоение получаемой информации — слишком сложный процесс для такого ненадежного механизма, как ум. Кроме того,

бессознательное настолько наблюдательно, что замечает не то, что говорят, а в первую очередь то, что имеют в виду, высказывая тоном голоса или поведением. По всем этим причинам логика бессознательного может быть прямо противоположна разуму. Таким образом, ребенок может совершенно ясно понимать рассуждения взрослого и даже соглашаться с ними, но на подсознательном уровне получать установку на поведение, противоположное увещаниям взрослого. Другими словами, он скорее сделает *то, что, как он чувствует, от него ожидают*, чем то, что ему говорят делать. Ребенку настолько мучительно не хватает благосклонности матери, что он даже готов причинить себе вред, лишь бы оправдать ее ожидания. Ребенок со здоровым континуумом от природы склонен вести себя подобающим образом, например, имитировать, исследовать, не причинять вреда себе и другим людям, укрываться от дождя, издавать приятные звуки и улыбаться, если окружающие правильно к нему относятся, отвечать на сигналы младших детей и так далее. Если же ребенок лишен надлежащего опыта или если от него ожидают хулиганского поведения, он может так далеко уйти от своего врожденного чувства правильного, что перестанет быть чувствительным и к ожиданиям окружающих, и к своим собственным потребностям континуума.

Самая обычная похвала и осуждение совершенно сбивают с толку детей, особенно в самом раннем возрасте. Если ребенок сделал что-то полезное, например, сам оделся, покормил собаку, сорвал букет полевых цветов или вылепил пепельницу из куска глины, ничто не может его обидеть больше, чем выражение удивления его социальным поведением. Восклицания типа: «Ах, какая ты умница!», «Смотри, что Петенька смастерил, да еще сам!» — подразумевают, что социальность в ребенке неожиданна, несвойственна и необычна. Его ум может быть польщен, но на уровне чувств ребенок будет разочарован тем, что не смог сделать того, что от него ожидают и что по-настоящему делает его частью культуры, племени и семьи. Даже среди самих детей фраза типа: «О! Смотри, что Маша сделана в школе!», сказанная с неподдельным удивлением, скорее расстроит Машу. Она почувствует себя изолированной от своих сверстников, будто ее не похвалили, а сказали: «Ну какая же Маша толстая!» (или худая, или высокая, или низкая, или умная, или глупая, но не такая, какой ее ожидают видеть). Осуждение, особенно усиленное клеймом «Вечно ты...», также крайне плохо сказывается на ребенке, ибо предполагает, что от него ожидают несоциального поведения. «Эх ты, раззява! Опять потерял варежку!» или «Что мне с тобой делать!» или безнадежное пожатие плечами, или общепринятое утверждение, типа: «Все

мальчишки — сорванцы», подразумевающее, что дети по своей природе скверные, или просто выражение лица, показывающее, что плохое поведение *не* было неожиданностью, — все это столь же разрушительно сказывается на ребенке, как и удивление или похвала за социальное поведение.

Используя потребность ребенка делать то, чего от него ожидают, взрослые могут на корню загубить его творческие способности. Достаточно сказать что-то типа: «Лучше рисуй над линолеумом в прихожей, иначе заляпаешь краской весь паркет». Ребенок отметит про себя, что рисовать — значит «ляпать», и ему потребуется воистину необыкновенное вдохновение, чтобы вопреки ожиданию матери нарисовать что-то красивое. Как бы взрослые ни выражали пренебрежение ребенком — улыбкой или криком, — результат один и тот же.

Если в общении с ребенком мы исходим из того, что он по своей сути социальное существо, нам необходимо знать его врожденные ожидания и тенденции, а также то, как они проявляются. Очевидно, что ребенок склонен имитировать, сотрудничать, заботиться о самосохранении и сохранении своего вида, но, кроме того, он, среди прочего, знает, как ухаживать за младенцами, и может это делать. Не позволяя маленьким девочкам реализовывать глубоко заложенное в них стремление поматерински заботиться о малышах и направляя их ласку на кукол вместо настоящих детей, мы, между прочим, оказываем медвежью услугу будущим детям этих девочек. Маленькая девочка еще не научилась понимать указаний своей матери, а уже ведет себя по отношению к младенцам именно так, как они требуют с незапамятных времен. Когда она подрастет, она уже будет настолько хорошо разбираться в уходе за детьми, что ей и в голову не придет, что с ребенком можно обращаться иначе или что об этом нужно задумываться. Так как все детство она занималась младшими детьми в своей семье или у соседей, когда приходит время замужества, ей нечему научиться у доктора Спока, ее руки сильны и могут носить ребенка, и она знает бесчисленное количество способов, как держать ребенка, когда готовишь пищу, копаешься в огороде, моешь посуду, гребешь в каноэ, подметаешь пол, спишь, танцуешь, купаешься, ешь или делаешь что бы то ни было. Кроме того, она почувствует нутром, если какое-то действие не соответствует ее континууму или континууму ребенка.

Я видела, как маленькие девочки екуана трех-четырех (а иногда и меньше) лет брали на себя все заботы по уходу за малышами. Было видно, что это их любимое занятие, однако оно не мешало им заниматься другими

делами — следить за костром, ходить за водой и т. д. Так как они возились с настоящими детьми, а не с куклами, им это никогда не надоедало. По-видимому, забота о младенцах — самое сильное проявление континуума, и бесконечные терпение и любовь, необходимые младенцам, заложены в каждом ребенке, будь то девочка или мальчик. Хотя малышей довольно редко надолго вверяют попечению мальчиков, они обожают брать их на руки и играть с ними. Каждый день юноши-подростки, закончив свои дела, ищут малышей, чтобы с ними поиграть. Они подбрасывают младенцев в воздух и ловят их, звонко при этом смеясь и разделяя радость игры с малютками-соплеменниками, довольными новыми ощущениями и чувством собственной привлекательности.

И дети, и взрослые исходят не только из того, что каждый индивидуум от природы социален, но и, что не менее важно, каждый сам себе хозяин. У екуана нет понятия собственности на людей. Таких понятий, как «мой ребенок» или «твой ребенок», не существует. Решать, что другому человеку делать (каким бы ни был его возраст), — поведение, совершенно екуана незнакомое. Каждый искренне интересуется занятиями соплеменников, но не проявляет и малейшей склонности повлиять на другого, не говоря уже о том, чтобы заставить его что-то сделать. Ребенок действует только по своей воле. У екуана нет рабства (а как можно иначе назвать подчинение воли одного человека другому и принуждение через угрозы и наказание?). То, что ребенок физически слабее взрослых и зависим от них, для екуана не значит, что с ним можно обращаться с меньшим уважением, нежели со взрослым. Ребенку не дается указаний, идущих вразрез с его собственным пониманием того, как играть, сколько есть, когда спать и т. д. Но когда требуется его помощь, от него ожидают немедленного повиновения. Отдавая приказы типа: «Принеси воды!», «Наломай веток для костра!», «Поддай мне вон то!», «Дай малышу банан!» — взрослый исходит из врожденной социальности ребенка и твердого знания того, что ребенок хочет быть полезным и желает участвовать в жизни своего племени. Никто не следит за тем, выполнил ли ребенок поручение; никто не сомневается в его желании сотрудничать. Будучи социальным животным, ребенок делает то, чего от него ожидают, без колебаний и со всем старанием, на которое он только способен.

Все это работает безупречно. Но во время второй экспедиции я заметила годовалого мальчика, каким-то образом выбившегося из колеи континуума. Сложно сказать, что вызвало это отклонение, но, возможно, вовсе не случайно его отец, старик по имени Венито, был единственным екуана, немного говорившим по-испански (в молодости он работал на

каучуковой плантации), а его жена знала язык пемонтонг, а значит, ранее жила с индейцами дальше к востоку. Быть может, за свою кочевую жизнь они столкнулись с грубой силой, которая наложила на них сильный отпечаток и нарушила целостность их собственного континуума. Кто знает! Но их сын Видиди — единственный ребенок, который часто внезапно раздражался, орал во все горло, протестуя против чего-то (а не просто расслабленно плакал, как любой другой ребенок). Когда он начал ходить, то иногда бил других детей. Примечательно то, что эти дети смотрели на него без всяких эмоций, будто их ударил не человек, а ветка дерева или что-то в этом роде, — настолько им было чуждо понятие враждебности. Им никогда и в голову не приходило дать сдачи. Они продолжали играть, даже не исключая из своих игр Видиди. В следующий раз я увидела его, когда ему было пять лет. К тому времени отец его умер, и Анчу, вождь деревни и близкий друг Венито, взял на себя роль отца и подавал Видиди пример поведения. Мальчик по-прежнему был далек от счастливой нормы екуана. На его лице лежала тень напряжения, он двигался неестественно, напоминая мне детей в цивилизованных странах. Когда мы отправлялись к взлетно-посадочной полосе, Анчу брал с собой Видиди. Другие мужчины тоже брали с собой маленьких сыновей, чтобы показать им самолет. Видиди уже стал хорошим гребцом, а так как самая тяжелая работа достается тому, кто сидит ближе к носу лодки, а самая легкая — тому, кто на корме, он часто греб у кормы, в то время как вождь работал спереди. Они почти не разговаривали, но Анчу всем своим поведением выражал неизменно спокойное ожидание правильных действий со стороны Видиди. Когда на привалах мы раздавали мясо, Анчу всегда делился своим куском с Видиди. Порой казалось, что мальчик стал таким же невозмутимо спокойным и покладистым, как и все мальчики екуана.

Но однажды в нашем лагере недалеко от взлетно-посадочной полосы Анчу собирался на охоту, а Видиди смотрел на него со все растущим опасением. Его лицо выражало страшный внутренний конфликт, и в процессе наблюдения за движениями вождя у него стали подрагивать губы. Когда лук и стрелы Анчу были готовы, мальчик уже рыдал. Анчу ничего не сказал и, казалось, вовсе не замечал состояния своего подопечного; но Видиди-то знал, что мальчики ходили на охоту со своими отцами или опекунами, — а ему идти совсем не хотелось. Спорить ему было не с кем — только с собой: Анчу всего лишь отправлялся на охоту, а идти ли за ним, было решать только самому Видиди. Его несоциальная сторона говорила «Нет», в то время как врожденная социальность, теперь высвобожденная Анчу, говорила «Да». Анчу взял лук и стрелы и пошел по тропе. Все тело

Видиди сотряслось от вопля. Противоположные желания уравнивали друг друга, и он просто стоял и голосил, охваченный нерешительностью. Тогда я совсем не поняла, в чем дело. Все, что я видела, — это страдания мальчика, не пошедшего с Анчу на охоту. Я подошла к нему, положила ему руки на плечи, и мы заспешили по тропе. Мы выскочили на место, поросшее редкими кустами и деревьями, и увидели, как Анчу пропал вдалеке за стеной деревьев. Я крикнула Анчу, чтобы он подождал, но он не обернулся и не замедлил шага. Я крикнула еще громче, но его и след простыл. Я подтолкнула Видиди и умоляла его бежать за Анчу. Мне казалось, что я помогала Видиди и спасала Анчу от разочарования, но, конечно же, я лезла не в свое дело и со свойственной европейцам неуклюжестью подменяла волю ребенка на свою собственную, пытаюсь заставить его правильно *действовать*, в то время как Анчу работал на куда более глубоком уровне и пытался освободить мальчика от внутреннего конфликта, с тем чтобы тот *захотел* вести себя правильно. Возможно, мое вмешательство отбросило Видиди назад на несколько недель. Скорее всего в этот момент благодаря стараниям Анчу Видиди готов был сбросить с себя груз противоречий, и его естественное стремление участвовать в жизни общества пересилило бы причины, заставлявшие его противиться этому.

Екуана никогда не давили на другого человека, не убеждали и не подчиняли себе его волю. Это долгое время не укладывалось у меня в голове, хотя индейцы показывали мне все новые и новые примеры таких взаимоотношений.

Когда в начале третьей экспедиции мы собирались в поход вверх по реке, я попросила у Анчу разрешения взять с собой Тадеха, мальчика девяти-десяти лет. Он был очень фотогеничен, и мне хотелось поснимать его на пленку.

Анчу пошел к мальчику и его приемной матери и рассказал им о моем приглашении. Тадеха согласился, а его приемная мать передала мне через Анчу просьбу не забирать мальчика домой к моей матери после окончания экспедиции. Я пообещала вернуть ребенка, и когда мы отправились в поход с пятью мужчинами екуана в помощниках, Тадеха принес свой гамак и нашел себе место в одном из каноэ.

Примерно через неделю мы повздорили, и екуана вдруг покинули наш лагерь, объявив, что отправляются домой. В самый последний момент они обернулись и сказали Тадехе, чей гамак все еще висел в шалаше: «Махтьех!» — «Пошли!»

Мальчик мягко сказал: «Ахкай» — «Нет», — и мужчины продолжили путь без него.

Никто не попытался заставить или даже уговорить его уйти. Он, как и все, принадлежал только самому себе. Его решение было выражением его ответственности за себя и за свою судьбу. Никто не попытался отнять у него право решать самому только по той причине, что он был маленький и достаточно слабый, или из-за того, что он обладал меньшим опытом принятия решений.

Екуана считают, что каждый человек достаточно рассудителен, чтобы принять какое бы то ни было решение. Желание принять решение является свидетельством способности сделать правильный выбор; маленькие дети *не* принимают важных решений, в них глубоко заложено стремление к самосохранению, и в делах, в которых они пока не могут разобраться, они полагаются на суждение взрослых. Если ребенку с самого раннего детства предоставляют возможность выбора, то его способность рассуждать развивается необыкновенно хорошо, будь то принятие решений или обращение за помощью к старшим. Осторожность соответствует уровню ответственности, и, следовательно, ошибки сведены к самому минимуму. Принятое таким образом решение не идет против сущности ребенка и ведет к гармонии и удовольствию всех, кого оно касается.

В свои десять лет Тадеха принял, как мне казалось, необыкновенно ответственное решение. Он отказался пойти со своими соплеменниками и остался с тремя совершенно незнакомыми иностранцами далеко вверх по течению большой реки, без команды гребцов и без весел (я не подумала о том, чтобы выменять у екуана весла, и они забрали все до единого с собой).

Тадеха знал свои силы, и ему хотелось приключений. А приключений в последующие месяцы (пока мы не возвратились в деревню) хватало. Мальчик справлялся со всеми трудностями, всегда был готов помочь и был неизменно счастлив.

Их нежелание оказывать давление друг на друга произвело на меня еще большее впечатление во время четвертой экспедиции, когда Анчу удерживал меня и одного европейца в деревне, несмотря на наше желание уехать. (Это кажущееся противоречие о непринуждении других людей отчасти объясняется тем, что екуана не считают нас или индейцев других племен людьми. Кроме того, нам не давали уехать, чтобы я продолжала лечить их людей. Нам просто не давали помощников, чтобы выбраться из джунглей, а вдвоем предпринять такое путешествие было бы нереально. Они кормили нас и построили нам хижину, а на требования, чтобы нас отпустили, никогда не отвечали прямым отказом. Другими словами, никто ни к чему нас не принуждал, они лишь не оказывали нам помощи.)

Двое мужчин, один в деревне, а другой неподалеку, были очень

серьезно больны. У одного был аппендицит с осложнениями, а другой страдал от свищей в спине. Оба стояли уже одной ногой в могиле: недели и месяцы проходили без улучшений, и мне лишь удавалось поддерживать их жизнь на антибиотиках.

Еще в начале борьбы за их жизни, а если точнее, то во время самого первого визита к молодому человеку, страдающему аппендицитом, я сказала его отцу, что больного необходимо отвезти в Сиудад Боливар к настоящему врачу и сделать операцию. Там, сказала я, ему прорежут дырку в животе и вынут через нее больное место. Для убедительности я показала ему свой собственный шрам от операции. Старик согласился, но заметил, что Масавиу не может отправиться в венесуэльский город, не зная и слова по-испански. Напрямую он так и не попросил меня съездить с его сыном, как бы отец им ни дорожил. Он бы скорее дал Масавиу умереть, чем попросил бы меня сделать ему какое-либо одолжение. Он лишь объяснил мне проблему, и это было единственным убеждением с его стороны.

Я пообещала, что отвезу его сына в больницу, но он должен сходить к Анчу и потребовать, чтобы нам дали возможность незамедлительно отправиться в путь. Казалось, эти слова не произвели на старика никакого впечатления, хотя я настойчиво повторяла, что если он не поговорит с Анчу, его сын умрет. Он так и не стал ничего требовать у Анчу, но, быть может, просто упомянул ему о сложившейся ситуации, когда вся его семья перебралась ближе к деревне, чтобы я могла лечить Масавиу. Его общение с Анчу продолжало быть совершенно непринужденным, будто судьба его сына не была в руках вождя.

Через четыре месяца, когда меня наконец отпустили в долгое и трудное путешествие с больными, отец Масавиу и все семейство присоединились к нам в своем каноэ и остались ждать его излечения на одной из ближайших к городу рек, с тем чтобы затем отвезти его домой. Таким образом, отказ старика давить на вождя из-за своей нужды вовсе не был проявлением равнодушия к сыну.

То же самое произошло, когда я попросила Нахакади, с которой мы были в тесных дружеских отношениях и которая была к тому же сводной сестрой Анчу, повлиять на вождя и заставить его отпустить нас в город, чтобы отвезти в больницу ее умирающего мужа. Она часто виделась с вождем и имела немало возможностей для серьезного разговора, но ее беседы с ним были легки и приятны, хотя в нескольких метрах от нее в гамаке лежал любимый муж, корчась от боли.

Зато она приходила ко мне несколько раз за месяцы лечения, намекая на то, что я могла бы сделать надрез на его спине и обработать свищи. Я

отказывалась, так как ничего не смыслила в хирургии, тогда она попыталась сделать это сама, но так и не смогла заставить себя проткнуть спину мужа рыболовным крючком. После чего она послала за мной своего сына. Увидев, что происходит, я пообещала сделать это, чтобы не подвергать больного еще большей опасности из-за ее негигиеничного хирургического вмешательства. Пусть это был шантаж с ее стороны, он ей удался, но при этом она не пыталась напрямую подчинить мою волю своей.

В конце концов оба мужчины добрались живыми до больницы. Оба выжили и вернулись в свое племя.

К моим же требованиям отпустить нас Алчу оставался глух. Он всегда менял тему разговора и интересовался, что, может быть, меня не устраивает хижина, которую нам построили, или еда, которую нам давали. После моих неоднократных напоминаний о том, что жизнь двоих мужчин висит на волоске, который становится тоньше с каждым днем, Анчу наконец разрисовал свое лицо и тело, надел все свои украшения и, запершись с двумя больными на целую неделю, принялся петь под аккомпанемент мараки шаманские песни екуана. Когда он ненадолго прерывался, чтобы поспать, другие мужчины сменяли его и продолжали петь. Лечение Анчу так и не помогло больным, зато никто не стал бы больше думать, что он безразличен к судьбе своих людей. Я не хочу сказать, что он обманывал своих соплеменников. Он, скорее всего, старался помочь изо всех сил, но, к сожалению, его способности шамана оставляли желать лучшего. Возможно, он полагал, что лучше оставить в качестве доктора для всех его людей, чем отпустить меня ради спасения двух, казалось бы, безнадежных больных.

Я не думаю также, что екуана *сознательно* не пытаются влиять на других лестью или увещеваниями. По всей видимости, запрет на влияние был постепенно сформирован континуумом и теперь поддерживается их культурой. Они с легкостью применяют силу по отношению к другим животным. Например, тренируя охотничьих собак, они требуют от них полного повиновения, а за любые ошибки бьют их кулаками, палками и камнями, обрезают им уши. Но екуана ни за что не станут неволить другого человека или даже, как мы видели, ребенка.

Исключение лишь подтверждает правило, подобно случаю с манежем. Однажды на моих глазах молодой отец вышел из себя из-за поведения своего годовалого сына. Он закричал, яростно замахал руками и, может быть, даже ударил ребенка. Мальчик издал оглушительный вопль ужаса. Его отец остановился как вкопанный, потрясенный ужасным звуком, которому он был причиной; было понятно, что он пошел против природы.

Я жила по соседству с этой семьей и часто встречалась с ними, но с тех пор больше никогда не видела, чтобы отец терял уважение к достоинству сына.

Вместе с тем родители не позволяют детям делать все, что угодно. Отдавая дань независимости своих сыновей и дочерей и полагая, что те будут вести себя как социальные существа, они задают детям рамки поведения, которые те безоговорочно принимают.

За обедом у семейного очага они ведут себя, как мне казалось, очень торжественно. Мать молча стелит перед отцом циновки и ставит на них чашки. Дети сидят тут же, молча насыщаясь или передавая еду по кругу без единого слова. Иногда мать что-то тихо и мягко скажет, и ребенок бросится подать ей или отцу воды. Даже полуторагодовалый ребенок делает это быстро, тихо и безошибочно. Мне казалось, что ребенком руководит священный страх и весь этот ритуал был задуман для убаживания эгоистичных взрослых членов семьи, которые представляли собой некую угрозу для всех домашних. Но я ошибалась.

Приглядевшись, я поняла, что и взрослые, и дети были совершенно расслаблены, а тишина не только не была зловещей, но и выражала взаимопонимание и уверенность в правильности следования традициям. Таким образом, эта «торжественность» была лишена какого бы то ни было напряжения и была не чем иным, как просто глубоким умиротворением. Отсутствие разговора означало, что все чувствовали себя свободно, а не скованно. Детям обычно было что сказать, и сказать безо всякого стеснения или возбуждения, но чаще всего они так ничего и не говорили. В соответствии с обычаем за обедом екуана царит тишина безмятежности, и если кто-то и произносит что-либо, то это делается в том же духе.

При появлении отца мать и дети замолкают. Также под взглядом отцов и вообще мужчин женщины и дети с гордостью стремятся делать лучшее, на что они способны, и жить, оправдывая ожидания мужчин и друг друга. Мальчики с особенной гордостью сравнивают себя с отцами, а девочки любят прислуживать им. Маленькая девочка чувствует себя польщенной, если принесет отцу свежий кусок маниоки и он возьмет его из ее рук. Своим поведением, своим достоинством и мастерством в том, что он делает, отец показывает детям заведенные в обществе обычаи. Если младенец плачет, когда мужчины что-то обсуждают, мать уносит его достаточно далеко, чтобы плача не было слышно. Если малыш опорожнился на пол прежде, чем научился ходить в отхожее место, но уже способен понимать, ему строго прикажут выйти из хижины. Ему говорят не пачкать пол, а не то, что он плохой или всегда делает что-то плохое. Он никогда не чувствует, что он плох, а только в крайнем случае, что он

любимый ребенок, совершающий нежелательное действие. Ребенок сам хочет прекратить делать то, что не нравится окружающим. Он социален по своей природе.

Если случается какое-то отклонение от правильного поведения ребенка, ни отцы, ни матери этого не спускают. Они вовсе с ними не сюсюкаются. Как в случае с поведением Анчу во время кризиса Видиди, их ожидания остаются на прежнем уровне.

Они не издают жалеющих звуков, когда ребенок ушибется. Они ждут, чтобы он поднялся и догнал их, если это все, что требуется. В случае серьезной болезни или раны они делают все, что в их силах, чтобы помочь ему выздороветь: дают лекарства или прибегают к услугам шамана, иногда дено и ночью поют, обращаясь к злым духам, вошедшим в тело больного, но не выражают ему никакого сострадания. Больной же в меру своих сил старается пережить болезнь и никого не беспокоить без необходимости.

Пока я жила с ними, екуана приводили или присылали мне больных детей на излечение. Тогда я могла еще более отчетливо наблюдать разницу между детьми континуума и детьми вне континуума. К детям правильно относятся во время «ручного периода», поэтому они уверены, что их любят, и требуют материнской заботы лишь в чрезвычайных случаях, чтобы заглушить поистине нестерпимую боль. Наши же дети цивилизации несут на себе постоянное бремя тоски по недополученной любви и получают объятия, поцелуи и нежные слова за малейшие ушибы. Возможно, это не очень помогает заживлению их разодранных коленок, но получаемая ими забота уменьшает общее бремя боли, когда ребенку становится совсем тяжело.

Вполне возможно, что ожидание симпатии — во многом приобретенное поведение. Я в этом нисколько не сомневаюсь, но уверенность в себе и в окружающих (в данном случае вообще в чужаке), свойственная детям, приходившим ко мне за помощью, говорила о чем-то куда более глубоком, чем просто отсутствие ожидания излишней нежности со стороны взрослых.

Во время одной из первых экспедиций к екуана в деревне Анчу под названием Вананья ко мне подошел мальчик лет четырех. Он приблизился застенчиво, боясь мне помешать. Наши взгляды встретились, мы ободрительно улыбнулись друг другу, и тогда он показал мне большой палец руки. На его лице, кроме искренней улыбки, не было ни жалости к себе, ни¹ просьбы, чтобы его пожалели. Верхняя часть его пальца и часть ногтя были проткнуты насквозь, и сдвинутый в сторону кончик пальца держался только на коже и полузапекшейся крови. Когда я принялась

чистить палец и ставить кончик на свое место, на его огромных, как у лани, глазах навернулись слезы; иногда его крохотная, протянутая мне ручонка дрожала, но он не отдергивал ее; в самые тяжелые моменты он всхлипывал, в остальное же время он был расслаблен и лицо его хранило спокойствие. Перевязав палец, я показала на него и сказала: «Ту-унах ахкей!» («Держи сухим!»), и он мелодично повторил: «Ту-унах ахкей!» Еще я добавила: «Хвайнама ехта» («Приходи завтра»), и он ушел. Его поведение полностью противоречило моим представлениям о поведении детей, об обращении с ними в чрезвычайных обстоятельствах, необходимости ласковых слов как части лечения и т. д. Я с трудом верила увиденному.

Во время другой экспедиции однажды утром меня разбудил голос двухлетнего ребенка, повторявшего мягким тоненьким голоском: «Си! Си!» Это было близкое подобие «Ши» — моего имени среди екуана, которое он мог выговорить. Я перегнулась из своего гамака и увидела Кананаси, совершенно одного, с требующим лечения порезом. Он совсем не плакал и не требовал поддержки или успокоения. Когда повязка была на месте, он выслушал мое наказание не мочить руку, прийти на следующий день и убежал играть.

Когда я столкнулась с ним на следующий день, его повязка была грязная и мокрая. В два года его интеллектуальные способности были недостаточны, чтобы подчиниться указанию, которое нужно было помнить весь день, но добротность его знания Себя и Другого на протяжении двух лет, полноценный опыт «ручного периода» и затем опыт самостоятельности в этом сложном и опасном мире сделали его способным прийти за помощью и вытерпеть лечение без поддержки, симпатии и только с минимумом внимания. Наверное, его мать, увидев порез, сказала только: «Иди к Ши», — и Кананаси сделал все остальное сам.

Другой случай помог мне очень многое понять, хотя и произошел спустя много месяцев после того, как я привыкла к спокойному и непринужденному отношению екуана к лечению. Авада-ху, второй сын Анчу, мальчик около девяти лет, пришел ко мне в хижину с раной в животе. При осмотре оказалось, что рана неглубокая и совсем не опасная, но при первом взгляде я испугалась, что, возможно, сильно повреждены внутренние органы.

— Нехкухмухдух? (Что это?) — спросила я.

— Шимада (Стрела), — вежливо ответил он.

— Амахдай? (Твоя?) — спросила я.

— Катавеху, — назвал он имя своего десятилетнего брата, при этом проявляя не больше эмоций, чем если бы он говорил о цветке.

Я уже обрабатывала его устрашающую рану, когда вошли Катавеху и несколько других мальчиков — посмотреть, что я делаю. В Катавеху не было заметно и тени вины, а в Авадаху — злости. Это был самый настоящий несчастный случай. Подошла их мать, спросила, что случилось. Ей вкратце рассказали, что ее старший сын попал стрелой во второго сына на берегу реки.

— Йехедухмух? (В самом деле?) — спокойно сказала она.

Она ушла по своим делам прежде, чем я закончила обработку раны. Ее сыну оказывали помощь; он ее не звал; ей незачем было оставаться. Единственный, кто был взволнован, это я. Что сделано, того не воротишь; самое лучшее лечение, возможное в тех условиях, было предоставлено, и даже другим мальчикам не было нужды оставаться. Они вернулись к своим играм прежде, чем я закончила. Авадаху была не нужна моральная поддержка, и когда я наложила последний пластырь, он пошел обратно к реке, к своим друзьям.

Его мать исходила из того, что если бы ему была нужна ее поддержка, он пришел бы к ней, и она всегда готова была его принять.

После упоминания всех этих инцидентов может возникнуть впечатление, что в племени екуана несчастные случаи совсем не редкость. Это не так. По сравнению с американцами среднего класса несчастные случаи у них происходят удивительно редко. Американских детей защищают всяческими предохраняющими приспособлениями, пожалуй, больше, чем каких бы то ни было детей за всю историю человечества, и, следовательно, меньше всего *ожидают* от них способности самим позаботиться о себе.

Очень кстати здесь привести услышанную мной историю одной семьи. Родители очень беспокоились, что бассейн во дворе дома представлял опасность для их маленького ребенка. Речь шла не о том, что вода в бассейне может внезапно подняться и увлечь за собой малыша, но, скорее, что ребенок может упасть или броситься в бассейн. Они соорудили ограду вокруг бассейна и всегда держали калитку на замке.

Вполне возможно, что с помощью объяснений родителей ребенок, вовсе об этом не задумываясь, очень хорошо усвоил значение забора и запертой калитки. Он настолько хорошо понимал, чего от него ожидают, что, однажды обнаружив калитку открытой, он вошел в нее, упал в бассейн и утонул.

Когда я слышала эту историю, которую мне рассказали с целью продемонстрировать необходимость постоянной защиты детей от свойственной им способности причинять себе вред, я не могла не

вспомнить о той яме в деревне Вананья, рядом с которой дети играли целыми днями безо всякого присмотра и при этом оставались целы и невредимы. Эти два отдельно взятых случая, конечно же, много не значат, но хорошо отражают различия двух культур. Дети екуана оказываются в огромном количестве потенциально опасных ситуаций. Одна из наиболее впечатляющих опасностей — это повсеместное присутствие острейших мачете и ножей, на которые можно наступить, упасть, и с которыми можно свободно играть. Крохи, еще ничего не знающие о ручках, брали ножи за лезвия и у меня на глазах размахивали ими, сжав их в своих пухлых кулачках. Они не только не ранили свои собственные пальцы и не причиняли себе ни малейшего вреда, но если они были на руках у матери, то умудрялись не задевать и ее.

Точно так же дети, играющие с головешками, спотыкаясь и падая с ними, перелезая через порог хижины высотой тридцать сантиметров, никогда не касались горячим углем ни себя, ни свешивающихся сухих пальмовых листьев, покрывающих крышу, ни своих или чужих волос. Дети, как щенки, играли возле домашнего очага без вмешательства со стороны уважающих их взрослых.

Мальчики, начиная примерно с полутора лет, тренировались в стрельбе из лука острыми стрелами; при этом некоторые энтузиасты носили с собой лук почти всегда, когда были на ногах. Стрельба из лука не была ограничена какими-то отведенными местами; кроме того, не существовало никаких «правил техники безопасности». За два с половиной года, проведенных с екуана, я была свидетельницей только одного ранения стрелой, о котором упомянула выше.

Кроме того, ребенка поджидают опасности джунглей, в бескрайних нехоженных просторах которых легко заблудиться и где легко можно поранить при ходьбе босые ноги и голое тело. Я уже не говорю о более очевидных опасностях вроде змей, скорпионов и ягуаров.

А в реках сильные течения еще более опасны, чем анаконды и крокодилы, и ребенок, заплывший дальше, чем позволяют ему силы и способности, с большой степенью вероятности может разбиться о скалы или многочисленные подводные коряги. Глубина и скорость течения знакомой части реки варьируются день ото дня в зависимости от количества дождя, выпавшего выше по течению, поэтому знание опасностей сегодня может не помочь завтра. Дети, ежедневно купающиеся и играющие в реке, должны точно оценивать свои силы при любых обстоятельствах.

Скорее всего уверенность ребенка в своих силах зависит от

возложенной на него ответственности. Способность заботиться о себе у большинства западных детей используется только частично, а большая часть забот взята на себя родителями. С присущим ему неприятием излишеств континуум устраняет ровно столько механизмов самосохранения, сколько взяли на себя другие. В результате снижается эффективность, поскольку никто, кроме самого ребенка, не может постоянно и тщательно быть на страже всех окружающих его обстоятельств. Это еще один пример попытки сделать что-либо лучше, чем сделала природа; еще один пример недоверия к способностям, находящимся на уровне подсознания, и узурпации его функций интеллектом, который не может принять во внимание весь объем соответствующей информации.

Наша привычка вмешиваться туда, где безошибочно работает инстинкт, не только приводит к большому количеству несчастных случаев у детей в цивилизованных странах, но и к возникновению множества других опасностей. Яркий тому пример — пожары, возникающие по недосмотру человека.

Не так давно в одном американском городе Среднего Запада зимой случился очень сильный снегопад, на несколько дней полностью остановивший движение транспорта и, следовательно, парализовавший работу пожарных команд. Зная, что в день вспыхивает около сорока пожаров, начальник пожарной охраны выступил по телевидению и призвал людей проявить осторожность и не допускать возгораний, пока не расчищают дороги. Он сообщил, что гражданам придется справляться с любыми пожарами самим. В результате количество пожаров в день упало в среднем до четырех; после того как улицы были расчищены от снега, число пожаров возросло до обычного уровня.

Совершенно невероятно, чтобы многие из сорока обычных пожаров в день были начаты умышленно, но те, кто по своей небрежности становились причиной возгорания, по всей видимости, знали, что не обязательно быть излишне аккуратными, если пожарная бригада приедет незамедлительно. Узнав об изменении в распределении ответственности, они бессознательно действовали осторожнее, и число возгораний упало на 90%.

Точно так же в Токио, крупнейшем городе мира, частота пожаров всегда ниже, чем в большинстве крупных городов. По всей видимости, это вызвано тем, что многие дома построены из дерева и картона и в некоторых кварталах пожар распространился бы с катастрофической скоростью; при этом пожарным машинам было бы чрезвычайно трудно преодолевать очень

тесные и плотно заполненные машинами улицы. Жители города знакомы с этими условиями и ведут себя соответствующим образом.

Возложение ответственности — одно из проявлений ожидания, столь сильно влияющего на поведение детей и взрослых. Можно ли было бы говорить о нас как о социальных существах, если бы в нас не было сильной склонности вести себя в соответствии с тем, чего, как нам кажется, от нас ожидают?

Для любого, кто попытается претворить принцип непрерывности на практике в цивилизованном обществе, пожалуй, самым сложным окажется довериться способности ребенка позаботиться о собственном самосохранении. Большинство из нас по крайней мере будут украдкой с опаской поглядывать на детей, рискуя тем, что ребенок поймает этот взгляд и истолкует его как ожидание его неспособности себя уберечь. Эта идея для нас столь непривычна, что оставлять детей на их собственное попечение, исходя из какой-то теории, что им лучше без нашего неусыпного надзора, будет выше сил многих людей. Что же может дать нам веру, необходимую для того, чтобы позволить ребенку играть с острым ножом, веру, которую екуана приобретали через опыт на протяжении многих тысяч лет? Это был не опыт игр детей с ножом (металл появился у екуана совсем недавно), но знакомство со способностью детей необыкновенно тонко чувствовать мельчайшие аспекты окружающей среды и безопасно вести себя среди них.

Нам необходимо вернуться к знаниям, одинаковым для екуана и наших собственных предков, *при помощи* интеллекта. У нас просто нет другого выхода. Это будет похоже на то, чтобы заставить себя пойти в церковь и вымаливать у Бога веру в Него; каждому придется приложить все старания к тому, чтобы вести себя так, будто мы изначально верили. Одним это удастся лучше, другим — хуже.

Язык — одна из новейших среди удивительных способностей животных. Способность сформировать последовательность понятий все возрастающей сложности отражается в языковых навыках растущего ребенка. Его взгляд на Вселенную и на взаимоотношения с Другим неизбежно меняется с развитием по мере «взросления» понятия о времени.

Следовательно, понятия представителей разных возрастных групп совершенно отличны друг от друга. Несмотря на то, что с недавних пор вошло в моду обсуждать разные вопросы с детьми и «размышлять» вместе, между значениями и понятиями ребенка шести лет и взрослого тридцати лет остается непреодолимая пропасть. Язык мало чем может помочь в установлении взаимопонимания между ними.

Интересно заметить, что среди екуана языковое общение между взрослыми и детьми сводится к самым простым фразам типа: «Жди здесь» или «Поддай мне это». Система языкового общения стратифицирована: дети примерно одного возраста в полной мере вербально общаются друг с другом, по мере разницы в возрасте вербальное общение уменьшается. Жизнь и интересы мальчиков и девочек настолько отличны, что они почти не разговаривают друг с другом, и даже взрослые довольно редко подолгу разговаривают с представителями противоположного пола.

Когда взрослые разговаривают, дети, как правило, слушают и не общаются между собой. Я никогда не слышала, чтобы лицу любого возраста приходилось разговаривать с не подходящих его возрасту позиций (то есть взрослому в разговоре с ребенком сюсюкать, а ребенку — употреблять еще недоступные для него понятия), как это происходит при общении детей и взрослых в нашем обществе. Взрослые екуана говорят все, что им нужно сказать, в присутствии детей, которые слушают, воспринимают и обрабатывают информацию сообразно своим способностям. Когда ребенку приходит время вступить во взрослую жизнь, он уже постепенно, в своем собственном темпе, научился понимать взрослый язык, обороты речи и точки зрения, и ему не приходится отбрасывать формы речи и точки зрения, привитые старшими в его детстве.

Дети каждой возрастной группы осваивают понятия, соответствующие их уровню развития, следуя по пятам старших детей до тех пор, пока сами не достигают полного понимания всех оборотов речи и не обретают способность понимать взрослых и все содержание речи, которую они слышали с младенчества.

, В нашей системе мы пытаемся догадаться, что и в каком количестве ребенок может усвоить. В результате возникают противоречия, непонимание, разочарование, злость и вообще потеря гармонии. Ужасный обычай учить детей, что «добро» всегда будет вознаграждено, а «зло» — наказано, что обещания всегда выполняются, что взрослые никогда не лгут и т. д., не только приводит к необходимости «спускать детей с небес на землю» как «витающих в облаках» и «незрелых», если вдруг они все еще верят в детсадовские сказки, но и создает у них чувство разочарования в их воспитании и в культуре, которой, как они *верили*, им предстояло следовать. В результате возникает замешательство по поводу того, как себя вести, так как принципы поведения вдруг разрушаются, что заставляет их крайне подозрительно относиться ко всему, что продолжает говорить их культура.

Опять же речь идет о попытке интеллекта «решить», что ребенок может понять, в то время как следование континууму просто позволяет

ребенку усваивать то, что он может, из полной языковой среды, которая не деформируется и не подвергается цензуре. Разум ребенка невозможно травмировать понятиями, которые он пока не может усвоить, если только этому разуму позволяют оставлять без внимания то, что он не может переварить. Но если взрослые во что бы то ни стало пытаются заставить ребенка что-либо понять, то возникает конфликт между уровнем познавательных способностей ребенка и тем, чего, как он чувствует, от него ожидают. Если же детям позволяют беспрепятственно слушать и понимать то, что они могут понять на своем уровне развития, исчезают всякие указания на то, какую информацию, по мнению взрослых, ребенок должен усвоить, что и предотвращает этот разрушающий конфликт.

Девочки екуана проводят большую часть детства с другими девочками и женщинами, с самого начала участвуя в их работе по дому и в огороде; мальчики же проводят большую часть времени вместе; их отцы позволяют им ходить с ними только в подходящих случаях. Между тем маленькие мальчики выпускают тысячи стрел в кузнечиков и позднее в маленьких птиц, в то время как на охоте мужчины могут стрелять только один-два раза за день, что было бы недостаточно для развития навыков мальчиков, за исключением навыков выслеживания и подачи дичи.

И мальчики, и девочки ходят плавать почти каждый день. Также очень рано они становятся экспертами в гребле и порой проводят тяжелые каноэ через опасные течения и пороги совсем одни, без взрослых, с командой из детей не более шести-семи лет. Мальчики и девочки часто вместе гребут в каноэ. Нет никакого запрета на общение между полами, могут лишь различаться их интересы и соответственно участие в тех или иных занятиях.

В то же время любой ребенок екуана, которому не нужна моральная поддержка взрослых, способен самостоятельно выполнять много разных дел. Рыбу часто ловят в одиночку представители любого пола, дети или взрослые. Плетение корзин, изготовление и починка оружия — дело мужчин и мальчиков, которые работают в одиночестве. Забивание кусочков металла в терки для маниоки, плетение браслетов или гамаков и приготовление пищи выполняются женщинами и девочками очень часто в одиночестве или только с младенцем в качестве компании.

Но екуана никогда не позволяют себе страдать от скуки или одиночества. Они проводят очень много времени среди своих соплеменников. Мужчины часто вместе охотятся, ловят рыбу определенными способами, делают каноэ на определенном этапе работы и строят хижины. Они вместе отправляются в торговые путешествия или

рубят и жгут деревья, расчищая место для огородов. Женщины и девочки вместе ходят на огород и за водой, готовят маниоку и т. д. Мальчики обычно группами тренируются в стрельбе из лука и дротиками, играют, плавают, ловят рыбу, исследуют окрестности или собирают съедобные растения и плоды. Мужчины, женщины, девочки, мальчики или семьи, занимаясь общими делами, много разговаривают в приподнятом настроении и с юмором. Смеются необычайно часто; молодые люди часто дружно смеются в конце хорошей истории, новости или шутки. Такая праздничная атмосфера является повседневной нормой. И в самом деле, их праздники не могут привести к значительному повышению и так высокого обычного уровня радости и довольства.

Дети екуана в отличие от любых других знакомых мне детей не дерутся и не ругаются между собой. Это, пожалуй, самое разительное различие. Не существует соперничества, а лидерство возникает по инициативе желающих подчиняться. За все годы, проведенные с ними, я никогда не видела ссор между детьми, не говоря уже о драках. Единственные злые слова, которые я слышала, были очень редкие взрывы раздражения взрослого нежелательным поведением ребенка. Взрослые кричали ребенку несколько слов, объяснявших причину их раздражения. Дети стояли с озабоченным видом или бросались исправлять ошибку; никто больше не ворчал, когда все было улажено ребенком или взрослым.

И хотя я видела множество вечеринок, на которых все екуана — мужчины, женщины и дети — бывали пьяны, я ни разу не видела даже попыток поссориться. Таким образом, мне кажется, что они действительно такие, какими выглядят, — в счастливой гармонии друг с другом и с самими собой.

Глава пятая. Недостаток впечатлений и опыта

Бессознательный поиск пропущенного опыта во всех аспектах жизни. Причина зависимости от наркотиков. Миф о грехопадении человека. Два аспекта удаления человека от невинности: развитие способности разумного выбора и уход цивилизации от континуума. Медитация, ритуал и другие способы освобождения от мыслей

При изучении жизни цивилизованного человека нужно постоянно учитывать фактор практически полного отсутствия у нас опыта «ручного периода» и других, последующих за ним, ожидаемых впечатлений, а также тот факт, что мы продолжаем уже на подсознательном уровне искать этих впечатлений и опыта в определенном и заложенном природой порядке.

Уже с рождения мы далеки от своего континуума и, оставленные в своих кроватках и колясках, чахнем от недостатка впечатлений вдали от движения и жизни. Какая-то часть нас так и остается ребенком и вносит диссонанс в жизнь уже подростков и взрослых. Но мы не можем выбросить из нас эту «детскую» часть. Неудовлетворенная потребность во впечатлениях «ручного периода» ждет своего удовлетворения и накладывает отпечаток на дальнейшее развитие тела и мышления.

Внимательный наблюдатель заметит у людей цивилизации сходные болезни, связанные с отходом от континуума. Ненависть к себе, неуверенность — обычные явления в нашем обществе. Единственное отличие — степень их запущенности, что зависит от того, когда и насколько недостаток различного опыта повлиял на наши врожденные качества. По мере взросления человека поиск опыта «ручного периода» принимает различные причудливые формы. Потеря жизненно важного ощущения благополучия и правильности, которое как раз и приобретает во время «ручного периода», ведет к бесцельным поискам подходящей ему замены. *Ощущение счастья уже перестает быть нормальным состоянием человека и вместо этого становится его целью.* Целью, которую человек пытается достичь, предпринимая всевозможные усилия, приносящие краткий, но иногда и более продолжительный результат.

Теперь, когда мы имеем перед собой пример образа жизни индейцев екуана, на первый взгляд совершенно бессмысленные действия, совершаемые человеком цивилизации, приобретают смысл и значение.

Самым распространенным проявлением недостатка «ручного» опыта стало, пожалуй, глубокое чувство тревоги и неудобства *здесь и сейчас*. Человек чувствует смутное беспокойство, словно что-то важное, но неуловимое, упущено и навсегда утеряно. Жажда обретения этого чего-то часто выражается в том, что человек связывает свое благополучие с достижением какого-либо события или обладанием предметом в обозримом будущем; другими словами: «Я буду доволен, если бы только...» Далее следует желаемое событие или предмет, типа: новый костюм, новый автомобиль, продвижение по службе или повышение зарплаты, другая работа, возможность съездить куда-нибудь в отпуск или переехать в желаемое место насовсем, муж, жена или ребенок (если их еще нет) для приложения своих нежных чувств.

Когда желаемое достигнуто, это обозримое будущее, столь же недостижимое, как в свое время мать, вскоре заполняется очередным «если бы только». Погоня за отдаленным желаемым становится новым этапом в достижении утерянного благополучия — благополучия *здесь и сейчас*.

Жизненная энергия человека поддерживается надеждой достижения ряда целей в будущем. Высота планки желаемых целей зависит от того, насколько мать обделила человека в младенческом возрасте впечатлениями «ручного периода».

Но если человек не сможет поставить свою планку достаточно высоко, то это чревато трагедией. Конечно, такое случается нечасто, так как люди обычно легко создают себе недостижимые цели. Но иногда все поставленные цели достигаются необычайно легко и быстро, и здесь даже воображение оказывается бессильным.

Не так давно известная белокурая кинозвезда (автор имеет в виду Мэрилин Монро. — *Прим. пер.*) стала жертвой несоответствия между настоящей потребностью в надежде на лучшее и тем немногим, на что ей еще можно было надеяться. Она была одной из самых удачливых актрис в мире, самой обожаемой и желанной женщиной для многих людей. Ее мужьями были мужчины, выделявшиеся физической красотой и умственными способностями. По меркам ее воображения она получила все, что могла. В бесплодной погоне за утерянным ощущением своей правильности она искала в мире то, что было бы желанным, но в то же время оставалось недостижимым. Но ей это не удалось, и в результате она совершила самоубийство.

Не одна девушка или женщина, чьи мечты были сходны с целями кинозвезды, недоумевали: «Как она могла, ведь, казалось, весь мир у ее ног?» Но после этого самоубийства идеалы Американской Мечты

(достигнуть счастья через богатство и успех. — *Прим. пер.*) остались непоколебимы, ведь в душе каждая женщина была уверена, что если бы только... если бы только *она* была на месте Мэрилин и была бы осыпана всеми мыслимыми благами жизни, она, которая уже чувствует, что счастье не за горами, она уж непременно была бы счастлива.

Это не единственный пример самоубийства с подобными мотивами, но гораздо более типично отчаянное поведение преуспевающих в жизни людей, чей инстинкт самосохранения мешает перейти черту смерти. Их жизнь — пьянство, наркомания, разводы и тоска. Как ни странно, большинство баснословных богачей стремятся стать еще богаче, люди, стоящие у власти, мечтают быть более всемогущими, таким образом их томление и страстное стремление обретает форму и направление. Но те немногие, кто достиг всего или почти всего, вынуждены жить с неутолимой тоской и жаждой. Они не могут понять их истоки: желание младенца постоянно находиться на руках у матери. Любые желания и порывы теряют для них смысл, хотя еще недавно они искренне верили, что все дело в деньгах, славе или успехе.

Брак в цивилизованном обществе превратился в брачный контракт, где одно из условий гласит: «...я буду тебе матерью, если и ты станешь мне матерью». Постоянная детская потребность обоих партнеров в материнском внимании звучит во фразе: «Я люблю тебя, я хочу тебя, я не могу без тебя». Первые два заявления вполне нормальны для зрелого человека, но привычное «я без тебя не могу», хоть и принимается в нашем обществе и даже носит романтический оттенок, подразумевает потребность побыть ребенком, окруженным материнской заботой и теплом. Это находит самые разные проявления: от детского лепета между партнерами («Ты любишь своего зайчика?») до молчаливого соглашения не обращать внимания (ну разве что только поверхностно) на других. Зачастую здесь преобладает желание быть центром внимания (то есть преобразованная потребность того внимания, которое необходимо младенцу, но никак не подростку или взрослому), и партнеры могут достаточно легко договориться по очереди играть роль матери.

Любовные ухаживания — это предварительный тест того, насколько младенческие ожидания партнеров будут удовлетворены. Для людей с «высокими запросами», тех, кто в своем младенчестве был настолько обделен вниманием и впечатлениями, что уже не может принять другого со своими нуждами и потребностями, для таких поиск постоянного партнера — это бесконечный и безрезультатный процесс. Их предали еще в раннем детстве, оставив утопать в море глубокой и отчаянной тоски по чему-то

невыразимому. Страх очередного предательства настолько велик, что когда такой человек находит потенциального партнера, то бежит в ужасе, дабы не подвергать испытанию партнера и лишний раз не напоминать себе, что он не любим безоговорочно, просто так, как того требует его внутренний ребенок.

Множество мужчин и женщин стали жертвами такого поведения при ухаживании, выражающегося в безотчетном и беспричинном страхе перед будущим семейным счастьем. Даже если страх поиска подходящего партнера наконец преодолен, уже под венцом, когда приходит время сказать «да», невесты все плачут от беспокойства и тревоги. Но многие так и продолжают менять партнеров, не уживаясь с «обыкновенными» мужчинами или женщинами и стремясь найти «идеальные» отношения с человеком более важным, чем они сами.

Сложности в поиске подходящего партнера усугубляются и особенностями нашей культуры, например, любовными героями, созданными телевидением, романами, журналами и рекламой. Идеализированные и приукрашенные персонажи, сотворенные кинематографом, создают у зрителя иллюзию того, что это и есть те самые «правильные» и «ласковые, как мама» люди. Мы почему-то проникаемся к ним детским доверием и наделяем актеров аурой совершенства и качествами их персонажей. Они, актеры, конечно, не могут сделать ничего дурного, они выше всего обыденного, они божественны и прекрасны. Вдобавок ко всему эти безукоризненные, хоть и выдуманные, персонажи устанавливают пределы наших устремлений и мечтаний. Неудивительно, что по сравнению с этими полубогами обычные люди не идут ни в какое сравнение.

Производители рекламы научились играть на чувствах обделенной материнским теплом публики. Рекламные лозунги гласят: «Если ты приобретешь то-то, то снова почувствуешь счастье и довольство». А вот реклама безалкогольного напитка: «Это то, что тебе нужно!» Его конкурент взывает к потребности принадлежать: «Ты тоже принадлежишь к поколению "Пепси"», в сопровождении кадров со «счастливыми» людьми из этого самого поколения. Другая компания провозглашает конец смутной тоске и жажде: «Бриллиант — это навечно». Здесь работает такой механизм: владение предметом гарантированной ценности придает и владельцу такую же вечную, незыблемую и абсолютную ценность. Получается, для того, чтобы завоевать любовь, достаточно носить кольцо с бриллиантом, это волшебное кольцо, неизменно привлекающее к владельцу (каким бы неказистым он ни был) все внимание. Престижные меха,

автомобили, место жительства и т. д. также заставляют общество принять владельца. Кроме того, эти вещи окружают человека определенностью и безопасностью во враждебном мире — не правда ли, похоже на обнимающие руки матери, дарящие тепло и спокойствие, которых нам так не хватает! Наша культура может продолжать внушать нам, что иметь, а что нет, но мы по-настоящему хотим только одного — быть в ладах с самим собой; часть нас постоянно где-то еще, хотя мы и пытаемся убедить себя, что «все хорошо», и продолжаем изоощряться, чтобы заставить себя поверить в это.

Хотя большинство из нас так и не испытало истинного чувства правильности в настоящем, то есть здесь и сейчас, мы часто склонны приписывать это чувство прошлому или будущему. Мы говорим о «золотом детстве», «старых добрых временах», чтобы убедить себя в том, что вообще-то эта правильность не так уж от нас далека. Мы считаем, что детская невинность защищала нас от жестокой реальности, но забываем, что в детстве чувствовали недоумение и замешательство от того, насколько противоречили слова взрослых происходящему на самом деле, и уже тогда ощущали: здесь что-то не так. Но мы тешили себя мыслью, что «когда мне исполнится, положим, шестнадцать лет, все будет как надо».

Мы, конечно, не подозревали, что в шестнадцать лет все подростки думают, что счастье где-то впереди, а затем, дожив до седин и солидных лет, но так и не отыскав свое счастье, старики начинают думать, что счастье позади и они уже «свое отжили».

Убеждение, что чувство удовлетворения и собственной правильности происходит из соперничества и стремления к победам, — следствие того, что Фрейд назвал «соперничество детей в семье». Ему казалось, что все мы вынуждены защищаться от зависти, ревности и ненависти своих братьев и сестер, которые также претендуют на полное и неделимое внимание матери. Но Фрейд не имел возможности наблюдать за необделенными людьми. И если бы ему выпал случай изучить жизнь индейцев екуана, он бы понял, что идея соперничества и стремления к победам как самоцель им совершенно незнакома. А раз так, то такое поведение не может быть неотъемлемой частью человеческой личности. Если ребенок получил весь необходимый опыт, находясь на руках у матери, и оставляет свое место на ее руках по доброй воле, то он совершенно спокойно воспримет приход в семью нового ребенка, который займет его место. В этом случае нет никаких оснований для соперничества, так как никакие его желания и потребности не ущемляются.

Екуана также стремятся обладать теми или иными вещами либо

людьми по самым разным причинам, однако одержание верха над другим как самоцель никогда не служило мотивом. У них даже нет состязательных игр, хотя игры, конечно, существуют. Например, мужчины занимаются борьбой, но устраивают не чемпионаты, а просто серии поединков между парами борцов. Постоянная практика стрельбы из лука направлена на оттачивание мастерства, а не на соперничество между мальчиками, так же как и охота — не соревнование на лучшего охотника среди мужчин. Соперничество не нужно для их нормального эмоционального здоровья, поэтому в культуре екуана конкуренции не существует. Нам же тяжело представить нашу жизнь без конкуренции, так же тяжело, как представить себя счастливыми здесь и сейчас.

То же относится и к погоне за новизной. Она настолько укоренилась в нашей культуре, что забила собой природное сопротивление человека ко всяческим изменениям. Похоже, стремление к переменам стало рутиной: люди меняют что-либо в своей жизни с такой частотой, что эта новизна уже превращается в монотонную неизменность.

Совсем недавно в нашем обществе появилось убеждение, что все новейшее обязательно самое лучшее. Реклама — основной способ внедрения в умы идеи стремления к новизне. Реклама не дает человеку покоя или хотя бы передышки. Если верить рекламе, то ничто не может удовлетворять человека и оставаться хорошим надолго. Так наше глубокое недовольство направляется в русло стремления ко всему новейшему.

Первыми в списке стоят вещи, которые экономят труд человека. Привлекательность таких трудосберегающих приспособлений удваивается, что можно объяснить двумя аспектами недостатка опыта «ручного периода». Первый — приобрести что-то «правильное», помноженный на второй — получить наибольший объем благополучия, затратив при этом наименьшие усилия. У человека континуума возможность в младенческом возрасте получать все необходимое, при этом ничего не делая, естественно сменяется возрастающим желанием делать что-нибудь самому, то есть работать. Если человек в раннем детстве так и не испытал, что значит быть совершенно пассивным, то у него так и остается склонность к нажиманию кнопок, сбережению своего труда. Это дает ему подтверждение того, что все делается само собой и ничего не требуется взамен. Нажатие кнопки сродни подаче ребенком сигнала матери о какой-либо возникшей у него потребности, но в отличие от матери кнопка уж точно сделает желаемое без всяких оговорок. Тяга к труду, необычайно сильная у людей континуума, у нас сходит на нет; она не может появиться на фоне полнейшего нежелания заботиться о себе самостоятельно. Труд становится для большинства из нас

горькой необходимостью. И тогда финтифлюшка, которая экономит пару несложных движений, становится для нас символом утраченного комфорта. Между тем противоречие между взрослым желанием как-то реализовать свои способности и детским желанием быть в бездействии часто находит свое разрешение в досуге.

Человек, отсиживающий от звонка до звонка свой скучный рабочий день за экраном компьютера и имеющий дело лишь с бумажками и умозаключениями, будет реализовывать свои внутренние ожидания в чем-то типа гольфа. Не подозревая о том, что шарм гольфа в его абсолютной бесполезности, игрок в гольф таскается по огромному полю на солнцепеке, прихватив тяжелый набор клюшек, и занимается тем, что заставляет мяч попасть в дырку в земле. Он делает это очень неэффективно, при помощи кончика одной из клюшек, а не просто взяв мяч и бросив его в дырку. Если бы игрока заставили проделать все это насильно, то он бы подумал, что это, наверное, какое-то жестокое наказание. Но гольф называют досугом, который по определению не преследует никаких целей, кроме поддержания мышечного тонуса играющего, последний волен наслаждаться этой бесполезной игрой, так же как екуана — полезной работой.

Но в последнее время стремление к экономии труда несколько подпортило наслаждение игроков в гольф бесполезностью происходящего. Ведь в высших слоях общества физический труд, куда отнесли таскание за собой клюшек, считается непрестижным и неприятным, а затем к категории труда отнесли и ходьбу между бросками мяча. Для сбережения усилий игроков появились маленькие электромобили, которые перевозят и игроков, и их клюшки. Похоже, чтобы поупражняться после гольфа, игрокам придется заняться теннисом.

Постоянная потребность в недополученном опыте «ручного периода» делает наше поведение совсем уж причудливым. Иначе чем объяснить наши пристрастия к «американским горкам», аттракционам с «мертвой петлей» и колесу обозрения, как не недостатком опыта, где мы находились бы в полной безопасности, при этом постоянно меняя свою позу, тогда как вокруг нас то и дело возникали непредвиденные угрозы. Представим себе какое-нибудь животное, которое бы вдруг пожелало, чтобы его хорошенько потрясли и напугали, а затем выложило за это свои деньги. Поведение животного можно разгадать, если найти потребность, которую такие действия могли бы удовлетворить. Миллионы лет малыши на уютных руках матери наблюдали за опасностями окружающего мира, между тем как их матери перебирались вброд через реки, бродили среди лесов, саванн и где бы там ни было. Что же осталось современным малышам? Безмолвие

и неподвижность кроваток или однообразное и щедро смягченное подушками покачивание коляски; плюс иногда удается попрыгать у взрослого на коленках, а если совсем повезет, то отец, который еще способен слышать голос своего континуума, подбросит малыша в воздух.

Секрет привлекательности аттракционов в их ремне безопасности, которым пристегиваешься, садясь на сиденье в маленьком вагончике, а затем беззаботно взлетаешь по крутым горкам и несешься вниз по отвесным склонам. На аттракционе человек получает удовольствие в тех обстоятельствах, которые в реальной жизни вызвали бы у него панический страх. В «Пещере страха» привидения и скелеты выскакивают из темноты, стараясь нас напугать, однако это вызывает лишь смех и радость. Неудивительно, ведь мы в безопасности. Только за это ощущение мы готовы выкладывать свои деньги на билеты.

То же самое относится и к фильмам ужасов. Мы наблюдаем события сидя в удобном кресле кинотеатра и совершенно уверены, что после фильма уйдем невредимыми. Если бы публика знала, что в кинотеатр в любой момент может нагрянуть настоящая горилла, динозавр или вампир, то спрос на билеты был бы существенно меньше.

Ребенок на руках у матери получает опыт, который готовит его к дальнейшему развитию, позволяющему полагаться на собственные силы. Ежедневное наблюдение и пассивное участие ребенка, находящегося на руках у занятой делом матери, в пугающих, опасных и интенсивных событиях с действиях являются фундаментом будущей уверенности в себе. Также это важное условие развития ощущения самости.

Катание на игрушечной или настоящей лошади, езда на автомобиле, настоящем или детском, или на чем-либо еще, что способно везти человека, восполняет недостаток в этом опыте. Человек может легко пристраститься к катанию, ведь как только он почувствовал удовольствие от того, что его везут, будь то лошадь или автомашина, необходимость передвигаться на своих двоих вызывает у него разочарование и тоску; но о человеческих пристрастиях разговор пойдет позже.

Внешние проявления обделенности в «ручном периоде» оказывают такое воздействие на нашу жизнь и личность человека, что мы склонны рассматривать эти проявления как неотъемлемую часть человеческой натуры. Возьмем, к примеру, «синдром Казановы». Мужчина с таким синдромом пытается доказать себе, что он достоин любви. В своих амурных похождениях он ищет особый род любви, которую недополучил от своей матери, любовь, которая убеждает ребенка, что он существует и достоин ее внимания и заботы. «Казанова», собирая от своих

многочисленных женщин доказательства собственной привлекательности, действительно частично восполняет этот недостаток убежденности в том, что он достоин любви. Каждый миг в объятиях каждой из женщин вносит свою лепту в восполнение упущенного опыта, и в конце концов неутомимый Казанова «устает» от такого рода поиска чувства правильности и становится способен к более продвинутому, более зрелому отношению к женщинам. В большинстве Казанов это происходит достаточно рано, но в некоторых тяжелых случаях мужчины так и не могут избавиться от иллюзии того, что каждое сексуальное обладание — это маленькая победа и что совершенствование техники соблазнения — это путь к обретению чего-то, чего никак не хватает в жизни.

Жиголо и женщины, заглядывающиеся на богатых мужчин, считают, что смогут повысить свою ценность и достоинство при помощи денег завоеванных ими женщин или мужчин. Так, они уверены, что брак с богатым человеком также сделает их богатыми и, таким образом, безусловно принимаемыми обществом. Почему-то эти люди, разделяя всеобщее убеждение, что «счастье не в деньгах, а в их количестве», также считают, что деньги равноценны любви. Здесь нетрудно распознать влияние нашей культуры, которая культивирует такие идеи. Но искоренение последних не решает проблемы. Чувство неполноценности и обделенности любовью найдет другую зацепку и проявится в иных отклонениях в поведении человека.

«Синдром неряхи» — еще одно распространенное проявление обделенности в раннем детстве. Неряха, словно вечно где-то испачкавшийся ребенок с обслюнявленным подбородком, мечтает, чтобы его любили и принимали просто так, за то, что он существует, и ни в какую не желает менять свое поведение, чтобы смягчить неприятие окружающих. Он чавкает и причмокивает за столом, убеждая себя в том, что все находящиеся рядом люди разделяют его наслаждение пищей; он навязывает свое присутствие, где только возможно; бросает после себя окурки, грязь и мусор, оставляя другим доказательство своего существования, таким образом, испытывая на прочность терпимость окружающих и утверждая, что он достоин безусловной любви. Но люди отторгают неряху, и тогда он укоряет в своем несчастье Мать Вселенную: «Ну вот, видишь? Все ненавидят меня, потому что ты не сподобишься вытереть мне подбородок!» И он влачит свое неряшливое существование, неопрятный, немытый, нечесаный и постоянно наступающий другим на ноги. Неряха надеется, что Мать Вселенная наверняка пожалеет его (а голос его континуума говорит, что мать обязана сжалиться над ним) за все,

что ему пришлось выстрадать, и наконец примет его в объятия бесконечной любви. Он не устает ждать ее возвращения и ни за что не станет ухаживать за собой сам. Ведь так он признает свою безнадежность.

Немногим отличается от неряхи и «мученик», который также страдает в укор окружающему, но он делает основной упор на объем своих страданий, которые *должны* быть зачтены ему впоследствии. Субъекты с горящими глазами стоически шли на сожжение, виселицу или на растерзание львам за самые благородные идеи. Мученики надеялись, что, жертвуя собой, они откроют себе путь к заслуженной любви. Хорошо, что готовые на смерть мученики не могут возвратиться и пожаловаться, что их обманули. Поэтому иллюзия так и продолжает привлекать очередных несчастных, склонных к мученичеству. А причина склонности к такому поведению — всего лишь в том, что мать бурно переживала каждый раз, когда ребенок ушибался.

«Актер» часто ощущает потребность находиться на сцене перед большой аудиторией почитателей, чтобы доказать, что он *действительно* центр внимания, хотя на самом деле его гложет необоримое сомнение в этом; отсюда его неослабное желание находиться на публике. Болезненное позерство и нарциссизм — еще более отчаянные претензии на внимание, которое безрезультатно стремился получить в свое время ребенок от матери. Часто можно проследить связь между поведением матери и формированием будущего «актера», если мать, стремясь компенсировать свою обделенность, пытается стать центром внимания своего ребенка.

«Вечный студент», бесконечно сдающий экзамены на какой-нибудь диплом, пожизненный обитатель всяческих школ и учебных заведений, облюбывал свою *alma mater* в качестве приемлемого суррогата матери. Школа больше и стабильнее, чем он сам. Она довольно предсказуемо реагирует на хорошее или плохое поведение. Она защищает от безликого жестокого мира, который чересчур опасен для ранимой и неразвитой психики большого ребенка. Взрослое желание испытать себя и свои способности и, таким образом, продолжить свое развитие, не может реализоваться в неуверенном в себе человеке, вне зависимости от его возраста.

Совершенно отличается от «вечного студента», который находится в положении ребенка по отношению к своей школе (или от бизнесмена, не отрывающегося десятилетиями от «юбки» своей компании), «искатель приключений и завоеватель». Ему привили идею (возможно, это были родители), что путь к своей правильности и признанию идет через осуществление чего-нибудь совершенно грандиозного и уникального:

например, восхождение на самую высокую гору или пересечение океана на плоту без весел и со связанными руками. Такое свершение, по его мнению, затмит всех претендентов на внимание. Он уверен, что всегда добьется аплодисментов, если дольше всех продержится на верхушке флагштока, или станет первым европейцем, который ступил на какую-нибудь землю, или пройдет над водопадом по натянутой веревке. Все эти деяния выглядят очень заманчиво, но, конечно, до тех пор, пока они не достигнуты, и искатель приключений вдруг обнаруживает, что покорение очередной вершины ему ничего не дало. Тогда он изобретает себе новый достойный его подвиг, который станет пропуском в правильность.

«Вечный скиталец» живет примерно теми же идеями. Для него всегда «хорошо там, где нас нет», ибо чудесное возвращение в объятия матери невозможно представить в обыденной обстановке здесь и сейчас. Поэтому для него трава всегда зелена на противоположном берегу. И он уверен, что если бы только оказался там... то он точно был бы счастлив.

В соответствии с природой человеческого континуума и миллионами лет опыта стремление человека быть в центре пульсации жизни доказывает, что такой центр существует. По природному замыслу недополучение опыта непременно должно заявить о себе в будущем; только в этом случае такое проявление может послужить стимулом к восполнению упущенного опыта и дальнейшему развитию. Ни доводы разума, ни личный опыт не могут затмить веру в то, что человек должен быть в центре жизни. Мы рвемся вперед, к центру, как и задумано природой, как бы несвоевременно и глупо это ни казалось. Стиль жизни по принципу «если бы только...» в том или ином виде свидетельствует о мощной движущей силе, действующей среди цивилизованных людей.

К сожалению, существуют и такие, также обделенные в детстве, которые переносят свою боль и недовольство на других. Самый очевидный пример невольного страдальца — это ребенок, которого бьют родители, сами пострадавшие и обделенные в детстве.

Профессор С. Генри Кемп, председатель отделения педиатрии Колорадского медицинского центра, изучая 1000 различных семей, обнаружил, что 20% женщин имели трудности в исполнении своих материнских обязанностей. Он утверждает, что многие мамы не очень-то любят своих малышей^[6]. Однако он не совсем верно интерпретировал результаты исследования: по его мнению, если так много мам не могут любить своих детей, значит, и материнская любовь как заложенный природой инстинкт, должно быть, просто «миф». Основным итогом его исследования стало следующее утверждение: ошибочно ожидать от каждой

матери поведения мадонны, всепрощающей, дающей все необходимое и защищающей своего младенца. А то, что Мастера Древности утверждали, что женщина должна вести себя именно так, по его мнению, лишь их заблуждение и запудривание мозгов публике. Тем не менее результаты его исследования говорят сами за себя. «Все факты указывают на то, что избиваемый в семье ребенок становится в свою очередь родителем, избивающим собственных детей». Среди обстоятельств, вызвавших в родителях такую жестокость, он отметил, что каким-то образом эти люди, будучи детьми, были совершенно лишены материнского внимания и заботы, а также им не попадалось подходящего учителя, друга, любовника, мужа или жены, которые могли бы в какой-то степени заменить мать.

Кемп утверждает, что родитель, лишенный материнского внимания в детстве, не способен любить и заботиться о своем ребенке; напротив, он ждет, что это ребенок должен любить его; он ожидает от ребенка гораздо больше того, на что он способен, а плач малыша воспринимается таким родителем как отторжение. Профессор приводит слова вроде неглупой и образованной матери: «Он плакал, значит, не любил меня, поэтому я его и била».

Трагедия множества женщин в заблуждении, что их потребность в любви должна быть наконец удовлетворена ребенком, который и сам так жаждет любви и внимания. Это немаловажный фактор в страданиях, испытываемых ребенком. Его не только лишают львиной доли необходимых любви и внимания, но и заставляют бороться за них с более взрослым и сильным человеком. Что может быть более ужасным, чем ребенок, своим плачем молящий мать о любви и заботе, и мать, бьющая свое дитя, потому что оно якобы не любит и не обращает на нее внимания в ответ на ее страдания.

В этой игре нет победителей; здесь нет плохих и хороших, а есть лишь сплошь жертвы других жертв.

Обожженный ребенок — более завуалированное выражение обделенности в его родителях. Обычно случаи ожогов у детей относят к разряду несчастных случаев, однако Хелен Л. Мартин, исследователь из ожогового центра Лондонской детской больницы, утверждает обратное. На протяжении семи месяцев она изучила более пятидесяти случаев ожогов и обнаружила, что большинство из них стали результатом «эмоциональных проблем». За исключением пяти случаев, по ее мнению, все остальные произошли из-за конфликтных ситуаций в семье: либо из-за напряжения у матери, либо из-за трений между ребенком и другим членом семьи, либо из-за вражды между взрослыми. Поразительно, но только два случая

ожогов имели место, когда ребенок оставался один.

В отличие от тех, что бьют детей, родители, ставшие причиной ожогов у собственных чад, открыто не осуществляют своего желания причинить ребенку боль. В таких родителях пришли во внутренний конфликт их детский гнев и огорчение и родительское стремление к защите и обереганию ребенка. Мать подсознательно использует оружие внутреннего ожидания, что ребенок может обжечься, и, возможно, помогает ему осуществить это ожидание тем, что оставляет кастрюлю с кипящим супом в легкодоступном для ребенка месте. Когда все произошло, несчастная мать может сохранить благонамеренное лицо и в то же время обвинять себя в случившемся, таким образом примиряя внутреннего разъяренного родителя и снедаемого ненавистью и жаждой разрушения ребенка, который также живет в ней.

К тому же около половины женщин в то время, когда произошел несчастный случай, также ощущали недостаток «материнского» внимания и со стороны мужей, отношение к которым женщины описывали как «отчужденное, равнодушное, враждебное». В контрольной группе семей (где несчастные случаи не имели места. — *Прим. пер.*) одного возраста и со сходной историей жизни Хелен Мартин обнаружила лишь трех женщин, которые имели похожие ощущения по отношению к своим мужьям.

Патологическую тягу к совершению преступлений можно объяснить нежеланием играть по правилам взрослых и трудиться наравне с другими людьми. Заядлый вор, возможно, не способен вынести то, что ему приходится работать за необходимые и желаемые предметы, тогда как ему хочется получить их просто так, задаром, как от матери. Его мало волнует, что ему приходится рисковать чересчур многим, чтобы получить что-либо «бесплатно»; для него важно, что в конечном итоге он заполучит от Матери Вселенной желаемое, ничего не отдавая взамен.

Потребность в наказании, или, как может казаться вору, потребность во внимании к своей персоне, нередко один из аспектов инфантильных взаимоотношений с обществом, у которого вор крадет ценимые в нем вещи, знаки любви.

Эти явления далеко не в новинку для исследователей поведения в цивилизованных обществах, но если рассматривать такие явления с точки зрения искаженного континуума, то они могут приобрести новое значение.

Физическое заболевание, которое можно трактовать как попытку организма обрести равновесие после или во время агрессивного на него нападения, имеет соответственно несколько функций. Одна из них, как было описано ранее, это «нейтрализующее» действие, сравнимое с тем

эффектом, которое имеет наказание для облегчения невыносимого чувства вины.

В моменты особой потребности в эмоциональной поддержке континуум может вызвать у нас физическое заболевание, подразумевающее, что другие возьмут на себя уход за больным, уход и заботу, которую трудно получить здоровому взрослому. Этот уход могут осуществлять как члены семьи, друзья, так и больница. Больница хоть и кажется чем-то безликим, на самом деле ставит пациента в положение ребенка. Она может быть недоукомплектована персоналом или лечить по старинке, однако больница берет на себя ответственность за кормление, а также принимает за него все решения, что так похоже на отношение к нему в свое время равнодушной матери. Возможно, в больнице пациент не получит всего необходимого, но это самый легкодоступный из возможных вариантов.

В Лоебском центре по уходу и реабилитации при Монтефьерской больнице, расположенной в Нью-Йорке, было сделано несколько открытий, вполне объяснимых с точки зрения континуума. В 1966 году центр заявил, что ему удалось снизить процент повторного приема на лечение на 80%, применяя метод «полного принятия» и поощряя пациентов рассказывать о своих проблемах. Директор и соучредитель центра медсестра Лидия Холл утверждала, что медицинский уход в центре был максимально приближен к уходу матери за новорожденным ребенком. «Мы незамедлительно удовлетворяем потребности и требования пациентов, какими бы пустячными они нам ни казались», — говорила она.

В словах помощника директора центра Женроз Альфано явно прослеживается утверждение, что под воздействием стресса человек отбрасывается на младенческий эмоциональный уровень: «Многие люди заболевают лишь из-за того, что не могут справиться с жизненными ситуациями. Но когда они учатся выпутываться из своих проблем самостоятельно, им уже болеть незачем».

Конечно, перед тем как заболеть, большинство пациентов тем или иным способом пытались самостоятельно справиться со своими трудностями, но когда становилось ясно, что это уже для них слишком, им требовалась поддержка со стороны. Используя метод «материнской заботы», центр обнаружил, что пациенты идут на поправку гораздо быстрее. По данным Лидии Холл, переломы бедренной кости (часто встречающаяся травма) заживают в два раза быстрее, чем у пациентов в удовлетворительном состоянии, которых лечат обычным способом. Обычно после инфаркта пациенты вылеживают в постели три недели, но, по

словам кардиолога Иры Рубин, пациенты центра успешно встают на ноги уже после второй недели.

«Если взять находящегося в социальной изоляции престарелого человека и окружить его равнодушными людьми, кому, бы он мог излить душу и рассказать о семейных неурядицах, то в результате этот человек гораздо быстрее возвращает свой мышечный тонус», — говорит Ира Рубин.

В центре было проведено исследование, для этого наугад выбрали 250 пациентов, из них за период в 12 месяцев лишь 3,6% были повторно приняты на лечение; если сравнивать с пациентами, получающими медицинский уход на дому, то повторно лечившихся стало уже 18%. Эти данные служат свидетельством того, что уход, сходный с материнским, лучше восполняет эмоциональные бреши, которые, собственно, и привели человека в больницу. Удовлетворение недостатка в положительных эмоциях устраняет потребность быть зависимым и придает силы для возвращения к своему нормальному ритму жизни.

Если провести исследование, то наверняка выяснится, что самым непосредственным проявлением обделенности в опыте «ручного периода» является зависимость от наркотиков, таких как героин. Только исследование может установить точную связь между обделенностью и тягой к алкоголю, табаку, азартным играм, успокоительным и снотворным таблеткам или же к обгрызанию ногтей. Когда же такие связи будут установлены научным путем, многие из них можно объяснить с позиции континуума.

Но для простоты рассмотрим только зависимость от героина. Героин вызывает быстрое привыкание, организм требует все большую дозу, а также по мере употребления эффект постоянно уменьшается. Так, все большие дозы наркотика производят все меньший желаемый эффект. По мере привыкания наркоман уже употребляет героин не столько для того, чтобы испытать «кайф», сколько для избежания симптомов «ломки». Пытаясь все же словить свой «кайф», наркоман может не рассчитать дозу. И тогда передозировка. Смерть.

Но чаще наркоманы добровольно подвергают себя мучениям «ломки», чтобы «очиститься» и освободить себя от необходимости постоянно увеличивать дозу героина. Они снова и снова освобождаются от физической зависимости не только для того, чтобы успешно бороться с «ломкой», но и иметь возможность снова ловить свой «кайф». Таким образом, в основном наркоман страдает от отказа от героина наперекор яростным требованиям организма, вопреки боли и невыносимым мучениям

«ломки» для того, чтобы заново получать «кайф». Он заранее знает, что рано или поздно ему снова придется пройти через семь кругов ада, но его это совсем не отпугивает.

Но почему? Если они могут избавиться от своей зависимости, то зачем снова привыкать к наркотику? *Что же такое этот «кайф», чем он так привлекателен, что даже просто воспоминания о нем вынуждают сотни тысяч людей отказываться от наркотика, снова привыкать, играть со смертью, воровать, заниматься проституцией, бросать дом и семью и все, что им было дорого?*

По моему мнению, эту роковую тягу к «кайфу» так и не поняли до конца. Ее постоянно путают с физической зависимостью от наркотика, вызванной химическим дисбалансом в организме, которая вынуждает не только продолжать употребление, но и увеличивать дозы. Но как только человек отказался от приема героина и последние следы его были выведены организмом, химический баланс восстановлен и физическая зависимость исчезла. Остались лишь воспоминания, навсегда запечатлевшие былые ощущения от наркотика.

Двадцатичетырехлетний наркоман пытается объяснить это. Вот его слова:

«Дольше всего по своей воле я продержался без наркотиков тогда, когда умер от передозировки мой старший брат. Тогда мне больше не хотелось продолжать. Думаю, меня хватило где-то на две-три недели. Тогда мне казалось, что из-за брата я действительно завязал. Но однажды я не удержался из-за второго своего брата. Я увидел его на углу улицы. На нем лица не было. Ему было явно совсем худо. У меня-то все было *замечательно*, я был весь разодетый и довольный жизнью. А ему было плохо. Тогда я спросил его: «Чего бы тебе хотелось больше всего? Какое твое самое заветное желание?» И он ответил: «Две дозы». Тогда я дал ему шесть долларов. Я знал, куда он сейчас пойдет и что будет делать, и какие ощущения испытает.

Должно быть, я уже прочно запал на «кайф».

Я посмотрел на брата. Он знал, о чем я думаю, и пожал плечами, как бы говоря мне: «А мне все равно». Тогда я сказал парнишке: «Слушай, вот еще шесть долларов. Возьми еще две». Потом мы закрылись в ванной в одном отеле. Сначала ввели дозу брату, потому что он был болен. Он уже ловил «кайф», тогда я набрал в шприц себе. И вот я сидел с этой дрянью в руке и все думал об умершем старшем брате. Мне не хотелось колоться из-за того, что произошло с ним. Тогда я мысленно сказал ему: «Надеюсь, ты все поймешь. Ты же знаешь, что это такое».

Он думал, что старший брат простит его за то, что даже его смерть не поборола тяги к «кайфу». Старший брат и сам испытывал его и должен понимать, что все, что остается, — это вернуться к игле. Память об удивительном ощущении уже засела в его уме, как он сам выразился: прочно запал на «кайф». Но почему так происходит? В его словах звучат лишь смутные намеки. Какая часть человеческого разума решает пожертвовать ради наркотика всем, чем только возможно?

Другой наркоман объясняет это так. Он говорит, что людям для счастья нужно множество разных вещей: любовь, деньги, власть, жена, дети, внешность, статус, одежда, красивый дом, да и мало ли что, а наркоману нужно одно, все его потребности можно удовлетворить одним махом — наркотиком.

Это чувство «кайфа» обычно считают чем-то причудливым и странным, не имеющим ничего общего с ощущениями в нормальной жизни и никак не соотносящимся с человеческой личностью. Про наркоманов лишь говорят, что они жалкие, слабые, незрелые, безответственные. Однако это не объясняет, почему же наркотик привлекателен настолько, что может перевесить все другие блага цивилизации, к которым жалкая личность могла бы иметь некоторую слабость. Жизнь героинового наркомана, мягко говоря, не из легких, поэтому было бы неправильно сбрасывать его со счетов как слабовольного недотепу. Остается только четко понять разницу между временно «чистым» человеком, склонным снова сесть на иглу, и тем, кто никогда не пробовал наркотиков.

Одна девушка-наркоманка, когда ее спросили, смотрела ли она на проходящих по улице нормальных девушек, перебила: «Завидовала ли я им? Да. Каждый день. Потому что они не знают того, что знаю я. Я бы не смогла быть такой же нормальной, как они. Однажды я пыталась, но когда я опять укололась, то один укол перечеркнул все мои старания, потому что только в тот момент я все понимала, я знала». Но и она не смогла ясно выразиться и описать, а лишь намекнула на это важнейшее чувство. «Я знала, что значит быть на вершине счастья. Я знала, что чувствуешь, накачавшись наркотиками. Не в первый раз я заставила себя отказаться от привычки, а это была *самая вредная* из тех, с какими мне приходилось бороться. И я отказалась от нее, черт побери, только по собственной воле. Но все равно вернулась к наркотикам».

После того, что пережила эта девушка, ее нельзя назвать слабавольной, а пережила она немало: отказ от наркотика даже без перехода на более мягкий, типа метадона; при этом она не находилась в тюрьме или больнице, где наркотики просто недоступны и, следовательно,

не создают соблазн начать снова. Но чего она не смогла сделать — это забыть о том, что она узнала, забыть о том, чего не знает обычная девушка, забыть о том... что такое «кайф».

Мне кажется, было бы наивным полагать, что те, кто не знает, что открывается наркоману, повели бы себя иначе, чем он, если бы узнали о чувстве «кайфа». Существует множество случаев возникновения точно такой же зависимости у «нормального» человека, которому в больнице был прописан морфий в качестве обезболивания в случаях тяжелых заболеваний. Человек становился морфинистом, совершал преступления, чтобы как-то поддержать свою привычку без помощи медицины. Семья и дом не имеют достаточной силы и ценности, чтобы противостоять этому необъяснимому влечению к наркотикам. Дальше все идет по накатанной колее.

Психиатры, долгое время изучающие жизнь наркоманов, говорят, что у большинства из них наблюдается обостренный нарциссизм и что их увлечение героином — это внешнее проявление более глубоко сидящей озабоченности собственной персоной. Их детские желания также принимают и иные формы. Наркоманы демонстрируют присущие взрослому человеку невероятную хитрость и выдержку при добыче героина, но как только наркотик у них в руках, этих их качеств как не бывало. Они очень неосмотрительны и уязвимы для полиции — их притоны у всех на виду, они неоправданно рискуют своей жизнью и свободой, но неизменно списывают свой арест на то, что их кто-то заложил, или на другие обстоятельства.

Замечено, что основной эмоциональной чертой наркомана является огромное нежелание брать на себя ответственность за свою жизнь. По рассказам одного психиатра, когда его пациентка-наркоманка увидела другого пациента, подключенного к аппарату искусственного дыхания, она пришла в негодование и потребовала себе такой же аппарат.

Похоже, что то чувство, которое дает героин, очень сходно с ощущениями, которые испытывает ребенок на руках у матери. Долгие и бесцельные поиски чего-то необъяснимого и беспредметного заканчиваются, как только героиновый наркоман вводит свою дозу и испытывает искомое ощущение. Теперь он знает, как достичь этого чувства, и другие способы его достижения, которыми пользуются все остальные, наркомана уже не привлекают. Наверное, именно это и значили слова девушки-наркоманки: «...когда я опять укололась, то один укол перечеркнул все мои старания, потому что только в тот момент я все понимала, я знала». Она говорит о своих «стараниях» найти другие

способы достижения этого чувства в обход наркотиков. На самом деле «другие способы» — это блуждание в потемках, на ощупь; длинный путь, ведущий в тупик, но мы кладем жизнь, чтобы пройти этот путь и ничего не найти в конце. «Чистый» человек не осознает непосредственной цели его поисков и поэтому более или менее спокойно блуждает в лабиринте своих иллюзий, думая, что идет в правильном направлении. Попутно он находит маленькие радости жизни и частично ими удовлетворяется. Но наркоман знает, где искать, где можно заполучить все сразу, так же как и ребенок получает все желаемое на руках своей матери; и наркоман не может удержаться и возвращается к своему кайфу, измученный чувством вины, затравленный, изможденный и больной, возвращается к тому, что на самом деле по праву принадлежит ему от рождения. Никакие опасности, наполняющие жизнь наркомана, и даже смерть не могут отвлечь его от удовлетворения своей жизненной потребности. Личность наркомана, сконцентрированная на героине, отбрасывает последние остатки зрелости, которые ей удалось достигнуть, и остается на уровне ребенка, где его континуум был прерван.

Большинство наркоманов, если им удалось выжить, рано или поздно *прекращают* употреблять наркотики, предположительно из-за того, что под воздействием героина им удалось восполнить недостаток опыта «ручного периода» и они наконец эмоционально готовы к получению опыта другого рода, совсем как ребенок екуана готов к тому же в возрасте одного года. Трудно как-то иначе объяснить такой резкий разрыв с наркотиками, но факт остается фактом: среди старших поколений наркоманов практически нет, и совсем *не* потому, что все они умерли.

Бесполезно даже пытаться угадать, какую часть упущенного опыта «ручного периода», который длится от шести до восьми месяцев, нужно воспроизвести, чтобы пациент мог свободно перейти на следующий эмоциональный уровень. Возможно, исследования покажут, что лечение, описанное в послесловии, может и заменить употребление наркотиков. Если да, то наркоман лишь кажется больным, так как болезнь, наблюдающаяся у всех, у него просто всплыла на поверхность; для борьбы со своим недугом он избрал смертельно опасный наркотик, заменяющий опыт на руках у матери. Они могут больше нас нуждаться в лечении, но, возможно, когда-нибудь мы поймем, что это единственное отличие между ними и большинством из нас.

Однажды я увидела воскресную вечернюю телевизионную программу, где шли ожесточенные дебаты о нравственности. В них участвовали священники, гуманисты-атеисты и молодой человек хипповатого вида,

который выступал за легализацию гашиша как первого средства в оздоровлении общества. Там выступала монашка и пара писателей, у которых также были собственные взгляды на правильное поведение человека. Мне показалось, что, несмотря на разногласия и тот пыл, с которым они отстаивали свои мнения, в позициях всех участников было больше сходств, чем различий. Все они были сторонниками той или иной жесткой линии. Все они были по-своему идеалистами. Одни стояли за ужесточение дисциплины и введение всяческих ограничений, другие — за большую свободу, но все они хотели улучшения условий для человека. Они все были ищущими, живущими по принципу «если бы только...», различались лишь те варианты, которые могут следовать после их «если бы...».

Мне кажется, что то, что мы называем «нравственностью», есть чувство континуума в различных его проявлениях. Мы все хотим, чтобы устройство общества отвечало потребностям человека-животного, при этом не слишком ограничивая нашу свободу и оставляя за нами право выбора поведения в пределах, гарантирующих благополучное существование. Эти люди, принадлежащие к «прогрессивному» обществу, далеко ушедшему от континуума, пытались найти путь к устойчивому счастливому состоянию человека, к состоянию, достигаемому обществами континуума путем долгой социальной эволюции.

Существуют два основных фактора, формирующих наше ощущение дискомфорта и неадекватности. Один из них — это чувство континуума, которое действует как мерило, определяющее соответствие (или несоответствие) происходящего ожиданиям индивида; другой — еще более древний, лежащий в глубине подсознания.

В любой мифологии есть положение, что когда-то люди были безмятежны и спокойны, затем утратили это чувство, но когда-нибудь могут обрести его вновь.

Тот факт, что все человечество утратило беззаботность и спокойствие, нельзя списывать лишь на потерю человеком своего места в континууме в раннем детстве и недостатком соответствующего обращения и окружения. Даже у расслабленных и веселых екуана, получивших сполна ожидаемый опыт, существуют мифы о грехопадении человека и утверждение, что с тех пор люди так и живут вне состояния благодати. Но их мифология все же оставляет человеку надежду вернуть потерянный рай при помощи ритуалов, традиций и жизни после смерти. Описание подробностей обретения рая выходит за рамки темы этой книги. Здесь важно отметить общую для мифологических систем различных культур структуру. Похоже,

просто родиться человеком уже достаточно, чтобы у него присутствовали внутренние желания и стремления, для толкования которых и необходимы мифологические объяснения и обещания.

Может показаться, что за сотни миллионов лет, прошедшие до того, как наши предки развили у себя интеллект, способный размышлять на тревожные темы смерти и смысла жизни, человек действительно жил в абсолютной безмятежности, жил лишь только настоящим. Как и любое другое животное, он мог наслаждаться способностью не волноваться и не переживать. Конечно, и зверям приходится терпеть различные лишения, голод, раны, страхи, но то, что постигло человека — потеря состояния безмятежности, — везде трактуется как сделанный им неправильный выбор. Однако, как мне кажется, выбор, даже неправильный, может сделать существо с разумом, достаточно развитым для того, чтобы принимать решения о выборе. Потеря спокойствия становится возможной лишь с достаточным развитием способности делать выбор. Человек обрел возможность выбирать, но потерял радость невинности (то есть невозможность сделать неправильный выбор). Потеря невинности заключается не в том, что человек сделал неправильный выбор, а вообще в способности выбирать. Нетрудно представить, что эти сотни миллионов лет невинности, в которой существовали наши предки, наложили такой отпечаток на наши долгосрочные ожидания, что нам все кажется, что безмятежность, спутница невинности, может быть каким-то образом обретена нами вновь. Мы наслаждались безмятежностью в утробе матери и потеряли ее в детстве, когда научились думать. Это ощущение, кажется, где-то совсем близко, его можно вот-вот вспомнить, обрести вновь, но оно снова ускользает и пропадает в суете мыслей, А в моменты просветления или сексуального экстаза нам чудится, что мы уже в нем, мы вспомнили... но экстаз прошел, всплывают осознание прошлого и будущего, воспоминания и утверждения, которые рушат хрупкое чувство настоящего, простое и прекрасное ощущение «я есть».

В погоне за этим незамутненным ощущением собственного бытия, «таковости» всего окружающего, восприятием мира без необходимости выбора и сравнений таким, какой он есть, человек придумал ритуалы и системы, с помощью которых можно остановить процесс мышления. Он изобрел способы, как обуздать непрерывный галоп мыслей, погрузиться в мир и просто быть. Человек стал тренировать свое сознание с помощью сосредоточения на ощущении пустоты, каком-либо предмете или слове, молитве или упражнении. Он, причиняя себе физическую боль и неудобства, пытается отвлечь ум от постоянной работы, отбросить

предвззудки и вернутьс в нстзщее.

Обычно этот процесс «недумания» называют медитацией. Медитация является основным методом многих духовных школ, которые пытаются повысить уровень спокойствия. Часто в медитациях используют повторение мантры — определенного слова или предложения, которая вытесняет ассоциативное мышление — продукт разума. Когда поток мыслей замедляется и вовсе останавливается, физическое состояние человека меняется и в некотором роде напоминает состояние младенца. Дыхание становится поверхностным, и, по данным недавних исследований, мозг начинает излучать особые волны, не свойственные взрослому ни в состоянии сна, ни во время бодрствования.

Те, кто регулярно занимается медитацией, отмечают очевидное повышение уровня безмятежности, иногда называемой духовностью, которая благотворно влияет на другие стороны их жизни, даже те, в которых человек не делает усилий сдерживать поток мыслей. Как и в случае с людьми цивилизации, обделенными опытом «ручного периода», занимающиеся медитацией пытаются восполнить недостаток опыта путем воспроизведения в себе недополученных ощущений ребенка на руках у матери, ощущений, которых также возможно достичь, принимая наркотики. Наиболее обделенные люди западных культур потратят немало времени, чтобы выбрать медитацию для достижения состояния «правильности» годовалого ребенка, живущего по законам континуума. Этим людям понадобится несравнимо больше времени для восстановления своей безмятежности, чем представителям других культур, где дети гораздо дольше находятся на руках у матерей.

Представители азиатских культур в основном меньше страдают от недостатка правильного младенческого опыта, чем европейцы, и обладают значительно большим внутренним спокойствием. Если они последуют одной из своих школ духовного развития, будь то дзен, йога, медитация или что-то еще, то намного быстрее начнут добиваться успехов в восстановлении полного душевного спокойствия, потерянного из-за утраты человеком своей животной невинности. Наиболее насущные детские потребности должны быть удовлетворены в первую очередь, но время и упорство действительно позволяют им достигать все более мирных состояний, вплоть до простого, невозмутимого состояния, которое делает их невосприимчивыми к заботам, продолжающим волновать остальных людей. Мудрецы, святые, или гуру, — это мужчины и женщины, освободившиеся от власти своего мыслительного процесса; они не наделяют окружающие их предметы и события относительной важностью,

которой наделяем их мы.

В то время, когда я с ними познакомилась, многие индейцы санема, даже больше, чем соседние екуана, были активно вовлечены в культивирование большего спокойствия, или духовности. Их метод включает использование время от времени галлюциногенов, но в основном заключается в пении. Пение начинается с повторения одной короткой музыкальной фразы из трех-четырех слогов и продолжается безо всякого напряжения, как мантра, до тех пор, пока не начинает изменяться и усложняться (добавляются новые ноты и слоги) безо всякого сознательного усилия со стороны певца. Опытные певцы, как и люди, продвинувшиеся в медитации, каждый раз быстро находят путь к расслаблению, и переход от мышления к созерцанию происходит легко. Новички же должны быть настороже, чтобы не прилагать усилия и не допускать вмешательства интеллекта, и возвращаются к исходной фразе каждый раз, когда ум вносит какую-то мысль, нарушающую полностью свободные изменения в пении.

Так как санема, подобно екуана, не обделены ожидаемым ими обращением в младенчестве, они изначально уже стоят значительно дальше нас на пути к спокойствию. Обладая зрелой личностью, крепко укоренившейся в чувстве собственной правоты, санема, часто достигающий продолжительного состояния безмерного блаженства младенца, может развить свободу от остаточных действий интеллекта намного быстрее и эффективнее, чем мы.

Доля индейцев санема, достигнувших поистине удивительных состояний радости и гармонии с миром, просто поразительна и намного превышает все, что можно найти в цивилизованном обществе, на Востоке или на Западе. В каждом клане есть несколько человек, живущих так же легко и счастливо, как самые продвинутые гуру. Я была знакома с семьями, в которых почти каждый взрослый обладал этими качествами, столь редкими в условиях цивилизации.

Я быстро научилась достаточно точно определять, кто из группы санема был шаманом, по особому выражению их лиц. Именно такие просветленные люди обычно становятся шаманами.

Связь между безмятежным состоянием продвинутого певца и силами, которыми он может обладать как шаман, сложна и таинственна. То немногое, что я об этом знаю, не имеет отношения к нашему вопросу. Имеет отношение степень благополучия, которой они достигают, и почему они ее достигают.

Ритуал — это еще одна форма освобождения от бремени принятия

решений. Речь и действия выполняются с использованием ума и тела в заранее заданной последовательности. Нервная система занята действием и восприятием, но при этом не нужно думать и делать выбор. Человек находится в положении младенца или другого вида животных. Во время ритуала, особенно если человек исполняет активную роль, например, танцует или поет, организм управляется силами намного более древними, чем интеллект. Интеллект бездействует; он прекращает свой бесконечный галоп от ассоциации к ассоциации, от догадки к догадке, от решения к решению. Покой освежает не только разум, но и всю нервную систему. Он добавляет еще крупицу спокойствия в противовес беспокойству, возникающему вместе с мыслью.

Повторение с давних пор широко использовалось с той же целью. Будь то мерный бой барабана, монотонное пение слога, одурманивающие, выключающие разум ритмы дискотеки (особенно если танцуешь до упада) или пятьдесят раз произнесенная «Отче наш», человек становится «чище». Возбуждение отступает, и воцаряется спокойствие. Сидящему внутри нас томящемуся младенцу на время становится легче, восполняется очередная крупица пропущенного опыта. Для тех же, в ком осталась только ностальгия по животной невинности, наступает успокоение и в этом. Все, кто на время передает власть из рук интеллекта в руки существования, незамутненного мыслью, делают шаг в направлении большего благополучия.

Глава шестая. Общество

Культуры, соответствующие и не соответствующие континууму. Одинаковость, надежность, право не скучать. Куда делась радость?

По мере взросления нам становится все легче приспосабливаться к самым разным обстоятельствам, но тем не менее всегда есть границы оптимальных для нас условий. Удовлетворение потребностей младенца во многом зависит от поведения его опекуна; взрослеющий же индивид для удовлетворения своих врожденных ожиданий все больше нуждается в поддержке общества и культуры. Человек может *выжить* в условиях, не соответствующих его континууму, но при этом он теряет чувство радости и способность к самореализации как полноценного человеческого существа.

Бывает так, что человеку жизнь становится не мила, так как силы континуума, неуклонно стремящиеся к восстановлению баланса, нейтрализации вреда и заполнению этапов развития, среди своих инструментов используют волнение, боль и множество других способов, сигнализирующих человеку о внутреннем неблагополучии. В результате возникает состояние несчастья во всех его проявлениях. В условиях цивилизации обычным результатом работы этого механизма становится постоянное страдание. Часто застарелые неудовлетворенные потребности давят изнутри, в то время как обстоятельства жизни давят извне, а мы не готовы или недостаточно зрелы, чтобы справиться с ними. Мы ведем образ жизни, к которому нас не подготовила эволюция, при этом справиться с этими неестественными условиями становится чрезвычайно сложно, ибо наши способности ущербны из-за перенесенных лишений в младенчестве и детстве.

Повышение уровня жизни обычно не влечет за собой рост благополучия или качества жизни. Правда, это не относится к беднейшим слоям общества, где голод и холод все еще присутствуют как факторы, ведущие к потере благополучия. Чаще же причины несчастья менее очевидны.

Пожалуй, наиболее частой причиной утраты благополучия и возникновения неприятных чувств является появление сомнений в своей способности справиться с жизненными проблемами. Глубоко укоренившееся чувство недостатка чего-то важного, делающего реальность правильной, подрывает внутреннюю основу человека, и тот легче становится жертвой беспокойства по поводу превратностей повседневной

жизни. Но наши ожидания включают в себя и ожидание подходящей культурной среды, в которой мы можем развить свои способности; и там, где условия жизни не соответствуют параметрам этих ожиданий, происходит снижение благополучия.

Совершенно бесполезно пытаться вообразить себе, как выглядело бы наше общество, если бы оно отвечало требованиям континуума. Более того, даже если и произошли бы какие-то изменения в этом направлении, от них было бы мало толку. Пока мы сами не станем такими, какими должны быть люди в новом, идеальном с точки зрения следования континууму, обществе, любые внешние изменения будут бесполезными, обреченными на немедленное искажение и неизбежное разрушение. Между тем необходимо определить, какими качествами в том или ином виде обязательно должна обладать идеальная культура, отвечающая требованиям континуума ее членов. Во-первых, ей необходим язык, при помощи которого человек может реализовать свой потенциал в словесном общении. Ребенку нужно слышать, как разговаривают между собой взрослые, а также общаться со сверстниками на уровне, соответствующем его интересам и развитию. Также важно, чтобы в его окружении были дети постарше, задающие младшему направление, в котором ему нужно развиваться. Это поможет малышу ознакомиться с содержанием будущего круга интересов, которые он постепенно сделает своими.

Точно так же занятия ребенка предполагают наличие общения и примера. Если общество не может обеспечить эти два элемента, его члены будут действовать менее эффективно и их благополучие снизится.

Наглядным подтверждением неблагополучия нашего общества служит проблема отцов и детей. Если младшее поколение не хочет гордиться тем, что становится похожим на старшее, значит, общество потеряло свой континуум, стабильность, и скорее всего не имеет культуры в полном смысле этого слова, ибо господствующее в нем мировоззрение изменяется от одного неудовлетворительного набора ценностей к другому. Если молодежь чувствует, что старшие смешны, не правы или скучны, то первые теряют пример для подражания и направление для развития. Молодое поколение будет чувствовать себя потерянным, униженным, обманутым и озлобленным. Старшие будут испытывать те же чувства из-за нарушения непрерывности в культуре и будут страдать из-за своей бесполезности среди молодежи.

Членам возникшего эволюционным путем стабильного, гордого и счастливого общества не нужны постоянные обещания «светлого будущего» (а без ожидания «лучших времен» *наша* жизнь показалась бы

нам просто невыносимой). Их сопротивление переменам обеспечивает сохранность традиций и предотвращает инновацию. Наша же ненасытность, вытекающая из массового лишения правильного опыта в младенчестве и из отторжения, пересиливает естественное сопротивление человека переменам и заставляет его постоянно надеяться «на лучшее», невзирая на то количество благ, которыми он уже обладает.

Нам нужен неизменный образ жизни, требующий сотрудничества членов общества в рамках, не выходящих за пределы их естественных склонностей. Работа должна быть такого рода, чтобы человек, ранние потребности которого были удовлетворены, мог бы получать от нее удовольствие и, следовательно, мог бы беспрепятственно реализовывать свои способности и желание вести себя социально. Семьи должны находиться в тесном контакте друг с другом, и каждый человек на протяжении всей рабочей жизни должен иметь возможность быть в коллективе и сотрудничать с другими членами общества. Женщина, проводящая все время одна с детьми, лишена социальной стимуляции и нуждается в эмоциональной и интеллектуальной поддержке, которую дети обеспечить не могут. Результаты плачевны для всех: для матери, ребенка, семьи и общества.

Наши домохозяйки вместо того, чтобы жаловаться на свою скучную тяжелую жизнь, могли бы договориться работать по дому в компании рядом живущих подруг, например, сначала в доме одной из них, а потом в доме другой. То, что сегодня называют игровыми группами, имеет в себе все составляющие, необходимые успешной рабочей группе, в которой матери, а также и другие люди могли бы заниматься полезной и интересной работой, в то время как их дети изобретают собственные игры или участвуют в работе взрослых. В этом случае детям не нужно уделять внимание сверх того, что совершенно необходимо, чтобы позволить им участвовать в работе взрослых. Если дети находятся на периферии, а не в центре забот взрослого, они с легкостью найдут себе интересное занятие, развиваясь таким образом в своем темпе без всякого давления извне. Это происходит при условии, что в пределах досягаемости детей имеется достаточно предметов и места, чтобы оттачивать свои способности и открывать новые. Какой бы ни была основная деятельность группы: вязание, изготовление какого-либо изделия, рисование, лепка, ремонт или что-то еще, — это должно делаться в основном взрослыми и для взрослых. Детям же позволительно участвовать в общей работе при условии, что они не создают излишних помех работе взрослых. Таким образом, каждый будет вести себя естественно и легко. Родителям не придется прилагать

усилия к тому, чтобы низводить себя до уровня ребенка. Детям не придется выполнять указания взрослых и выслушивать их нотации, подавляющие инициативу и не позволяющие ребенку развиваться постепенно и бесконфликтно, следуя собственным инстинктам.

Дети для того, чтобы постоянно иметь перед глазами пример взрослых, должны иметь возможность ходить с родителями, куда бы они ни направлялись. В нашем обществе это почти невозможно. В таком случае школьные учителя, вместо того чтобы «поучать», могли бы более полно использовать склонность детей к подражанию и тренировке способностей по собственной инициативе.

В обществе, соответствующем континууму, разные поколения должны жить под одной крышей к обоюдной пользе. Дедушки и бабушки в меру своих сил помогали бы молодым, а люди в расцвете своих трудовых способностей обслуживали бы стариков и детей. Но, опять же, разные поколения уживались бы вместе легко и гармонично лишь в случае, если каждый член семьи представлял бы собой зрелую, полноценную личность. В противном случае, как то неизбежно случается в нашем обществе, все члены семьи за счет друг друга станут стремиться удовлетворить остаток детских потребностей во внимании и заботе.

В идеальном обществе лидеры возникают естественным образом, примерно так же, как это происходит среди детей, и ограничиваются проявлением инициативы только там, где индивидуальные усилия неэффективны. Именно последователи выбирают себе лидера и могут свободно менять его по своему усмотрению. В культуре континуума, схожей с культурой екуана, деятельность лидера минимальна, и каждый индивид при желании имеет право не следовать решениям лидера. Но пройдет немало времени, прежде чем мы сможем успешно жить в условиях, столь близких анархии. Тем не менее полезно иметь в виду такую идеальную структуру общества как направление, в котором нам стоит развиваться, при условии, что наши культурные и демографические трудности нам это позволят.

Количество людей, живущих и работающих вместе, варьировалось бы от нескольких семей до нескольких сот человек, так, чтобы каждый был заинтересован в поддержании хороших отношений с остальными. Осознание необходимости длительного и тесного контакта с одними и теми же людьми — сильный стимул к тому, чтобы относиться к ним честно и уважительно. Это можно проследить и в нашем обществе, где соседи в сельских общинах или маленьких деревнях оказываются живущими вместе как маленькое общество. Человек никак не может жить среди тысяч или

миллионов других людей. Он может поддерживать отношения только с ограниченным числом людей. Поэтому в больших городах, несмотря на огромное население, каждый человек имеет более-менее соответствующий размерам племени круг знакомых по работе и в обществе. При этом огромное число людей вокруг создает у человека впечатление, что существуют бесконечные возможности установления новых отношений, если старые вдруг испортятся.

У екуана я научилась куда более утонченным способам общения с людьми, чем те, что я узнала в цивилизованном обществе, Их способ приветствия гостей показался мне необыкновенно здравым.

Впервые я наблюдала его, когда пришла в деревню екуана с двумя другими индейцами из далекого поселения. Тогда от меня не ожидали знания правильного поведения, поэтому один старик, живший в молодости среди венесуэльцев и немного говоривший по-испански, вышел и поприветствовал меня обычным венесуэльским похлопыванием по плечу и после короткого разговора показал мне, где повесить гамак.

С моими попутчиками обошлись совсем не так. В полном молчании они сели неподалеку под большой круглой крышей. Жители деревни ходили мимо навеса по своим обычным делам, но никто даже краем глаза не взглянул на гостей. Около полутора часов двое мужчин сидели неподвижно и молча, затем подошла женщина, не проронив ни слова, положила перед ними на землю пищу и удалилась. Мужчины принялись за еду не сразу, лишь через некоторое время они молча поели. Затем женщина пришла снова и забрала чашки. Прошло еще некоторое время.

Наконец один индеец подошел к гостям непринужденной походкой и встал, опершись на столб, поддерживающий крышу. Немного повременив, он мягко сказал несколько слов. Прошло около двух минут, прежде чем старший гость так же коротко ответил. И снова молчание. Когда они заговорили вновь, казалось, что их слова чудесным образом возникали из царящей тишины и исчезали. Никто не мешал спокойствию и достоинству путников. Беседа оживилась, и к навесу стали подходить новые люди. Какое-то время они слушали молча, а потом включались в разговор. Казалось, все они ощущали спокойствие двух гостей и заботились о его сохранении. Никто не перебивал друг друга; ни в одном голосе не звучало эмоционального напряжения. Беседующие оставались спокойными и уравновешенными.

Вскоре десяток мужчин дружно заливались смехом над рассказанными историями.

На закате у навеса уже собрались все мужчины деревни, а женщины

принесли еду. Люди делились новостями и много смеялись. И жители деревни, и гости полностью адаптировались к обстановке безо всякой необходимости выказывать ложную радость или нервничать. Молчание не означало нежелание общаться, но лишь дало каждому путнику время полностью успокоиться и увериться в том, что у окружающих также царили мир и спокойствие.

Когда мужчины этой деревни отправлялись в дальние походы меняться товарами с другими индейцами, по их возвращении семьи и соплеменники встречали их точно так же: их на некоторое время оставляли в тишине для того, чтобы те вновь почувствовали ритм жизни в деревне; затем к ним спокойно подходили родственники и друзья без всякого давления или выражения бурных чувств.

Обычно все иностранцы или представители других рас и народов (и тем более примитивных народов) воспринимаются на одно лицо. Конечно же, это не так. Следование местным обычаям делает поведение членов общества схожим, но различия между индивидами в идеальном обществе — это не патологическое отклонение от нормы, а свободное выражение врожденных черт характера. В идеальном обществе не нужно бояться таких различий или пытаться их подавить.

Напротив, в цивилизованных обществах, в зависимости от степени отклонения от континуума, различия между людьми — во многом проявления всевозможных искажений личности, вызванных разного рода лишениями детского опыта, которые они испытали. Таким образом, различия между людьми часто носят антисоциальный характер, и общество становится склонным бояться их, а заодно и всех других проявлений отличия отдельных членов общества от принятых стандартов. В целом чем дальше культура ушла от континуума, тем больше будет давление на индивида, с тем чтобы заставить его во внешних проявлениях быть «как все» в обществе и в семье.

Однажды я с удивлением наблюдала, как одному екуана взбрело в голову вскарабкаться на вершину холма, у подножия которого находилась его деревня, и там битый час долбить в барабан и орать изо всех сил, пока он не удовлетворил эту свою потребность. Он чувствовал, что действует по личным мотивам, и сделал это безо всяких видимых опасений того, что о нем могут подумать соседи, хотя его поведение было необычным. Меня этот случай просто сразил наповал, так как я всегда придерживалась неписаного правила моего общества, в соответствии с которым «нормальные» люди подавляют в себе свои странные или «безумные» импульсы, с тем чтобы не вызывать к себе страх или недоверие.

Естественным следствием этого правила в нашей культуре является то, что самые известные и уважаемые члены нашего общества — кинозвезды, звезды эстрады, люди типа Уинстона Черчилля, Альберта Эйнштейна или Ганди — имеют привилегию одеваться и вести себя нетрадиционно, вызывая и экстравагантно. Вряд ли они могли позволить себе такое поведение до того, как стали популярными, а значит, вне подозрения. Даже серьезные отклонения от нормы американской актрисы Джуди Гарланд шокировали публику гораздо меньше, чем если бы такими отклонениями страдал сосед по лестничной площадке. Она была признанной миллионами знаменитостью, поэтому можно было без страха принимать все, что она делает. Человеку не приходилось рассуждать и как-то расценивать ее поведение. Он просто принимал его, так же как и миллионы других людей.

В нашем обществе очевиден тот факт, что наименее надежные среди нас наиболее подозрительны по отношению к другим. Для общества, предполагающего, что его члены должны быть надежными, такое положение вещей расценивалось бы как массовый психоз. Но для общества, в котором заведено так, что все пытаются провести друг друга при каждом удобном случае, подозревая в аналогичном поведении другого, это может быть приемлемым поведением. Тогда каждый полагается на ненадежность членов своего общества и постоянно ищет возможности обойти их в этой игре. Это является образом жизни во многих странах, немного, правда, непривычным для простака-чужеземца из страны, где честность является важной частью приемлемого обществом поведения.

Отношение екуана к торгу, как и их способ встречи путешественников, казалось, было основано на стремлении не создавать напряжения. Мне представилась редкая возможность оценить по достоинству благородство этих людей, когда мне пришлось совершить обмен с Анчу, вождем екуана. Это произошло тогда, когда он пытался обучить меня принятому у индейцев поведению, вместо того чтобы обращаться со мной как с животным, которому не следует оказывать уважения, подобающего настоящему человеку (екуану), и ожидать от него поведения, свойственного настоящему человеку. Все преподнесенные им уроки были не словесными инструкциями или объяснениями, а ситуациями, направленными на то, чтобы вызвать или, скорее, восстановить во мне врожденную способность вести себя естественно и уместно в соответствии с обстоятельствами. Можно сказать, что он пытался освободить мое чувство континуума от бесчисленных предрассудков, наложенных нашей культурой.

Это был описанный выше случай, когда Анчу спросил, что бы я хотела в обмен на венесуэльское стеклянное украшение. Я не задумываясь

ответила, что сахарного тростника, так как наша команда потеряла весь запас сахара, когда каноэ перевернулось на стремнине, и моя тоска по чему-нибудь сладкому стала превращаться в навязчивую идею. На следующий день мы пошли на поле сахарного тростника с его женой (у екуана только женщины срезают тростник), с тем чтобы завершить сделку.

Я и Анчу присели на бревно у края поля, а женщина пошла на плантацию и вернулась с четырьмя стеблями. Она бросила их на землю, и Анчу спросил, хочу ли я еще.

О чем разговор! Конечно, я хотела еще; я хотела как можно больше тростника и поэтому сказала «да».

Жена Анчу ушла и вернулась еще с двумя стеблями. Она положила их к первым четырем.

«Еще?» — спросил меня Анчу. Я снова сказала: «Да, еще!» Но тогда я стала потихоньку понимать, что происходит. Оказывается, мы не торговались, исходя лишь из своих корыстных интересов, как я предполагала. Анчу по-товарищески и с доверием просил меня определить, какой обмен был бы справедливым, и готов был безоговорочно принять мою оценку. Когда я поняла свою ошибку, мне стало очень неудобно, и я крикнула вслед его жене, которая снова уходила в поле со своим мачете: «Тоини!» — «Только один!» Таким образом, сделка завершилась на семи стеблях. Наш торг не предполагал никакого противостояния участников и произошел без всякого напряжения и усилий с нашей стороны (после того как я поняла, в чем дело).

Не думаю, чтобы наш способ ведения торга когда-нибудь мог бы стать таким же «цивилизованным», как у екуана. Я привела этот случай для примера, демонстрирующего то, как поведение, предписанное обычаями, может стать приемлемым, если в обществе от его членов ожидаются социальные (а не антисоциальные) побуждения.

Социально мотивированные индивиды будут следовать заведенному в обществе порядку даже тогда, когда общепринятые обычаи менее приятны и привлекательны. Например, у индейцев санема, чья культура разительно отличается от культуры екуана, считается в порядке вещей напасть на деревню другого санемского клана, украсть побольше молодых женщин и убить как можно больше мужчин.

Сейчас уже трудно сказать, когда и почему в культуре санема возникли такие традиции или почему у индейцев хиваро, на другом конце Южной Америки, считается, что вне зависимости от причины каждая смерть требует мщения. Здесь полезно отметить, что в любом случае общество социально мотивированных людей будет жить по законам своей культуры.

Вряд ли в людях, чьи ожидания континуума были удовлетворены, будут возникать антисоциальные, другими словами преступные, мотивы. Точно так же убийца в темном переулке совершает преступление, а солдат, убивающий врага, нет. В оценке социальности мотивов нарушителя важное значение имеет именно мотивация поступка, а не действие само по себе.

Всем нам, конечно, хотелось бы, чтобы культура, определяющая поведение членов нашего общества, была гуманной. Но «гуманность» обязательно предполагает уважение человеческого континуума. Культура, требующая от людей вести жизнь, к которой их не подготовила эволюция, которая не удовлетворяет их врожденных ожиданий и, следовательно, предъявляет непомерно высокие требования к их способности к адаптации, обязательно причиняет ущерб их личности.

Лишение человека минимального разнообразия эмоциональных стимулов — тяжелое испытание для его континуума. Возникающая в результате потеря благополучия называется скукой. Этим неприятным чувством континуум дает понять, что человеку нужна смена занятия. В цивилизованном обществе мы почему-то не считаем, что имеем «право» жить без скуки, и поэтому годами выполняем однообразную работу на заводах и в конторах или занимаемся в одиночестве неинтересными и всегда одними и теми же делами по дому.

С другой стороны, екуана, обладающие мгновенным острым чутьем границ своего континуума и способностью к адаптации без потери благополучия, немедленно выполняют внутреннее требование прекратить то, что они делают, если появляется опасность возникновения скуки.

Они нашли способы избежать скуки, когда необходимо сделать что-то, предполагающее монотонную работу. Например, женщины, которым нужна терка для маниоки — доска с вбитыми в нее ровными рядами острыми кусочками металла, вместо того чтобы однообразно забивать ряд за рядом, сначала создают фигуры в виде ромбов, а затем заполняют все свободные места внутри ромбов. В результате рисунок с ромбом исчезает, но цель, для которой он был сделан — развлечь ремесленника, — выполнена.

Другой пример — сооружение крыш из пальмовых листьев. Для этого каждый пальмовый лист привязывают к балке лианой. Мужчины сидят на лесах с кипами листьев и медленно, но верно крепят их один за другим. У них есть несколько способов избежать скуки и при этом закончить большую крышу. Например, они приглашают всех людей из своей деревни и близлежащих деревень прийти и помочь быстро сделать крышу. К моменту их прихода женщины уже приготовили достаточно ферментированной маниоки, чтобы все работники были более-менее

навеселе в течение нескольких дней, пока будут крыть крышу. Таким образом, осознанность людей уменьшается, а вместе с ней — способность впадать в скуку. Для создания праздничной атмосферы работники носят украшения из бисера и перьев, а также раскрашивают себя; и кто-нибудь почти постоянно ходит вокруг дома и стучит в барабан. За работой мужчины и мальчики болтают и шутят и прерывают работу в любой момент, когда, по их ощущениям, нужно спуститься и поделаться для разнообразия что-нибудь еще. Иногда много мужчин работают одновременно, а иногда настроение есть не у всех, а только у нескольких. При этом все совершенно довольны: гостей кормит семья, владеющая будущим домом. Несколько дней члены этой семьи исправно ходили на охоту, чтобы запастись мясом для работников.

Интересно отметить, что в дни гуляний, когда все ходят немного навеселе, и на вечеринках, где все также пьют, а мужчины напиваются очень сильно, нет и следа агрессивности.

Екуана не чувствуют никакой потребности осуждать друг друга и легко принимают индивидуальные различия. Это, возможно, также является следствием полноценности их личностей. В нашем же обществе чем более разочарованы и отчуждены люди, тем больше они испытывают потребность судить других и разделять их на адекватных или нет, будь то в отношении отдельного человека или в отношении групп людей, при религиозных, политических, национальных, расовых, межполовых и даже межвозрастных конфликтах.

Ненависть к себе, возникающая из недополученного в младенчестве чувства собственной правильности, является основой для необъяснимой ненависти к окружающим.

Интересно отметить, что хотя екуана относятся к санема как к низшим существам с варварскими обычаями, а санема недолюбливают екуана за такое надменное к ним отношение, ни одно из племен не имеет ни малейшего желания вмешиваться в образ жизни своего соседа. Они часто ходят друг к другу в гости и ведут торговлю, а за спиной отпускают шутки, но между собой они никогда не враждовали.

Огромную роль в нашей трагедии сыграло то, что мы потеряли чувство «прав» человеческого вида. Мы покорно сносим не только скуку, но и множество других покушений на наш и так исковерканный после страданий в младенчестве и детстве континуум. Например, мы говорим: «Жестоко держать такое большое животное в городской квартире», — при этом имея в виду собаку, и никогда — человека, который еще больше по размеру и более чувствителен к окружающей его обстановке. Мы

позволяем себе жить в нескончаемом шуме машин, транспорта и магнитофонов других людей и ожидаем, что незнакомые люди будут относиться к нам грубо и бесцеремонно. Мы ожидаем от своих детей презрительного к себе отношения и знаем, что мы, в свою очередь, будем презирать своих родителей. Нас устраивает жизнь, постоянно сопровождаемая гложущей сердце неуверенностью не только в своих профессиональных и социальных способностях, но часто и в отношениях с семьей. Мы принимаем как должное тяжелую жизнь и чувствуем, что нам просто *повезло*, если испытываем хотя бы мгновения счастья. Мы не считаем счастье своим правом от рождения и думаем, что счастье — это покой и довольство. Настоящая радость, в которой екуана проводят большую часть своей жизни, встречается среди нас все реже.

Если бы мы смогли вести образ жизни, к которому нас подготовила эволюция, то множество наших сегодняшних побуждений незамедлительно претерпели бы изменения. Например, нам бы стало сложно понять, почему дети считаются непременно счастливее взрослых или почему молодые обязательно счастливее стариков. Сегодня нам так кажется потому, что мы постоянно стремимся к цели, достижение которой, как мы надеемся, вернет нам утраченное чувство правильности нашей жизни. Но вот цель достигнута, а нам по-прежнему не хватает чего-то неопределенного, скрытого от нас с младенчества. Постепенно мы теряем веру в то, что реализация последующих целей облегчит нашу неутолимую тоску. Мы также учим себя мириться с «реальностью», чтобы хоть как-то смягчить боль от постоянных разочарований. На определенном этапе в среднем возрасте мы уже говорим себе, что, наверное, по какой-то причине упустили возможность полного благополучия и теперь придется постоянно мириться с неудобствами и неприятностями жизни. Вряд ли такая жизнь может быть радостной.

Образ жизни, соответствующий эволюции человека, в корне отличается от нашего. Потребности младенчества сменяются рядом потребностей детства, и на смену одной удовлетворенной потребности приходит следующая. По мере взросления тяга к играм постепенно исчезает, в то время как желание работать становится все сильнее; реализованное желание найти привлекательного партнера сменяется желанием работать на семью и рожать детей. По отношению к детям развиваются материнские и отеческие чувства. Потребность в общении с подобными себе людьми реализуется с раннего детства до самой смерти. По мере того как потребность взрослых трудоспособного возраста в продуктивной и творческой работе удовлетворяется, а физические силы

начинают постепенно убывать, приходят стремление общаться с близкими людьми, желание мира и стабильности, ощущение умиротворения и успокоения, и в конце концов, когда последние желания жизни удовлетворены, на смену им уже не приходят новые, кроме желания отдохнуть, забыться, умереть.

На каждом этапе жизни, прочно основанном на реализации предыдущего, импульс желания встречает полное удовлетворение. Поэтому молодость не имеет перед старостью никаких реальных преимуществ. У каждой поры есть свои радости. Это относится к любому возрасту до самого преклонного и включая смерть. Со временем человек отказывается от присущих ему ранее желаний, которые уже полностью удовлетворены, и наслаждается удовольствиями, присущими именно *его* возрасту. У него не остается причины завидовать молодым или желать быть моложе или старше.

Боль и болезни, смерть близких людей, лишения и разочарования, конечно, выводят из обычного счастливого состояния, но они не изменяют того, что *счастье* является нормой, и не влияют на способность континуума восстанавливать равновесие и залечивать раны после любого несчастья.

Вывод заключается в том, что если на протяжении всей жизни полагаться на чувство континуума, оно лучше позаботится о наших интересах, чем какая бы то ни было система, основанная на интеллекте.

Глава седьмая. Как заставить принцип преемственности снова работать

Секс и нежность: различия двух потребностей в физическом контакте. Потребность сохраняется, а значит, ее можно удовлетворить. Понимание и определение наших потребностей с позиций континуума. Препятствия континууму в современном образе жизни. Права младенцев. Возможности возврата к континууму. Применение принципа преемственности в научных исследованиях

Когда ребенок находится в постоянном физическом контакте с матерью, его энергетическое поле сливается с ее полем, и во время работы она снимает избыток энергии обоих полей. Ребенок остается расслабленным; в нем не накапливается напряжение, ибо избыток энергии перетекает к матери. Поведение детей екуана на руках у взрослых совсем не похоже на поведение наших детей, которые большую часть времени проводят вне контакта с другими людьми. Дети екуана податливы и легки в обращении; их можно нести в любом удобном положении. Наши же младенцы, напротив, яростно бьют ногами, машут руками и выгибают спины. Они извиваются и дергаются изо всех сил в кроватках и колясках, и когда пытаешься взять ребенка на руки, удержать его становится довольно трудно. Дети пытаются избавиться от напряжения, накопившегося из-за того, что они получают больше энергии, чем могут легко удержать в себе и использовать. Часто дети возбуждаются от чьего-либо внимания и выражают свое удовольствие оглушительным криком и резкими движениями тела. Такая сильная мышечная реакция позволяет ребенку потратить часть скопившейся энергии.

Пассивный ребенок, уютно чувствующий себя в континууме и довольный реализацией своих ожиданий постоянного физического контакта, почти не участвует в разрядке энергии, предоставляя это держащему его взрослому или ребенку. Но такое положение вещей радикально меняется, как только закончился «ручной период» и ребенок начал ползать. Энергетический обмен теперь происходит за счет действий самого ребенка, по крайней мере в дневное время, проводимое без матери. Он становится необыкновенно активным. Малыш довольно быстро осваивает ползание и начинает перемещаться с большой скоростью, а затем — когда научится бегать на четвереньках — еще быстрее. Если ему не

создают препятствий, он постоянно энергично ползает по всему имеющемуся пространству, расходуя избыток своей энергии и исследуя мир, в котором ему предстоит жить.

Когда ребенок начинает ходить, бегать и играть, он движется в темпе, кажущемся взрослому просто сумасшедшим. Взрослый, пытаясь угнаться за ним, вскоре выдыхается. Ровесники и дети постарше — более подходящая компания для ребенка. Он стремится им подражать, и это ему удается все лучше и лучше. Никто, кроме него самого, не сдерживает эту бешеную деятельность. Устав, малыш идет отдохнуть к матери, а ребенок постарше—к себе в гамак.

Но ребенок не может разрядить достаточное количество энергии, чтобы чувствовать себя комфортно, если по какой-то причине, как это часто бывает в цивилизованном обществе, свобода его действий ограничена либо недостаточным временем, проводимым на улице, либо недостатком места в доме, либо заключением в манеже, ходунках, кроватке или на стуле.

В раннем детстве для сброса избытка энергии ребенок машет и бьет руками и ногами и напрягает тело. Но со временем он, возможно, обнаружит, что большая часть лишней энергии скапливается в его гениталиях, и, возбуждая их еще больше, он может направлять в них излишки энергии своего тела. При этом давление в гениталиях возрастает настолько, что в какой-то момент происходит сброс энергии. Таким образом мастурбация становится способом выпуска избытка энергии, не использованной ребенком в повседневной деятельности.

У взрослых избыток энергии таким же образом аккумулируется во время сексуальных игр и разряжается оргазмом. Половой акт выполняет две обособленные функции: одна — это размножение, а другая — поддержание приемлемого уровня энергии.

У людей, обделенных правильным опытом детства и теперь живущих в постоянном конфликте между различными аспектами своей личности, оргазм часто высвобождает лишь малую часть энергии, зажатой в мышцах. Это неполное высвобождение излишней энергии приводит к более или менее хроническому состоянию неудовлетворенности, выражающейся в плохом настроении, повышенном интересе к сексу, неразборчивости в связях, неспособности сосредоточиться, нервозности.

Более того, такой человек не может отделить потребность в сексе от оставшейся с младенчества потребности в несексуальном физическом контакте. Последняя не признается нашим обществом, и любые попытки контакта воспринимаются как сексуальные. Таким образом, табу на секс также относится и ко всем приятным несексуальным формам физической

близости.

Даже дети и взрослые екуана, сполна получившие необходимый им опыт близости к матери в младенчестве, с большим удовольствием касаются друг друга, сидя рядом, отдыхая в одном гамаке или расчесывая друг другу волосы.

Нам же просто необходимо сломать это табу и осознать потребность человека в успокаивающем физическом контакте. Наши неудовлетворенные в младенчестве ожидания делают потребность в физическом контакте неизмеримо более настоятельной, чем это обычно свойственно детям и взрослым, не обделенным младенческим опытом. Но даже мы при желании можем полностью удовлетворить эту потребность.

Под широкое понятие секса безо всякого разбора относят и желание, чтобы тебя обняли, желание быть защищенным другим человеком, быть обласканным и чувствовать себя любимым не потому, что ты принес домой зарплату или испек пирог, а просто потому, что ты есть. Умиротворяющая обстановка, создаваемая детским лепетом и использованием детских имен («Люсипусик», «Ты моя девочка») между партнерами, помогает им восполнить недополученный из-за небрежности родителей опыт. Широкое распространение детского лепета само по себе уже является достаточным доказательством существования такой потребности.

Часто желание секса и желание ласкового обращения вытекают одно из другого. Удовлетворение наиболее острой потребности у взрослых может привести к возникновению другой. После особенно тяжелого и напряженного дня на работе муж хочет, чтобы жена обняла его и приласкала; но когда эта потребность удовлетворена, он обнаруживает, что теперь ему хочется секса. Однако в нашем обществе он может чувствовать себя *обязанным* заняться с ней сексом, ибо он не осознает различия между этими двумя потребностями.

Поэтому любовь между взрослыми, лишенными опыта на руках у матери, неизбежно будет смесью этих двух потребностей, различной в зависимости от природы пропущенного опыта. Мы должны научиться принимать во внимание особые потребности у себя и у партнера и пытаться как можно лучше их удовлетворить, иначе «хорошей» семьи не получится.

Но важно разграничить понятия потребности в сексе и в материнской ласке. Мне кажется, что при четком осознании этого различия и с некоторой практикой партнеры смогут обмениваться куда большим количеством ласк без сложностей полового акта. Бескрайняя неизбывная тоска по физической близости была бы в значительной степени

удовлетворена, если бы наше общество признало, что совершенно нормально держаться за руку с приятелем любого пола, сидеть не просто рядом, а касаясь собеседника, сидеть на коленях, поглаживать по голове, когда этого хочется, целовать более свободно и открыто и в общем не скрывать импульсы расположения, если они приятны для другого человека.

Некоторые шаги, поощряющие телесный контакт, были сделаны на так называемых групповых встречах. Похоже, они пропагандируют касание друг друга и физический контакт, не совсем понимая его значение. Одна из групп устроила эксперимент (описанный в журнальной статье), приведший к чрезвычайному успеху. Он называется «бутерброд из людей» и заключается в том, что человека ставят между двумя другими, как если бы двое танцевали щека к щеке, а третий прижался грудью к спине одного из них. Руки человека посередине поднимают в стороны, а двое других держат их, положив свои ладони на его ладони и тыльные стороны ладоней. Таким образом, человек посередине оказывается в телесном контакте, который не может обеспечить один взрослый, разве что если один — лилипут, а другой — великан. По словам автора статьи, человек посередине чувствует себя необыкновенно спокойно и умиротворенно.

Если осознать природу потребностей человека и причины их возникновения в свете позиций континуума, можно добиться более глубокого понимания нашего собственного поведения и поведения других. Тогда мы бы перестали винить родителей и общество в том, что нас испортили, и поняли бы, что все мы всего лишь жертвы. Архиепископы и хиппи, романисты, школьные учителя и трудные подростки — все пытаются найти путь к чувству правильности. То же относится к кинозвездам, политикам, преступникам, художникам, гомосексуалистам, бизнесменам и защитникам прав женщин. Будучи просто животными, мы стремимся к удовлетворению наших ожиданий, какого бы неразумного поведения ни требовало сочетание недополученного нами опыта.

Но простое понимание сути проблемы и осознание того, что все мы — жертвы жертв, нас не излечат. В лучшем случае это может помочь нам сделать шаг в правильном направлении, вместо того чтобы удаляться все дальше от состояния счастья.

Вместе с тем необходимо целенаправленное следование принципу непрерывности. Есть основания полагать, что пропущенный опыт может быть восполнен детьми и взрослыми любого возраста. Одна из причин, позволяющих на это надеяться, — ясное свидетельство того, что потребность остается потребностью, даже когда лишенный правильного опыта ребенок вырастает и уже живет взрослой жизнью. Мы все

продолжаем искать удовлетворения наших детских требований. Но, не осознавая цели своих поисков, достигаем весьма скромных результатов.

Есть и другая веская причина верить в то, что лишения «ручного периода» можно лечить и, возможно, вылечить у детей и взрослых. Доктора Доман и Делагато в своей филаделфийской клинике доказали, что две последовательные фазы — ползание и бег на четвереньках — могут быть воспроизведены старшими детьми и взрослыми, лишенными этого опыта; в результате они могут развить способности, зависящие от приобретения этого опыта.

Они обнаружили, что люди, которым манежами или другими приспособлениями не дали реализовать потребность ползать и бегать на четвереньках, позднее не полностью развивают свои речевые способности. В некоторых случаях возникает заикание, которое излечивается путем возвращения взрослых к ползанию и бегу на четвереньках по часу в день на протяжении нескольких месяцев. Кроме того, доктора использовали специальные тренировки, чтобы добиться нормального функционирования мозга с доминантой одного из полушарий. Например, людям, у которых была доминирующей правая рука, но при этом доминировала левая нога, помогли стать полностью левшой или правшой.

Доман и Делагато изначально работали с детьми с повреждениями головного мозга, но в дальнейшем обнаружили, что им удалось улучшить речевые навыки и у «нормальных» студентов академии Честнат Хил, где Делано был заместителем ректора. Он разделил группу юношей пополам, и все они сдали общепринятый тест на речевые способности. Затем одной половине группы предложили пройти шестинедельный курс интенсивного ползания, бега на четвереньках и тренировки полушарий мозга. Вторая половина продолжала ходить в школу, как обычно. После этого обе половины были вновь протестированы. У тех, кто не ползал, показатель вырос в среднем на 6,8 пункта, в то время как группа, подвергшаяся эксперименту, набрала в среднем 65,8 пункта. Ползание и тренировка полушарий мозга стали обязательными для всех студентов младших курсов академии Честнат Хил, а также для членов сборной команды по футболу.

Заполнение потребности мальчиков в опыте ползания и бега на четвереньках принесло такие результаты потому, что, по-видимому, практически все они были лишены полноценного опыта в детстве. Тот факт, что они получили этот опыт вне его естественного хронологического порядка, и при этом он по-прежнему был эффективен, вселяет в нас надежду на лучшее. Это еще раз подтверждает, что детские потребности

сохраняются неопределенное время в ожидании своего удовлетворения и, таким образом, могут быть удовлетворены в любом возрасте.

Следствием этого наблюдения является то, что более ранний и важный с точки зрения формирования личности опыт, пропущенный во время «ручного периода», может быть восполнен позднее, если мы найдем подходящий для этого метод. Убедить детей и взрослых бегать на четвереньках довольно просто (если им это действительно нужно), но вернуть подростка или полностью сформировавшегося взрослого к опыту «ручного периода» уже проблематично.

Маленьким детям, не получившим опыт в младенчестве, может быть чрезвычайно полезно просто сидеть на коленях у родителей (или у кого-нибудь еще) при любом удобном случае и спать с ними в одной постели. Наверное, довольно скоро они получают все, что им требуется, и захотят спать в отдельной кровати, точно так же, как если бы они спали в постели с родителями с самого рождения.

Учитывая наши сегодняшние традиции, предложение спать в одной постели с детьми может показаться родителям крайне радикальным. То же самое относится к предложению носить ребенка с собой или держать его на руках целый день, независимо от того, спит он или нет. Но в свете миллионов лет континуума краткая история современного человека, отбившегося от давным-давно сформировавшихся норм человеческого и до-человеческого поведения, действительно выглядит радикальной.

Некоторые мамы и папы опасаются того, что они могут задавить спящего с ними младенца или он может задохнуться под простынями и одеялами. Но ведь спящий человек не мертв и не в коме, если только он не в стельку пьян, не накачан наркотиками или не болен. Даже во сне все мы постоянно осознаем происходящее.

Я помню несколько первых ночей, когда я взяла к себе в постель килограммового детеныша обезьянки. В первую ночь я постоянно просыпалась из страха раздавить ее. Вторая ночь была не многим лучше, но через несколько дней я обнаружила, что даже во сне чувствую, где она лежит, и отдаю себе в этом отчет, как и многие другие взрослые животные, спящие со своими малышами. Вероятность того, что ребенок задохнется под одеялами родителей, кажется мне если не нулевой, то значительно меньшей (если принять во внимание осознание родителями его положения), чем в одиночестве под своими одеялами в отдельной комнате.

Также родителей заботит то, что младенец увидит родителей, занимающихся любовью. У екуана же присутствие ребенка принимается как само собой разумеющееся, и, должно быть, так оно и было сотни тысяч

лет до нас.

Вполне вероятно, что, *не* присутствуя при сексе родителей, ребенок теряет с ними важную психобиологическую связь, которую он стремится обрести вновь. Это стремление позже превращается в комплекс Эдипа или Электры — подавленное чувство вины из-за желания секса с родителем противоположного пола, в то время как ребенку была нужна всего лишь пассивная роль наблюдателя. Теперь сексуально зрелый человек истолковывает это желание как желание активного участия в сексе родителей; он не может вспомнить о том, как он наблюдал за родителями, занимающимися любовью (ибо был полностью лишен этого опыта), и даже не может вообразить такую сцену. Возможно, научные исследования способны показать, что мы можем легко предотвратить возникновение этой неприятной, отчуждающей от общества вины.

Очень широко распространено убеждение, что, обращая на ребенка слишком много внимания, мы мешаем развитию независимости и что, постоянно таская его на руках, мы ослабляем его будущую уверенность в себе. Мы уже обсудили, что независимость сама по себе возникает из полноценного опыта «ручного периода», когда ребенок постоянно находится рядом с родителем, не обращающим на него чрезмерного внимания. Он просто наблюдает окружающий мир и жизнь своего родителя, находясь в полной безопасности на руках. Когда малыш покидает руки матери и начинает ползать, бегать на четвереньках и ходить, никто даже не пытается вмешаться и «защитить от опасностей». Здесь роль матери заключается в том, чтобы быть *готовой* приласкать и утешить ребенка, когда он приходит к ней или зовет ее. И уже не ее дело руководить занятиями или защищать от опасностей, с которыми он и сам может справиться, если ему предоставить такую возможность. Пожалуй, это самое сложное место в переходе на путь континуума. Матери придется, насколько возможно, поверить в способность ребенка заботиться о своей безопасности. Не каждая мать сможет позволить ребенку свободно забавляться острыми ножами и огнем или играть рядом с речками и прудами, хотя екуана даже не задумываясь это позволяют: они знают об огромных способностях детей к самосохранению. Но чем меньше ответственности за безопасность ребенка будет брать на себя мать в нашем обществе, тем быстрее и полноценнее ребенок станет независимым. Он и сам поймет, когда ему нужна помощь или поддержка. Именно ребенок должен стать инициатором общения. Конечно, речь идет не о том, чтобы лишить малыша возможности прибегнуть к помощи матери, но она должна *предложить* минимум указаний и вмешательства.

Чересчур опекаемым, зависимым ребенок становится тогда, когда его инициативу постоянно перехватывает не в меру заботливая мать, *а не когда малыша держали на руках в первые месяцы его жизни, что ему было особенно важно.*

Конечно, совсем не просто применить уроки о континууме, полученные от екуана, с тем чтобы изменить положение в нашем, столь отличном от их, обществе. Мне кажется, что решение оставаться как можно ближе континууму — уже само по себе важный шаг вперед. Найти средства реализации этого решения, если оно принято, достаточно просто, руководствуясь лишь здравым смыслом.

Как только мать осознает, что постоянное ношение ребенка в первые шесть — восемь месяцев обеспечит его независимость и заложит основания для его становления как общительного, нетребовательного и полезного человека на те пятнадцать или двадцать лет, что он будет жить с ней, даже если она исходит из своих личных интересов, она не будет склонна уклоняться от «обузы» его ношения, когда она работает по дому или ходит за покупками.

Я нисколько не сомневаюсь, что подавляющее большинство матерей по-настоящему любят своих детей и лишают их опыта, столь важного для их счастья, только потому, что они не понимают последствий своих действий. Если бы они представили отчаяние ребенка, оставленного плакать в кроватке, его неизбывную тоску по матери, последствия этих страданий и влияние недополученного опыта на развитие его личности и способности вести благополучную жизнь, без сомнения, они пошли бы на все, лишь бы не оставлять его одного ни на минуту.

Кроме того, я уверена, что как только мать начинает следовать континууму ребенка (а значит, и своему континууму матери), ее инстинкты, заглушённые культурой, заработают в полную силу и позволят распознать свои природные стремления. Она просто *не захочет* выпускать ребенка из рук. Когда он начнет плакать, этот сигнал о помощи напрямую достигнет ее сердца и не будет искажен измышлениями специалистов по уходу за ребенком. Если с самого начала встать на правильный путь, древний инстинкт вскоре проснется в ней и станет определять все ее действия, ибо континуум — мощная сила, которая постоянно стремится к главенствующей роли в поведении человека. Чувство правоты, испытываемое матерью, которая ведет себя в согласии с природой, сыграет куда большую роль в закреплении в ней принципа непрерывности, чем вся теория, изложенная в этой книге. (С тех пор как я написала эти строки, это действительно произошло со многими европейскими матерями. Хотя

некоторые из них думали, что ни за что не станут поддерживать постоянный контакт с ребенком двадцать четыре часа в сутки, они обнаружили, что чем больше носили своих малышей, тем больше им хотелось это делать. Инстинкты действительно стали руководить их поведением.)

Различия между образом жизни в нашем обществе и обществе екуана не имеют отношения к рассматриваемым здесь основам природы человека.

Многим матерям вряд ли разрешат приносить детей на работу. Но чаще всего человек сам выбирает работу, и матери могли бы, если бы осознали настоятельную необходимость быть с ребенком в первый год его жизни, оставить работу, чтобы предотвратить страдания, которые испортят всю его жизнь, а также надолго лягут тяжелой ношей и на нее.

С другой стороны, многие матери просто вынуждены работать. Но при этом они не оставляют детей дома одних; они нанимают няню или оставляют их с бабушкой либо еще каким-то способом обеспечивают ребенку контакт со взрослым. Опекуну ребенка могут быть даны инструкции носить его на себе. Нянечек, которых нанимают на один вечер, можно попросить сидеть с ребенком, а не с телевизором. Если уж без телевизора им совсем скучно, то ребенка можно держать на коленях, сидя в кресле. Шум и свет не помешают младенцу и не причинят ему вреда, но одиночество будет для него невыносимым.

Держать ребенка во время работы по дому — это дело привычки. Очень помогает перевязь, которую надевают через одно плечо и которая поддерживает ребенка на противоположном бедре. Вытирать пыль или пылесосить можно в основном одной рукой. Стелить постель несколько сложнее, но изобретательная мать приспособится делать и это. При приготовлении пищи нужно обязательно загораживать ребенка своим телом от раскаленной плиты. Проблема походов в магазин также решается просто: нужно приобрести большую удобную сумку и покупать только то, что можно унести на себе за один раз. Было бы неплохо, раз уж всем так нравятся коляски, класть покупки в них, а ребенка нести на руках. Существуют также рюкзаки для детей с лямками через каждое плечо, позволяющие оставлять руки свободными. Такие рюкзаки продаются во многих универсамах.

Было бы замечательно, если бы мы научились воспринимать уход за ребенком не как тяжелую работу, а как побочную основную, не требующую никаких усилий деятельность. Работать, ходить по магазинам, готовить пищу, убирать дом, гулять, беседовать с друзьями — вот чем нужно заниматься, чему нужно уделять время, что нужно считать занятиями.

Ребенка (вместе с другими детьми) просто берут с собой как само собой разумеющееся; не нужно специально уделять ему время, кроме нескольких минут, требующихся для смены пеленок. Купать его можно, когда купаешься сам. Не обязательно отрываться от своих занятий и во время кормления грудью. Все дело только в изменении наших взглядов с заикленных на ребенка на более подходящие для сильного разумного существа, кто по своей природе может получать удовольствие от работы и общения с другими взрослыми.

Современный образ жизни создает бесчисленные препятствия для нормального функционирования человеческого континуума. У нас есть не только противоречащие континууму обычаи, такие как разлучение ребенка и матери после родов в больнице, использование колясок, кроваток и манежей, но и всеобщее убеждение, что молодая мама не должна брать ребенка с собой на работу или в гости. Кроме того, наши квартиры и дома изолированы друг от друга, в результате мамы лишены компании взрослых и умирают от скуки, а дети нигде не могут свободно общаться со своими сверстниками и старшими детьми, кроме как на малочисленных игровых площадках или в школе. Даже так они обычно практически полностью ограничены общением с детьми своего возраста. А воспитатели чаще всего объясняют детям правила различных игр лишь на словах, вместо того чтобы показать это на своем примере, которому бы дети с радостью последовали.

Конечно, существуют парки отдыха, где могут встречаться мамы и дети и где нет барьеров для общения людей разных возрастных групп. Но даже там при отсутствии видимых препятствий будут существовать трудности общения и для мамы, и для малыша, проистекающие из особенностей воспитания мамы, ее представлений о жизни и воспитании детей, страха выделиться из общей толпы, ведь сам континуум заставляет нас подстраиваться под обычаи, заведенные в обществе.

В нашем обществе ребенок не может сходить на работу к отцу, если только его отец не фермер, поэтому малышу придется искать другой пример для подражания.

Люди, которые по роду своей деятельности служат примером поведения и демонстрируют ценности общества (воспитатели, учителя и т.д.), и станут теми, кому смогут подражать наши дети. Если эти воспитатели будут просто присутствовать при занятиях детей и готовы будут помочь, если дети их сами попросят, то дети, будучи по своей природе склонными к подражанию и общительными существами, смогут использовать собственный естественный и эффективный способ

самообразования, изучая поведение других людей, окружающие предметы и события, подражая, наблюдая и практикуясь на них. Более действенного способа воспитания быть не может.

Общепринятое убеждение в том, что дети являются собственностью родителей, — еще одно препятствие континууму в нашем образе жизни. Считается, что взрослые имеют право обращаться с детьми, как им заблагорассудится, разве что не избивать и не лишать жизни. Нет такого закона, который бы запрещал оставлять безудержно и безысходно плачущего ребенка в одиночестве или пытаться его тоской по матери. Ребенок также способен к физическому и духовному страданию, однако это не дает ему никаких законных прав в отличие от взрослых членов общества. Тот факт, что ужасные страдания в младенчестве также лишают человека возможности радоваться на протяжении всей своей жизни и, следовательно, причиняют пожизненное увечье, никак не помогает ему с юридической точки зрения.

Дети не могут составить жалобу и подать иск в суд. Они не могут пойти в органы власти и протестовать. Они даже не могут соотнести свои страшные страдания с причиной этих страданий и радуются, когда их мать наконец приходит домой.

В нашем обществе права возникают не из-за того, что кто-то пострадал, но из-за того, что кто-то пожаловался по этому поводу. Самые примитивные права даны животным, да и то в немногих странах. Точно так же коренные народы, не имеющие посредника, через которого можно заявить о своих правах, лишены тех прав, которыми наделяют друг друга их завоеватели.

Общество оставило обращение с ребенком на усмотрение матери. Но это не значит, что любая мать может пренебрегать ребенком: бить его, когда он плачет; кормить его не когда он голоден, а когда ей захочется; оставлять его в одиночестве часами, днями, месяцами, когда все его существо жаждет активной жизни.

Общества защиты детей от жестокого обращения имеют дело только с самыми крайними случаями. Нашему обществу необходимо понять, что общепринятое «нормальное» отношение к детям на самом деле просто преступление.

Даже в нашей культуре, развившейся без учета истинных потребностей человека, с пониманием континуума у нас есть шанс изменить свое поведение и исправить ошибки в повседневных мелочах.

Не обязательно ждать изменений в обществе, можно уже сейчас начать вести себя правильно по отношению к нашим детям, заложив тем самым

надежную личностную основу, позволяющую им справиться с любыми жизненными ситуациями. Лишая ребенка необходимого ему опыта, мы обрекаем его на раздвоение личности: одна половина живет во внешнем мире, а другая занята улаживанием внутренних конфликтов. Вместо этого мы можем помочь ребенку вырасти целостным человеком, всегда готовым к решению проблем внешнего мира.

Когда мы полностью осознаем последствия нашего обращения с младенцами, детьми, друг с другом и с собой, научимся уважать истинную природу нашего вида, мы неизбежно откроем в себе огромный потенциал быть счастливыми.

Послесловие. Некоторые мысли для нового издания

О родителях

За три месяца до публикации этой книги в 1975 году один мой приятель попросил дать рукопись молодой паре, ожидавшей первого ребенка. Они прочли ее взахлеб от начала до конца. Впервые я встретилась с ними, когда Милисент, мама маленького Сета, которому исполнилось уже три месяца, зашла с ним ко мне на обед. Милисент сказала, что мои идеи показались ей и ее мужу Марку очень привлекательными, тем более что многое, сказанное мной, находило отклик в их собственных чувствах. Она очень хотела, чтобы и другие родители прочитали эту книгу, но, по ее мнению, далеко не всем покажется заманчивой идея постоянно носить ребенка на себе в течение нескольких месяцев.

— Мне было понятно, что вы имеете ввиду, — говорила она, — но я не собиралась днем и ночью таскать на себе тяжелого ребенка (ведь это все равно что постоянно держать на руках сумку с семью килограммами картошки). По-моему, мало кому это придется по душе. Я слышала вас по радио. Вы предлагали родителям «положить покупки в коляску, а ребенка взять на руки». По-моему, лучше преподнести эту идею именно так. Это предложение наверняка понравится большинству родителей, а когда они вернутся из магазина, то продолжат носить ребенка и дома. У меня так и получилось: я никогда не выпускала Сета из рук просто потому, что мне не хотелось.

— В этом-то все и дело, — ответила я. — Вся затея имеет смысл, только когда вы держите ребенка на руках и чувствуете, что это правильно, а не когда кто-то просто сказал, что вы обязаны это делать. И потом, вас бы не привела в восторг мысль быть постоянно привязанной к какому-то ребенку; но после его рождения все меняется, встретившись в первый раз, вы полюбили его и уже готовы носить его постоянно.

— Чтобы не оставлять Сета одного, пока я купаюсь, я стала брать его с собой ванну, и теперь мы купаемся вместе, — продолжала она. — Если Марк приходит домой и застает нас за купанием, он не может устоять перед соблазном запрыгнуть к нам в ванну. И спать рядом с Сетом ему нравится не меньше, чем мне.

Я с подругой занимаюсь печатным бизнесом, и, к счастью, мне даже не пришлось уходить с работы. Я работаю стоя и привыкла, что ребенок висит на перевязи у меня на спине или на бедре. Если он хочет есть, то я вешаю его спереди. Ему не приходится плакать, чтобы позвать меня; он просто

громко сопит и тянется к груди. То же самое и ночью: лишь только Сет начинает ворочаться, мне понятно, что он проголодался. Я даю ему грудь и продолжаю спать дальше.

Я приноровилась делать практически всю работу по дому и в саду, не разлучаясь с Сетом. Я кладу его лишь когда стелю постель, перекатывая его туда-сюда среди простыней и одеял, но ему это только нравится. Мы расстаемся с Сетом, когда я катаюсь на лошади; тогда его держит моя подруга. Но после катания я всегда с удовольствием беру сына обратно. По моим ощущениям, держать ребенка постоянно при себе совершенно естественно и правильно.

Все время, пока мы общались, Сет был спокоен и тих и, как и дети екуана, о которых я рассказала в этой книге, не причинял маме никакого беспокойства.

В Европе или Америке присутствие детей в офисах, магазинах, ателье или даже на званных обедах не приветствуется по вполне понятным причинам. Обычно они орут и бьют ногами, напрягаются и машут руками, поэтому, чтобы их утихомирить, нужно немало сил и терпения. Они просто переполнены энергией, которая не может расходоваться из-за редкого контакта с энергетическим полем взрослого, которое разряжается естественным образом. Когда разбушевавшегося ребенка берут на руки, его тело все еще напряжено. Пытаясь избавиться от этого неприятного напряжения, он размахивает руками и ногами, давая понять держащему его взрослому, что его надо покачать на колене или подбросить в воздух. Милисент удивлялась разнице между тонусом тела Сета и других детей. Ее сын был «мягок» и расслаблен, другие же дети были тверды и негибемы, словно палки.

Нам необходимо осознать, что, если мы будем обращаться с детьми так, как это делали наши предки сотни и тысячи лет, наши малыши обязательно будут спокойными, мягкими и нетребовательными. Только тогда работающие матери, не желающие скучать в постоянной изоляции от других взрослых, смогут не разрываться на части. Детей можно брать с собой на работу, туда, где они и должны быть, — со своими матерями. А матери, не привязанные к постоянному уходу за ребенком, могут заниматься своей работой в компании взрослых и делать то, что достойно зрелых разумных существ. Между тем работодатели вряд ли будут рады присутствию малышей на работе до тех пор, пока представление о детях не улучшится.

Журнал «Мс» долго и упорно боролся с компаниями за то, чтобы женщинам разрешили приносить маленьких детей с собой в офис. Но

работодатели не станут так сопротивляться, если малыши будут вести себя лучше, а для этого достаточно, чтобы во время рабочего дня дети оставались в физическом контакте со взрослым, а не лежали в заточении колясок или корзин на соседних офисных столах.

Не все родители смогли применить принцип непрерывности так же легко и своевременно, как Милисент и Марк, которые вырастили уже несколько детей так же, как и Сета. По словам одной мамы, Антеи, после прочтения книги она сразу поняла, что ей нужно было прислушиваться к своим собственным инстинктам, а не к советам «экспертов» в области ухода за ребенком. Теперь ее сыну Тревору, с которым она обращалась «совсем неправильно», было уже четыре года. Она ждала второго и с самого рождения собиралась вырастить этого ребенка в соответствии с принципом непрерывности, но что ей было делать с Тревором?

Носить четырехлетнего ребенка на руках, с тем чтобы восполнить недополученный им опыт «ручного периода», довольно тяжело. Кроме того, ему обязательно надо играть, исследовать мир и учиться, как то подобает детям его возраста. Поэтому я посоветовала Антее и ее мужу Брайану брать Тревора на ночь к себе в кровать, а днем оставить все примерно так, как есть, но при этом поощрять ребенка сидеть у них на коленях, а также по возможности наладить с ним физический контакт. Я попросила их записывать все, что происходило за день. Это было вскоре после выхода книги в свет, и мне казалось, что их опыт может быть полезен и другим читателям.

Антея добросовестно вела дневник. Первые несколько ночей никто толком не мог заснуть. Тревор хныкал и ворочался, при этом попадая родителям пяткой по носу или локтем в глаз. Он будил родителей среди ночи и требовал стакан воды. А однажды лег поперек кровати, и родителям пришлось ютиться на самом краю. По утрам Брайан уходил на работу невыспавшимся и раздраженным. Но они не отступали, в отличие от родителей, которые после первых трех-четырех ночей махнули на все рукой и жаловались мне, что ничего не получилось.

Через три месяца проблемы отпали сами собой: все трое крепко спали ночь напролет. У них значительно улучшились отношения не только с сыном, но и друг с другом. А дневник заканчивался словами: «Тревор перестал драться в детском саду!»

Еще через несколько месяцев Тревор по собственному желанию перебрался в отдельную кровать. Он наконец-то получил свой младенческий опыт. Его малышка-сестренка тоже спала в родительской постели, и даже когда Тревор перешел спать в свою кровать, он знал, что

при желании его с радостью примут назад в любой момент.

Почему не стоит винить себя в том, что вы, как и все представители европейской цивилизации, неправильно обращались со своим ребенком?

Рэчел, мать двух подростков, написала вот что: «Мне кажется, ваша книга — самая жестокая из всех, которые я когда-нибудь читала. Я не говорю, что вам не следовало ее писать, и не жалею, что прочитала ее. Книга задела за живое и произвела на меня неизгладимое впечатление. Мне не хочется признаваться себе в том, что вы, похоже, правы, и я изо всех сил пытаюсь об этом не думать... (Никогда не смогу простить вам описание того, через что проходят дети. Да простит вас Господь!) ...На самом деле мне даже удивительно, что никто из читателей не вымазал вас дегтем и не обвалял в перьях... Любая мать, что прочла вашу книгу, уже никогда не сможет жить в ладах со своей совестью. Знаете, раньше я жила более-менее спокойно, думая, что все беды, через которые проходим мы и наши дети, — это нормальные, неизбежные и «естественные», как сказали бы в утешение другие матери, детские психологи и книги. Но теперь вы говорите, что, оказывается, все могло бы быть совсем не так. Если честно, после того как я прочла книгу, я была так подавлена, что готова была застрелиться».

К счастью, она не пустила себе пулю в лоб, и с тех пор мы подружились. Она стала рьяным сторонником и агитатором за принцип непрерывности, и я имела возможность восхититься ее честностью и красноречием. Но испытанные ею чувства — подавленность, вина, сожаление — очень часто возникали у читателей, имеющих детей.

Конечно, даже страшно подумать, что мы сделали из лучших побуждений с самыми дорогими нам людьми. Но ведь наши любящие родители столь же невежественно и невинно сделали это с нами, а их родители — с ними. Большинство родителей из цивилизованных стран мира калечат психику доверчивых младенцев. Это уже стало обычаем (я не стану здесь распространяться о том, почему так произошло). Поэтому можем ли мы брать на себя вину или думать, что нас ужасно обманули, когда все окружающие поступали и поступают именно так? Но, с другой стороны, если из страха чувства вины мы отказываемся признавать жестокость обращения с детьми и друг с другом, то как же мы можем стать лучше?

Возьмем, к примеру, Нэнси, красивую седоволосую женщину,

прослушавшую одну из лекций, которые я читала в Лондоне. Она сказала, что с тех пор как она и ее дочь тридцати пяти лет прочитали книгу, новое понимание отношений между ними сблизило их, как никогда. Другая мать, Розалинда, рассказала мне, как на несколько дней после прочтения книги она впала в депрессию и плакала не переставая. Муж отнесся к ней с пониманием и терпеливо взял на себя заботу о двух маленьких дочерях, пока Розалинда страдала, пытаясь адаптироваться к новому взгляду на мир. «В определенный момент, — сказала она мне, — я поняла, что единственный выход для меня — снова прочесть книгу, на этот раз для того, чтобы собраться с силами».

О нашем странном неумении видеть

Один знакомый позвонил мне однажды в очень возбужденном состоянии и рассказал о том, что увидел в автобусе. Он сидел за женщиной-индианкой с маленьким ребенком. Они общались друг с другом просто и уважительно, что так редко для Великобритании. «Это было так красиво, — сказал он. — Я только что закончил читать твою книгу и вот встретил живой пример. Мне и раньше приходилось общаться со многими похожими людьми, но почему-то я не видел таких очевидных вещей. Мы могли бы многому у них научиться, если бы поняли, как им удается быть такими... и почему это не получается у нас».

Мы потеряли способность видеть и понимать. В Англии даже есть организация под названием Национальная Ассоциация Родителей Бессонных Детей. По всей видимости, она работает по принципу Общества Анонимных Алкоголиков, где на общих встречах несчастные родители орущих детей сочувственно утешают и подбадривают таких же страдальцев: «они когда-нибудь вырастут»; «спите с вашим супругом по очереди, тогда каждому из вас удастся поспать, пока другой успокаивает ребенка», или «ребенка можно оставить плакать одного, если вы уверены, что с ним все в порядке; это ему не повредит». *Лучшее*, что они могут предложить, это: «если уж совсем ничего не помогает, то нет ничего страшного в том, чтобы ребенок поспал вместе с вами в одной постели». Никому даже не приходит в голову, что все ночные войны могли бы прекратиться, если бы родители поверили детям, которые единогласно и совершенно ясно дают нам понять, где их место.

О зацикленности на ребенке и об уступчивых родителях

Родителю, посвящающему все свое время уходу за ребенком, вскоре станет скучно; к тому же он будет скучен для окружающих и, вполне возможно, станет обращаться с ребенком не самым лучшим образом. Ребенок ожидает, что он с рождения станет участником жизни занятого человека, будет в постоянном физическом контакте с ним и станет свидетелем ситуаций, с которыми ему придется сталкиваться во взрослой жизни. Ребенок на руках у матери пассивен. Он наблюдает. Ему доставляют удовольствие проявления внимания по отношению к нему — поцелуи, щекотка, подбрасывания в воздух и т. д. Но его основное занятие — это изучение событий окружающего мира. Эта информация помогает ребенку понять, что делают представители общества, в котором он живет, и, таким образом, готовит его к более ответственной жизни среди людей. Смотреть вопросительно на ребенка, который вопросительно смотрит на вас, — значит мешать реализации этого мощного импульса и тем самым вызывать в ребенке глубокое разочарование и не давать его разуму правильно развиваться. Ребенок ожидает увидеть сильную, занятую, доминирующую личность, по отношению к которой он может быть второстепенным, а взамен получает эмоционально слабого, раболепного человечешку, заискивающего перед ним и старающегося выудить из него благосклонность или одобрение. Ребенок станет подавать все более ясные знаки, означающие не недостаток внимания со стороны взрослых, а требование подходящего типа опыта. Разочарование ребенка во многом связано с тем, что подаваемые им сигналы (показывающие, что что-то не так) не приводят к изменению поведения взрослых.

Хулиганское поведение некоторых самых отчаянных и «непослушных» детей — на самом деле лишь мольба о том, чтобы им показали, как правильно себя вести. Постоянное потакание детям лишает их примеров из жизни взрослых, где они могут найти свое место согласно естественной иерархии взрослых и малышей и где их желательные *действия* принимаются, а нежелательные *действия* отвергаются, но *они сами* всегда принимаются такими, как есть.

Детям нужно почувствовать, что их принимают как благонамеренных и по своей природе дружелюбных людей, старающихся делать то, что верно, и полагающихся на предсказуемую реакцию старших в качестве

критерия правильного и неправильного. Ребенок ищет *информацию* о том, что заведено, а что нет. Так, если он разбил тарелку, ему необходимо увидеть некоторую злость или грусть по поводу уничтожения полезной вещи, но не прекращение уважительного к нему отношения. Ведь ребенок расстроен из-за своей неосторожности не меньше вас и сам уже решил быть более аккуратным.

Если родители позволяют ребенку все подряд и не делают различий между желательными и нежелательными действиями, ребенок часто ведет себя непослушно и даже хулигански. Тем самым он заставляет родителей играть правильную, подобающую им роль. И вот когда у родителей больше не остается никакого терпения, они взрываются и обрушивают на ребенка всю скопившуюся в них злобу. Они кричат: «С меня довольно!» — и ставят его в угол. Ребенок понимает это так: все его предыдущее поведение на самом деле было плохим, и родители его только терпели; они скрывали свои истинные чувства, и теперь неисправимое нахальство ребенка наконец положило конец их притворству. Во многих семьях играют именно по таким правилам: дети понимают, что родители «спускают им с рук*» частые нежелательные поступки. Но в один прекрасный момент наступает расплата, когда родители высказывают все, что они думают, по поводу испорченности своих детей.

В некоторых исключительных случаях (особенно в семьях, где первый ребенок появился достаточно поздно) родители так сильно любят свое чадо, что *никогда* никоим образом не дают ему понять, что следует делать, а чего нет. В таких случаях дети буквально начинают беситься. Они восстают при каждом новом вопросе «Хочешь это?». «Что ты хочешь есть?.. делать?.. надеть?.. Что ты хочешь, чтобы мама сделала?» И так далее.

Я знала очаровательную девочку двух с половиной лет, с которой обращались именно так. Она никогда не улыбалась. Если родители заискивающе предлагали ей то, что могло бы ей понравиться, она недовольно косилась и упрямо повторяла: «Нет!» Ее отказы делали родителей еще более подобострастными, и казалось, этому не будет конца. Малышке был нужен наглядный родительский пример, из которого она могла бы чему-нибудь научиться. Но это было невозможно, ведь родители всегда ожидали инструкций от *нее*. Они были готовы исполнить любые желания дочери, но не могли понять потребности ребенка видеть родителей, ведущих свою взрослую жизнь.

Дети тратят немало усилий, пытаясь привлечь к себе внимание, но не потому, что они испытывают в нем недостаток. Просто получаемый детьми

опыт неприятен, и они сигнализируют об этом взрослым. Постепенно стремление, чтобы ребенка замечали, становится его самоцелью, невольной борьбой с другими людьми. Таким образом, если внимание родителей вызывает в ребенке еще более бурную реакцию, значит, оно явно ненадлежащего рода. Если рассуждать здраво, то вряд ли можно представить, что какой-либо вид эволюционным путем дошел до того, что дети постоянно доводят своих родителей. Обратимся к примеру миллионов семей в странах третьего мира, где родители не были обучены не доверять и не понимать своих детей. Мы увидим семьи, живущие в мире и согласии, где каждый ребенок от четырех лет с радостью вносит свою полезный вклад в общую работу.

Новые мысли о психотерапии

Мой подход к исправлению последствий недостатка правильного опыта в детстве постепенно изменялся от попыток воспроизвести сами недополученные ощущения к работе с сознательными и бессознательными импульсами, возникшими в психике вследствие недостатка этого опыта. В своей психотерапевтической практике я обнаружила, что человек может изменить свои заниженные или негативные ожидания от себя или от окружающего мира путем тщательного разбора этих ожиданий, причин их возникновения и обоснования их ложности. Даже самое глубокое чувство ущербности имеет в основе врожденное знание своей истинной ценности. Это знание отрицается и искажается опытом, накладывающим ложные убеждения, которые в младенчестве и детстве человек не может поставить под сомнение. У человека возникают не поддающиеся осознанию, безымянные, бесформенные страхи, и он теряет свободу действий и свободу мысли во всем, что с ними связано. Эти страхи иногда настолько ограничивают человека, что он может спокойно жить лишь в пределах сознательно суженного жизненного пространства, напоминающего тесную тюремную камеру.

Если взрослый проследит свои страхи до самых истоков, то обнаружит, что в их основе лежат события, которые могут пугать только ребенка. Тогда человеку больше не придется убегать от предметов и обстоятельств, так долго наводивших на него ужас, и ранее парализованные части души наконец возвратятся к нормальному функционированию. Человек сможет позволить себе быть тем, чем ему запрещали быть: удачливым или неудачником; «добряком» или злым; любящим или принимающим любовь; рискующим или избегающим риска. Он начнет жить непринужденно, обретет способность прислушиваться к своим инстинктам и здраво рассуждать.

В конце 1970-х годов я помогала доктору Франку Лэйку, работавшему в своем центре в Ноттингеме. Он уже тридцать лет занимался передовыми исследованиями в области психического катарсиса при повторном переживании рождения и, прочтя мою книгу, захотел мне продемонстрировать, что человеческие чувства подвергаются испытаниям не только в процессе и после рождения, но и во время пребывания в утробе матери. Многие его пациенты (а впоследствии и некоторые из моих) заново переживали во всех деталях опыт, предшествующий рождению, что

убедило меня в правоте доктора Лэйка. Кроме того, я испытала на себе исцеляющее воздействие переживания перинатального опыта еще до того, как наблюдала других людей, принимавших позу беспомощного зародыша, имитировавших движения, издававших звуки и выражавших чувства, присущие плоду.

Я до сих пор использую эту технику, когда у моих пациентов возникает необходимость узнать об их рождении, первых днях и неделях жизни, а также опыте внутри матки. У меня создалось впечатление, что как бы ни было сильно повторное переживание рождения, само по себе оно далеко не всегда приводит к исцелению. Этот опыт ценен тем, что помогает индивиду составить целостную картину его жизни и отбросить некоторые неверные представления о себе и об окружающем мире. Иногда переживание прошлого опыта становится последним недостававшим звеном головоломки; человек совершает большой шаг от понимания к осознанию и начинает вести себя в соответствии со своим новым мировоззрением. Переворот во внутреннем мире человека происходит именно из-за осознания правды и, видимо, *только* из-за этого, вне зависимости от того, как индивид пришел к этому осознанию: упорной самоисследовательской работой с использованием индукции и иногда дедукции; переоценкой убеждений, усвоенных еще в детстве и никогда не подвергавшихся сомнению (обычно имеющих отношение к понятиям «хорошего» и «плохого»); переживанием «забытого» травмирующего события из собственной жизни или через информацию, полученную от людей, которые помнят это событие. Наступающее после этого освобождение, сопровождаемое значительными изменениями в самом человеке, обычно проявляются довольно быстро, в считанные месяцы.

В свете принципа непрерывности человек, ищущий помощи, - по своей сути «правильное» существо, чьи потребности, свойственные его виду, не были удовлетворены и чьи ожидания определенного типа опыта, сформированные эволюционным путем, возможно, были встречены отторжением или осуждением со стороны родителей, которые должны были уважать и удовлетворять эти ожидания. Безответственные родители, к сожалению, заставляют ребенка чувствовать себя нелюбимым, недостойным и недостаточно «хорошим». По своей природе ребенок не способен понять, что родители могут ошибаться, следовательно, он начинает думать, что все дело в нем самом. Поэтому когда он может глубоко осознать, что его слезы, угрюмость, неуверенность в себе, апатия или возмущение были правильной реакцией человека на неправильное отношение, все его чувство неполноценности изменяется как по

волшебству. По-моему, анализ прошлого человека в этом свете уже имеет благотворное влияние: его заставляли чувствовать себя никчемным, лишним или виноватым, но теперь он наконец получает возможность поставить такое отношение к себе под сомнение и отбросить навязанные ему представления. Я рада, что многие психотерапевты нашли принцип преемственности полезным для себя, своих учеников и пациентов.

И в самом деле, за десять лет, прошедших с первого издания этой книги, в самых разных областях — акушерстве, педиатрии, общественных институтах, психологии — и среди широкой общественности, ищущей достойной системы ценностей, сформировалось куда более благоприятное отношение к изложенным в ней идеям. Мне было особенно приятно увидеть в журнале «Тайм» описание героя одного фильма, содержащее такие слова: «Ее чувство ответственности перед обществом основывается на безошибочных инстинктах, а не на сомнительной идеологии».

Надеюсь, что это новое издание, а также переводы на другие языки помогут «безошибочным инстинктам» занять подобающее им место в нашей пока еще очень «сомнительной идеологии».

Лондон, 1985 г.

Ассоциация Континуума Ледлофф

Ассоциация Континуума Ледлофф — всемирная организация, объединяющая людей, стремящихся следовать принципу преемственности в своей жизни. Всю информацию об организации (на английском языке) можно получить на веб-сайте в сети Интернет по адресу: www.continuum-concept.org

Первые члены Ассоциации в России — Ирина и Леонид Шарашкины, переводчики этой книги и инициаторы ее издания в нашей стране. Узнать больше о принципе непрерывности, задать вопросы или просто высказать мнение о книге можно, посетив веб-страницу в Интернете samorodok.tripod.com, написав по электронной почте samorodok@mail.ru или по простой почте по адресу: Россия, 105179, Москва, Е-179, мрн. им. Гагарина, Шарашкину Леониду Евгеньевичу.

notes

Примечания

Вот это высказывание: «...мне было бы стыдно признаться индейцам, что на моей родине женщины считают себя неспособными растить детей без инструкций, изложенных в книгах какими-то чужими людьми, да еще мужчинами».

Smith-Bowen E. *Return to Laughter*, London, 1954.

Bowlby J. Maternal Care and Mental Health, W.H.O. 1951.

Harlow H. F. «The Development of Affectioned Patterns in Infant Monkeys» in Brian M. Foss (ed.), *Determinants of Infant Behavior*, London, 1961.

Van Lawick-Goodall J. *In the Shadow of Man*, Boston, 1971.

Kempe C. H. and Heifer R. (eds.). *Helping the Battered Child and His Family*, Oxford and New York, 1972.